

Министерство образования и науки Российской Федерации
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет

**ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И БЫТОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

Сборник научных трудов

Нижний Новгород
Нижегородский государственный университет
2014

УДК [882(09)+93/99(093)](066)
ББК Ф4(0)30 Я73-3
П 78

Рецензенты:

*Н.И. Солнцев — доктор исторических наук, профессор
Г.С. Самойлова — кандидат филологических наук, доцент*

П 78 Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы: Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Русинова. — Нижний Новгород: ННГУ, 2014. — 186 с.

Редакционная коллегия:

*Е.А. Молев, Н.Н. Грибов, В.Н. Русинов (отв. редактор),
С.А. Рылов, Ф.А. Селезнев, М.Г. Уртминцева*

В статьях сборника представлены результаты исследования ряда актуальных вопросов, относящихся к источниковедению отечественной истории, русской ономастике, средневековой книжности. Приведены доказательства ошибочности распространенного мнения о существовании в древности на оз. Клещине города «Клещина». Установлено, что это мнение основано на ошибочном упоминании «Клещина» как города в «Списке имен русских городов, дальних и ближних». Объяснены причины, вынудившие Юрия Долгорукого перенести город Переяславль Залесский с места его первоначального основания и заново построить на р. Трубеж. Получено подтверждение выводов, сделанных ранее на основании археологических данных, об участии ильменских словен и кривичей в колонизации восточной части Волго-Окского междуречья в эпоху раннего Средневековья. Сделан ряд важных наблюдений по вопросу происхождения летописных известий, посвященных Юрию Долгорукому как создателю городов и храмов в Ростово-Суздальской земле. Внесен ряд существенных корректив в объяснение гидронимов «Клешино», «Переяславское», «Плещеево». Дано палеографическое описание конволюта XVI–XVII в., хранящегося в составе рукописного собрания Нижегородского госуниверситета. Ранняя часть рукописи описана не только в палеографическом, но также в лингвистическом и орфографическом отношениях.

Для специалистов и всех интересующихся русской средневековой историей, письменностью, культурой.

ББК Ф4(0)30 Я73-3

© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2014

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД «КЛЕЩИН»: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ФИКЦИЯ?

В.Н. Русинов

В отечественной исторической литературе с XIX в. стало распространяться мнение, согласно которому в Ростовской земле на оз. Клещине с раннего времени существовал древнерусский город «Клещин», впоследствии заброшенный и запустевший.

Так, еще Н.М. Карамзин, комментируя в одном из примечаний к своему труду по отечественной истории относящиеся в каком-то известном ему летописном источнике к описанию строительной деятельности князя Юрия Долгорукого слова «И в Переславль преведе от Клещина», пояснил далее в скобках: «бывшего не далеко от Переславля»¹. Из этого ясно, что выражение «от Клещина» в цитированном свидетельстве исследователь воспринимал как упоминание города, носившего имя «Клещин». Такой же смысл Н.М. Карамзин, по всей вероятности, вкладывал в слова «от Клещина», когда здесь же отмечал: «В Никонов. сказано, что он (т.е. Юрий Долгорукий. — *В.Р.*) перенес от Клещина город Переславль». Подобным же образом позднее расценивал выражение «от Клещина» в соответствующем месте Никоновской летописи археолог А.С. Уваров². Он считал, что в летописи здесь подразумевается мерянский по происхождению городок, который, следовательно, не мог именоваться Переяславлем. По мнению А.С. Уварова, название этого городка звучало предположительно, как «Клещино». Когда же при Юрии Долгоруком городок был перенесен на р. Трубезь, он получил имя «Переяславль» — «в воспоминание южного Переяс-

лаваля». Особого внимания заслуживает содержание воспроизведенного А.С. Уваровым местного предания: «Про городок самое предание говорит, что здесь заложен был первоначально город и отсюда потом перенесен на нынешнее место Переяславля, на берега Трубежа». Со временем представление о существовании в Залесской земле на берегу оз. Клещина небольшого городка с названием «Клещин» стало приобретать у части ученых все большее признание. М.И. Смирнов, например, одну из своих публикаций так и озаглавил: «Залесский город Клещин»³. О существовании в древности города «Клещина» на оз. Клещине впоследствии с уверенностью писали К.И. Иванов⁴, М.Н. Тихомиров⁵, А.Г. Чиняков⁶, А.М. Сахаров⁷, И.А. Голубцов⁸, С.Д. Васильев⁹, А.В. Куза¹⁰ и другие авторы. Однако наиболее заметная роль в утверждении и популяризации точки зрения на древнерусский город «Клещин» как на историческую реальность принадлежит, пожалуй, археологам¹¹. Выражением убежденности в существовании города с таким названием совсем недавно стало включение К.И. Комаровым в «Археологическую карту России» городища «г. Клещин» с сопутствующими пояснениями¹².

Большинство археологов, признающих существование в древности на оз. Клещине города с названием «Клещин», считает его остатками небольшое и достаточно хорошо сохранившееся городище на северо-восточном берегу оз. Плещеева (в древности — оз. Клещина). Имеется в виду древнее городище, расположенное на мысу коренного берега оз. Плещеева между двумя оврагами (Лисьим и Глининским). Такого же мнения о местоположении города «Клещина» первоначально придерживался и П.Н. Третьяков¹³. Однако впоследствии он изменил свою точку зрения и в качестве расположения города «Клещина» стал указывать на так называемую Александрову гору, возвышающуюся над окружающим рельефом в нескольких сотнях метров к северу

от упомянутого городища на мысу между Лисьим и Глининским оврагами¹⁴. Допустимость последнего мнения, предложенного П.Н. Третьяковым, признавал Н.Н. Воронин, склоняясь, тем не менее, к точке зрения большинства археологов¹⁵. Именно эта наиболее распространенная точка зрения предлагается и в одной из последних публикаций обобщающего характера¹⁶.

Интересы дальнейшего исследования требуют наблюдений над тем, что и как в разных работах говорится по вопросу о городе «Клещине».

Начать следует с рассмотрения некоторых суждений краеведа-любителя М.И. Смирнова, который продвигал идею существования древнерусского города «Клещина» на побережье оз. Клещина со свойственным краоведам энтузиазмом¹⁷.

В отличие от позднейших исследователей, отстаивавших мнение о городе «Клещине» как об исторической реальности, М.И. Смирнов видел косвенное указание на его существование даже в «Повести временных лет». По мнению исследователя, такое указание «Повесть» содержит в тексте вводной части при определении зоны обитания финно-угорского племени мерян. Воспроизводя это хорошо известное летописное свидетельство со ссылкой на ряд изданных к тому времени летописных памятников (Лаврентьевскую, Софийскую первую, Воскресенскую, Никоновскую летописи, а также летопись Авраамки), М.И. Смирнов дважды передал его в таком виде: «на Ростовском озере Меря, на Клещине Меря же». Однако на самом деле соответствующее чтение во всех перечисленных летописях после выражения «на Клещине» содержит древнерусскую форму «озере» или церковнославянскую «езере»¹⁸. Принадлежность той или иной из них изначальному чтению соответствующего летописного текста не может подлежать никакому сомнению, поскольку именно таким его передают основные списки «Повести временных лет» и

ее многочисленные позднейшие переработки¹⁹. Поэтому если бы в соответствующем месте какого-то летописного списка и встретилось выражение «на Клещине» (вместо «на Клещине озере»), то это с полной уверенностью можно было бы считать результатом случайного пропуска формы «озере» или ее сознательного устранения из текста. Для чего М.И. Смирнову понадобилась грубая подтасовка текстуальных данных летописного свидетельства, видно из его дальнейших рассуждений. Согласно им, оз. Неро определено в этом свидетельстве как оз. Ростовское — по имени расположенного на его побережье города Ростова, что, разумеется, вполне очевидно и не может вызвать никаких возражений. По мнению М.И. Смирнова, и упоминаемое ниже оз. Клешино должно было получить свое наименование по названию располагавшегося на его берегу города, который, следовательно, мог именоваться не иначе как «Клешин». Свой вывод М.И. Смирнов сформулировал в следующем виде: «Таким образом, свидетельство летописца может быть перефразировано так: "На озере города Ростова — Меря, на озере города Клещина — Меря же"». Если так, то вместо «на Клещине озере», как сообщается в летописном тексте, можно сказать просто «на Клещине» — не все ли равно? К тому же в выражении «на Клещине», особенно при большом желании, легче, чем в словосочетании «на Клещине озере», усмотреть свидетельство о городе «Клещине». Поэтому для большей выразительности летописный текст можно и подправить, исключив в нужном месте словесную форму «озере». Подобные рассуждения, по всей вероятности, казались М.И. Смирнову глубокомысленными, и едва ли он в полной мере осознавал их спекулятивность. Явно не замечал М.И. Смирнов и того подхода, которым руководствовался летописец, указывая известные ему зоны расселения финно-угорских племен веси и мери. Согласно этому подходу, в качестве главно-

го ориентира назывались крупные озера: «*На Беле озере седять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же*»²⁰. Во всяком случае точный перевод цитированного отрывка может быть только таким: «На Белом озере обитает весь, на Ростовском озере живет меря, и на Клещине озере тоже меря». Следует обратить внимание также на то, что города Белоозеро и особенно Ростов неоднократно упоминаются «Повестью временных лет» в летописных известиях IX–XI вв., тогда как о предполагаемом городе «Клещине» в относящихся к тому же периоду свидетельствах «Повесть» никаких упоминаний не содержит. Не устанавливается ли тем самым надуманность привлечения М.И. Смирновым данных вводной части «Повести временных лет» для обоснования мнения о существовании древнерусского города с названием «Клещин»?

Как представлялось М.И. Смирнову, встречающееся в некоторых летописях под 1152 г. свидетельство о переводе Юрием Долгоруким города Переяславля «от Клещина» не может быть понято в том смысле, что выражение «от Клещина» подразумевает оз. Клешино, поскольку выстроенный на новом месте город иногда в летописях именуется Переяславлем, «*иже на Клещине озере*». Едва ли бы летописец, по убеждению М.И. Смирнова, посчитал необходимым сообщить о переводе города Переяславля с одного места на оз. Клещине на другой участок побережья того же самого озера. Следовательно, употребленное летописцем под 1152 г. выражение «от Клещина» должно, по М.И. Смирнову, подразумевать город «Клещин», а не оз. Клешино. Полемизируя с мнением И.Е. Забелина, не видевшим, судя по всему, никакого повода признавать существование «Клещина» в качестве исторической реальности, М.И. Смирнов писал так: «Выходит, что один и тот же Переславль был сначала в одном месте озера Клещина, потом в другом. Если принять во внимание, что

был еще Клещин, то, следовательно, на берегу озера надо искать три города. Но, несомненно, их было только два: бывший Клещин и существующий теперь Переславль». К выраженной в этих словах позиции впоследствии безоговорочно присоединился С.Д. Васильев²¹. Однако трудно разделить скепсис М.И. Смирнова по поводу возможности перевода города Переяславля с одного места на другое в пределах прибрежной зоны оз. Клещина, пока не выяснен практический смысл этого осуществленного по инициативе Юрия Долгорукого мероприятия.

Бесспорным свидетельством о существовании города «Клещина» представлялось М.И. Смирнову упоминание поселения с таким названием в «Списке имен русских городов, дальних и ближних».

Анализ письменных свидетельств, проливающих, по мнению М.И. Смирнова, свет на вопрос о городе «Клещине», позволил исследователю обобщить результаты своих наблюдений в таком виде: «Рассматривая в совокупности приведенные свидетельства летописей, можно отметить, что первое косвенно, второе хотя неясно, но прямо, и третье несомненно говорят о городе Клещине. Вместе же взятые, они прочно устанавливают то положение, что на берегах Клещина (Плещеева) озера до основания г. Переславля существовал древний город Клещин». Касаясь одного из выраженных здесь суждений, нельзя не задать вопрос о том, как же может быть «прямо» второе свидетельство, если оно «неясно»?

П.Н. Третьяков, высказывая свою первоначальную точку зрения, согласно которой остатками города «Клещина» должно считаться городище на мысу коренного берега оз. Плещеева между Глининским и Лисьим оврагами, писал: «В эту же эпоху (подразумевается вторая половина XI в. — первая половина XII в. — *В.Р.*) на Плещееве озере был построен город Кле-

щин, обнесенный высокими земляными стенами. Он просуществовал всего лишь несколько десятилетий и был перенесен князем Юрием Долгоруким на другое, более удобное место — в устье р. Трубеж — и назван Переяславлем»²². По поводу содержащегося в этих высказываниях П.Н. Третьякова утверждения о переносе города «Клещина» на новое место нельзя не сказать, что ни в одном из сохранившихся источников таких сведений нет: согласно имеющимся летописным свидетельствам, на новое место Юрий перенес город Переяславль. Вызывает недоумение и находящееся в приведенных рассуждениях П.Н. Третьякова замечание о том, что переведенный на новое место город «Клещин» получил название «Переяславль», то есть был переименован. Во всяком случае источники не содержат никаких данных и на этот счет. Поэтому остается непонятным, по какой причине за перенесенным городом не сохранилось его прежнее название. В одной из работ, вышедших продолжительное время спустя, П.Н. Третьяков писал: «В восточной части Волго-Окского междуречья в X в. находился один древний город, почему-то не названный на первых страницах летописи. Судьба его как археологического памятника сложилась очень печально. Он был расположен на северо-восточном берегу Плещеева озера. Ныне его остатки называются Александровой горой в память Александра Невского... Вероятнее всего, именно этот город носил имя Клещин... Но обычно в литературе с городом Клещинным связывается другое городище, относящееся к XI–XII вв. и расположенное недалеко от Александровой горы (в 540–600 м) у села Городище. Это вряд ли, однако, справедливо. В 1152 г. Юрий Долгорукий "град Переславль от Клещина перенесе и созда больши старого, и церковь в нем постави камену святого Спаса". Следовательно, "старый Переславль" строился сначала около древнего Клещина. Это был небольшой городок, окруженный земляным валом, хо-

рошо сохранившимся до сегодняшнего дня. Просуществовал он очень недолго — на площади городища почти нет культурного слоя, в нем были сделаны лишь отдельные находки обломков керамики XI–XII вв. Юрием Долгоруким город был перенесен "от Клещина" на более удобное во всех отношениях место — в устье реки Трубеж»²³. Здесь, таким образом, П.Н. Третьяков формулирует свой новый взгляд на проблему города «Клещина», порывая с более обычными представлениями, которых ранее придерживался и сам. Но особенно важно в данном случае то, что ученый обнаруживает свое понимание смысла приводимого летописного известия, трактуя заключенное в нем выражение «от Клещина» как «от города Клещина» без каких-либо доказательств. Это дает ему возможность поместить между городом «Клещинным», располагавшимся будто бы на Александровой горе, и перенесенным на новое место Переяславлем (Залесским) еще и «старый Переяславль».

М.Н. Тихомиров писал в одной из своих работ середины 40-х гг. XX в.: «Местность в районе Переяславского, или Клещина, озера была издавна населена... Название свое озеро получило от древнего поселения — города Клещина, упоминаемого еще в списке русских городов конца XIV — начала XV века. Имя этого города, кажется, славянское и не имеет никакого отношения к языку мери. Место Клещина города видят в обнесенном валом укреплении на возвышенном восточном берегу озера, вблизи нынешнего села Городища». И далее, несколькими строками ниже: «Первоначальный Переяславль, или Клещин, однако, не имел большого значения, так как летописец упомянул бы о городе, говоря об одноименном озере. Рост города связан с колонизационной деятельностью Юрия Долгорукого, который в 1152 г. "град Переяславль от Клещина перенесе и созда больши стараго, и церковь в нем постави камену святаго Спаса". Новый

город назван был Переяславлем, по-видимому, в честь южного Переяславля, хорошо знакомого Юрию Долгорукому»²⁴. Однако приведенные соображения М.Н. Тихомирова не могут не вызвать ряда критических замечаний. Во-первых, употребленное М.Н. Тихомировым выражение «Клещина города» (в именительном падеже было бы, следовательно, «Клещин город») противоречит его утверждению о происхождении названия оз. Клещина от города «Клещина». Действительно, определение города, расположенного на берегу озера, как «Клещина города», по существу, исходит из зависимости названия города от названия озера. Во-вторых, М.Н. Тихомиров не объяснил, в каком смысле нужно понимать его суждение о том, что город «Клещин» одновременно представлял собой также и «первоначальный Переяславль». Поэтому осталось неясным, действительно ли город «Клещин» мог называться также и Переяславлем. В-третьих, трудно согласиться с мнением М.Н. Тихомирова о том, что город «Клещин» мог быть обойден вниманием летописцев, поскольку не имел большого значения. Как видно из летописных источников, древние летописцы часто упоминали те или иные поселения отнюдь не в связи с каким-то особым их значением, а просто потому, что в силу тех или иных причин они имели отношение к тем или иным событиям, подчас совершенно рядовым. В-четвертых, осталось необъясненным, почему нужно считать, что построенный на новом месте Переяславль (Залесский) получил свое имя в честь южного Переяславля, а не унаследовал его как второе название города «Клещина», если оно у него действительно было возможно. Ведь этот город, согласно М.Н. Тихомирову, являлся также и «первоначальным» Переяславлем. Из произведенных наблюдений можно вынести только тот вывод, что для суждений исследователя о городе «Клещине» характерно явное преобладание беллетристического подхода над научно-

исследовательским. Несколькими годами позднее М.Н. Тихомиров снова коснулся проблемы города «Клещина». В статье, посвященной изучению «Списка имен русских городов, дальних и ближних», он высказался так: «Между Владимиром и Переяславом указан город "Клещин". Можно было бы читать "Клещин Переяславль", признавая слово "Клещин" вторым названием Переяславля, но есть полное основание считать, что существовал особый городок "Клещин", может быть, предшествовавший по времени своего возникновения позднейшему Переяславию, построенному в 1152 г. Переяславское озеро, как известно, названо в Начальной летописи Клещиным. Следовательно, город Клещин надо искать на этом озере. Действительно, на берегу Переяславского озера расположено село Городище, на месте которого и полагают древний Клещин»²⁵. Таким образом, «полное основание» для утверждения о существовании на оз. Клещине одноименного городка М.Н. Тихомиров видел в летописном свидетельстве под 1152 г. и в «Списке имен русских городов».

Внимания заслуживают высказывания, принадлежащие Н.Н. Воронину. Первоначально этот исследователь, судя по одной из его ранних работ, не считал вероятным существование на оз. Клещине города с названием «Клещин»²⁶. Более того, сначала он придерживался мнения, согласно которому выражение «переведе от Клещина» в летописном сообщении под 1152 г. подразумевает перевод Юрием Долгоруким города Переяславля от оз. Клещина. Разъясняя смысл летописного текста, ученый заметил, что Юрий «перевел город Переяславль от Клещина (озера) и заложил великий город...»²⁷. Однако вскоре после выхода в свет первого издания работы М.Н. Тихомирова, посвященной древнерусским городам, трактовка известного летописного свидетельства в высказываниях Н.Н. Воронина радикально изменилась. Вот одно из них: «По-видимому, с временем

этих князей (имеются в виду Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах. — В.Р.) связано возникновение предшественника нынешнего Переяславля, укрепленного княжеского городка — Клещина, расположенного на северном берегу озера, около с. Городища... Этот городок просуществовал, однако, всего несколько десятков лет. Он был, видимо, неудобен ввиду мелководья прилегающего края озера и отдаленности пути торговых караванов. Возможно, поэтому суздальский князь Юрий Долгорукий в 1152 г. "град Переславль от Клещина перенесе и созда больши старого и церковь в нем постави камену святого Спаса". Но память о городе Клещине жила еще долго...»²⁸. Очевидно, что в приводимом исследователем летописном свидетельстве речь идет о переносе на другое место города Переяславля. Следовательно, память должна была сохраняться о первоначальном местонахождении Переяславля, а не «Клещина». Однако в рассуждениях Н.Н. Воронина место Переяславля каким-то непостижимым образом занимает город «Клещин». Следует привести еще одно высказывание этого автора из другой работы того же периода: «Предшественник Переславля город Клещин... лежал в 3–4 км на восток от Переславля также на берегу озера...»²⁹. Можно, конечно, согласиться с таким взглядом, но только в том случае, если иметь в виду, что город «Клещин» предшествовал Переяславлю (Залесскому) по времени возникновения и по возлагавшимся на него функциям. Однако при этом без объяснения остается вопрос о причине, обусловившей изменение названия города. А вот соображения Н.Н. Воронина в одной из позднейших работ: «Видимо, в начальную пору княжения Юрия Долгорукого и сооружается на высоком, господствующем над широкой округой северо-восточном берегу Плещеева озера, рядом со старым меряно-русским поселком, Клещин, сторожевой городок. Он был многозначительно назван Пе-

реяславлем, но обойден вниманием летописца. Имя его — не только дань памяти о Переяславле Южном, но и знак того, что новый городок "перенимал" значение старого Клещина»³⁰. Здесь вызывает недоумение почему-то выпавшая из рассуждений ученого деталь с переносом города Переяславля на новое место. В результате оказывается, что город «Клещин» был по непонятной причине просто переименован в Переяславль, продолжая оставаться на своем старом месте, то есть речь идет об одном и том же поселении. Но еще более неожиданное заявление исследователь делает ниже: «Так или иначе в 1152 г. Юрий "переводит" город из соседства с Клещиным ("от Клещина") на равнинный берег реки Трубеж...»³¹. Теперь уже получается, что первоначально город Переяславль находился в соседстве с городом «Клещиным», а затем был переведен на р. Трубеж, впадающую в оз. Плещеево южнее, то есть речь идет, как и у П.Н. Третьякова, о трех разных поселениях. Как все это понимать?

Точка зрения А.М. Сахарова заключается в том, что древний город «Клещин» был перенесен Юрием Долгоруким на другое место и послужил «основой для развития Переяславля-Залесского»³². Как нетрудно понять, это модификация того самого мнения, в котором городу «Клещину» отводится роль «предшественника» города Переяславля Залесского. При этом вопрос о том, зачем нужно было название переведенного на новое место города «Клещина» изменять на «Переяславль», почему-то выпал из поля зрения ученого.

П.А. Раппопорт выразил свое мнение по рассматриваемому вопросу в таких словах: «Городок Клещин был, по-видимому, основан в первой половине XII в., но уже в 1152 г. был заброшен в связи с постройкой Переяславля Залесского»³³. Следует обратить внимание на то, что автор не касается вопроса, связанного с переносом города на другое место, в силу чего отпадает

необходимость рассматривать и вопрос об отсутствии преемственности между наименованием вновь созданного города (Переяславля) и запустевшего города «Клещина». Но очевидно, что при этом игнорируются приводимые летописями под 1152 г. известные данные, противоречащие представлениям исследователя.

И.В. Дубов, говоря о возникновении Переяславля Залесского, обратил внимание на существующее по этому поводу летописное свидетельство 1152 г. и повторил ранее уже высказывавшееся М.И. Смирновым соображение: «Летописец сообщает, что князь Юрий перенес город от Клещина на новое место. Версия о том, что город был перенесен от озера, не выдерживает критики, так как Переяславль Новый (Залесский) тоже стоит на берегу оз. Клещино»³⁴. Ниже, вполне справедливо рассматривая Переяславль Залесский как крепость, исследователь отмечает, что она «переносилась от города Клещина, а что имел в виду под ним летописец, пока нам неясно. Александрова гора вряд ли может претендовать на эту роль...»³⁵. Таким образом, И.В. Дубов, подобно П.Н. Третьякову, М.Н. Тихомирову, Н.Н. Воронину и другим исследователям, предлагал считать, что в привлеченном им летописном известии речь идет о городе «Клещине», а не об оз. Клещине.

Ряд новых соображений И.В. Дубов высказал по вопросу о месте расположения города «Клещина». В кратком сообщении с многообещающим заголовком «Открытие летописного Клещина» он (совместно с В.А. Лапшиным) предложил считать остатками «Клещина» археологически обследованное древнее поселение, которое расположено на плато коренного берега оз. Плещеева между Александровой горой и городищем на ограниченном Лисьим и Глининским оврагами мысу³⁶. Что же касается городища на этом мысу, то оно, по И.В. Дубову, возникло в непосредственной близости от поселения (т.е. города «Клещина»)

позднее в качестве замка. В последующих работах И.В. Дубов развил свое понимание проблемы города «Клещина»³⁷. Согласно его представлениям, на северо-восточном побережье оз. Плещеева с глубокой древности происходило формирование целого микрорайона, или Клещинского комплекса, в состав которого входила и Александрова гора, и возникавшие поблизости поселения с их погребальными курганами, и замок (крепость). С течением времени структура Клещинского комплекса претерпевала определенные изменения. Однако при изложении этих соображений И.В. Дубов воздержался от прямого ответа на вопрос о том, какой же из относившихся к Клещинскому комплексу компонентов может быть отождествлен с городом «Клещинным», ограничившись указанием лишь на то, что город «Клещин» возникал «на удобном месте» как «древнерусский раннегородской центр». В результате создается весьма странная ситуация: исследователь то и дело оперирует понятием город «Клещин», но о чем именно идет речь, так и остается неясным. Поневоле напрашивается вопрос о том, является ли выполнимой задача по отысканию на берегах оз. Клещина вполне определенного места для города «Клещина»? Точку зрения, далекую от более или менее обычных представлений ученых, придерживавшихся мнения о городе «Клещине» как об исторической реальности, И.В. Дубов высказал и по вопросу о его судьбе в позднейшее время. Многие ученые полагали, что после перевода Юрием Долгоруким на р. Трубеж город «Клещин» утратил свое былое значение и быстро запустел. Возражая против подобного взгляда, И.В. Дубов обращал внимание на то, что в «Списке имен русских городов», относящемся к началу XV в., упоминание о городе «Клещине» находится между упоминаниями о городах Владимире и Переяславле. Из этого, по И.В. Дубову, вытекает, что «укрепленный город Клещин существовал в XIV–XV вв. и был хорошо извест-

тен наряду с его летописным "преемником" Переяславлем». Однако упоминание «Списком» города «Клещина» в соседстве с Владимиром и Переяславлем может свидетельствовать вовсе не об известности «Клещина» в XIV–XV вв., как показалось И.В. Дубову, а, скорее, о том, что в каком-то источнике «Списка» все три города упоминались рядом. Вопреки мнению И.В. Дубова упоминание в «Списке» города «Клещина» не может служить доказательством его существования в XIV–XV вв. Судя по всему, И.В. Дубов исходил из того, что «Список» зафиксировал имена русских городов, продолжавших существовать ко времени его составления, но принять это мнение невозможно. Иначе придется считать существовавшими к рубежу XIV–XV вв. решительно все значащиеся в «Списке» города, а это было бы, конечно, абсурдом. Если согласиться с мнением И.В. Дубова о существовании города «Клещина» в XIV–XV вв., то нужно будет допустить его существование и в XIII в., и даже во второй половине XII в. Но в этом случае практически невозможно объяснить, почему в летописных текстах ростово-суздальского, а затем и московского происхождения город «Клещин», располагавшийся совсем рядом с таким возвысившимся на продолжительное время городским центром, как Переяславль Залесский, ни разу не нашел внятного упоминания. Создается впечатление, что исследователь по вполне понятным причинам просто «набивал цену» предмету своего внимания и не замечал очевидного.

Способ обращения с летописными источниками, продемонстрированный И.В. Дубовым в своих работах, вынуждает сделать несколько критических замечаний и по этому поводу. Так, свидетельство Новгородской четвертой летописи о переводе Юрием Долгоруким города Переяславля «от Клещина» на другое место исследователь передал в следующем виде: «В лето 6660 Юрий Володимеричь Переславль переведе от Клещина и заложи град

велик (созда болши старого) и церковь постави Святого Спаса в Переяславле». Как известно, слов, которые И.В. Дубов поместил в скобках, Новгородская четвертая летопись не содержит. Но эти слова нельзя считать и авторским пояснением И.В. Дубова, поскольку они отражают древнерусский текст. Очевидно, что отмеченный скобками фрагмент заимствован из другого источника и таковым, несомненно, является соответствующий отрывок в сообщении Никоновской летописи под 1152 г. о строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле. Исследователь, таким образом, включил в текст одной летописи тематически связанный с ним отрывок другой, позднейшей по происхождению. Поэтому не приходится удивляться тому, что комбинированный текст оказался противоречивым по смыслу. В самом деле, Юрий Долгорукий, согласно Новгородской четвертой и другим летописям, «заложил град велик», то есть положил начало укреплению будущего значительного поселения, ставшего впоследствии известным как Переяславль Залесский. Однако помещенные И.В. Дубовым в скобках слова «созда болши старого» противоречат непосредственно предшествующим, так как свидетельствуют не о начале, а о завершении Юрием мероприятий по сооружению города. Та же самая тенденция нашла отражение и при обращении И.В. Дубова к показаниям Воскресенской летописи. По его словам, в свидетельстве этой летописи под 1157 г. о завершении Андреем Боголюбским заложенного его отцом, Юрием Долгоруким, собора св. Спаса «особо подчеркивается, что собор построен не просто в Переяславле, а в "Переяславле Новом"». Подобное уточнение читается, однако, не в Воскресенской, а в некоторых других летописях. Воскресенская же летопись, как известно, в соответствующем месте содержит слова «в Володимери». И.В. Дубов, как видно, руководствовался весьма далекими от действитель-

сти представлениями о явлениях, наблюдавшихся в истории древнерусского летописания. Однако ясно, что профессиональный подход в работе с письменными источниками не помешал бы в археологическом по своей специфике исследовании И.В. Дубова, коль скоро без их привлечения обойтись было невозможно.

К.И. Комарову, стоящему в вопросе о городе «Клещине» на точке зрения большинства археологов, принадлежит такое пояснение: «Городище 2 (г. Клещин)... Основан ок. 1108–1109 гг. при княжении Владимира Мономаха с названием Переяславль»³⁸. Выходит, что город с самого начала носил имя Переяславль, но при чем тут название «Клещин», совершенно непонятно.

Представления о городе «Клещине» нашли отражение даже в художественной литературе. Так, известный писатель М.М. Пришвин откуда-то усвоил убеждение в существовании на берегу оз. Клещина древнерусского города с тем же самым названием и выразил его в одном из своих произведений³⁹. По словам автора, город «Клещин», первоначально располагавшийся на побережье оз. Клещина неподалеку от Александровой горы, был перенесен Юрием Долгоруким «в болото, в устье реки Трубежа, и этот город перенял славу у старого Клещина». При художественном осмыслении фактов истории, как правило, допускаются разнообразные метафоры, преувеличения, домыслы и т. п. Но и в подобных случаях должна, очевидно, соблюдаться какая-то мера. С этой точки зрения, употребленное М.М. Пришвиным выражение, согласно которому Юрий Долгорукий перевел город «Клещин» с прежнего места «в болото», представляется неоправданным преувеличением. Непонятно также, на каком основании писатель сделал замечание о славе, которой будто бы пользовался «Клещин». Не менее удивительным является и то,

что в своем описании М.М. Пришвин почему-то ни словом не обмолвился о Переяславле (Залесском), а ведь в последующей истории на берегу оз. Плещеева сохранился город именно с этим названием.

Таким образом, как бы ни пытались сторонники мнения о существовании на оз. Клещине города «Клещина» определить место его расположения, сделать это без противоречий, путаницы и явных натяжек не удавалось. Если же под городом «Клещинным» понималось городище на мысу между Глининским и Лисьим оврагами, то нередко в той или иной форме отмечалась кратковременность существования этого поселения. У некоторых ученых дело дошло даже до того, что они, как это ни странно, находили возможным одновременное существование названий «Клещин» и «Переяславль» применительно к одному и тому же древнему поселению. Главный же вывод, который напрашивается из проделанных выше наблюдений, заключается в том, что распространившееся среди части ученых-историков мнение о существовании древнерусского города «Клещина» лишено надежных оснований и могло возникнуть как следствие недоразумения. Во всяком случае в отечественной исторической науке издавна существует и такой взгляд, согласно которому в числе древнерусских городов не может быть места никакому городу «Клещину».

Например, в трудах В.Н. Татищева и С.М. Соловьева по отечественной истории какие-либо суждения, касающиеся города «Клещина» на оз. Клещине, отсутствуют. Для них этой проблемы, по-видимому, просто не существовало. Согласно мнению Д.А. Корсакова, «Переяславль был перенесен Юрием от Клещина озера и увеличен»⁴⁰. Совершенно ясно, что в свидетельстве Никоновской летописи под 1152 г., на которое Д.А. Корсаковым здесь же сделана ссылка, он видел упоминание оз. Клещина, а не города «Клещина». По словам В.О. Ключевского,

князь Юрий Долгорукий «переносит на новое место возникший около этого же времени (т.е. около 1150 г. – *В.Р.*) город Переяславль Залесский»⁴¹. Ясно, что ученому, которого трудно заподозрить в незнании или непонимании летописных текстов, даже и в голову не приходило считать город «Клещин» некогда существовавшим.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Дело в том, что постепенно распространявшееся среди части ученых убеждение в существовании на берегу оз. Клещина древнего города «Клещина» не нашло отражения в отечественных справочно-энциклопедических изданиях, за исключением составленной К.И. Комаровым в последнее время «Археологической карты России» по Ярославской области. Не числится «Клещин» и среди объясняемых названий древнерусских городов в известных работах по восточнославянской ономастике, принадлежащих авторству С. Роспонда⁴² и В.П. Нерознака⁴³.

Весьма показательны наблюдения над тем, какое отражение находят в географических указателях к издаваемым текстам летописных памятников содержащееся в них сообщение о перенесении Юрием Долгоруким города Переяславля «от Клещина». Выяснилось, что только в указателе к тексту Типографской летописи рассматриваемое обозначение объяснено как «место», то есть не как озеро, но и не как город⁴⁴. В указателях к прочим летописям, изданным в XIX – начале XXI в. и включающим под 1152 г. интересующее чтение, слово «Клещина» в сочетании «от Клещина» неизменно поясняется в качестве озера⁴⁵. Из этих наблюдений вытекает, что отрицательное решение вопроса о существовании древнерусского города с названием «Клещин» многим ученым казалось самоочевидным, не требующим никакого обоснования.

Особую точку зрения, в которой можно усмотреть попытку примирить два крайних мнения, высказывал В.А. Кучкин⁴⁶. Согласно утверждению исследователя, в летописном свидетельстве о переносе Юрием Долгоруким в 1152 г. города Переяславля «от Клещина» речь идет не о городе «Клещине», а об оз. Клещине. Тем не менее в представлениях В.А. Кучкина нашлось место и для города «Клещина». Он предложил считать, что такое название со временем закрепилось за поселением, возможно даже городом, оставшимся на том месте, с которого город Переяславль был переведен на новое. Это поселение, по В.А. Кучкину, и упомянуто в «Списке имен русских городов» как город «Клещин». Ученый, однако, никак не обосновал свое убеждение в том, что использованное летописцем выражение «от Клещина» подразумевает озеро, и не объяснил, зачем город Переяславль нужно было переводить от этого водоема. Поэтому трактовка выражения «от Клещина» в качестве упоминания города, по сути дела, не утрачивает своей допустимости.

При наличии двух диаметрально противоположных мнений единственной возможностью разобраться в проблеме города «Клещина» является обращение к проливающим на нее свет письменным источникам. Это важно тем более, что их показания часто использовались без какой-либо научной критики — так, как заблагорассудится тому или иному исследователю. По рассматриваемой проблеме в письменных источниках сохранились два свидетельства, которые, как видно из предшествующего изложения, давно привлекли к себе внимание исследователей.

Первое свидетельство читается в составе некоторых летописей под 1152 г. при перечислении деяний Юрия Долгорукого на поприще храмостроительной и градостроительной деятельности. В редакции этого свидетельства по разным летописям наблюдаются определенные вариации, не имеющие, однако, существенно-

го значения с точки зрения рассматриваемого вопроса. Летописный текст обычно сообщает о перенесении Юрием города Переяславля «от Клещина» на какое-то новое место, на котором он получил гораздо большие размеры и был украшен церковью св. Спаса: «...и Переяславль град перевед от Клещ[ина] и заложи велик град, и церковь камену в нем доспе святого Спаса и исполни ю книгами и мощми святых дивно»⁴⁷, «...и Переяславль переведе от Клещина и заложи велик, и церковь постави святого Спаса в граде Переяславле»⁴⁸, «...и Переяславль переведе от Кл[е]щина, заложь велик, и церковь постави святого Спаса в Переяславле»⁴⁹, «...и град Переславль от Клещина перенесе и созда болиши старого, и церковь в нем постави камену святого Спаса...»⁵⁰ и т. п. Как видно из приведенных чтений, при словесной форме «Клещина» нет никакого определения, которое позволило бы уяснить, о чем идет речь. Именно в этом обстоятельстве и была заключена причина, допускавшая две совершенно разные интерпретации выражения «от Клещина». Одни ученые видели в нем упоминание об оз. Клещине, исходя из существования в Ростово-Ярославском Поволжье известного озера с названием Клешино, а другие усматривали свидетельство о городе «Клещине», допуская, что на оз. Клещине мог находиться и одноименный город. Правда, в тексте Владимирского летописца под 1153 г. рассматриваемое свидетельство читается с одним существенным уточнением: «Того же лета князь Юрьи... и град Переславль переведе от Клешина озера на Трубеж реку»⁵¹. Таким образом, при упоминании «Клешина» (отражающем, конечно, искажение названия «Клешино») употреблена словесная форма «озера». Однако это уточнение не разрешает поднимавшейся некоторыми историками проблемы города «Клещина». Ведь приведенное чтение Владимирского летописца не может считаться первоначальным, поскольку

выпадает из ряда показаний прочих известных науке летописных источников, соответствующие текстовые фрагменты которых приведены выше. Поэтому еще неясно, правомерно ли отраженное Владимирском летописцем свидетельство, согласно которому Юрий Долгорукий перенес город Переяславль от озера, называвшегося в древности Клециным.

Следует также коснуться показаний, оставленных В.Н. Татищевым в «Истории российской», основанной, как известно, на данных имевшихся в распоряжении историка летописей. Обе редакции его труда под 1152 г. среди построенных Юрием Долгоруким в Суздальской земле городов упоминают Переяславль «на Ключине (Клецине) озере»⁵². Едва ли можно сомневаться в том, что свидетельство по этому поводу В.Н. Татищев почерпнул из встречающегося в летописях под 1152 г. свидетельства о перенесении Юрием города Переяславля «от Клецины». Во всяком случае автор «Истории российской» располагал текстом Никоновской летописи⁵³, в которой подобное свидетельство имеется. Однако перевод города куда-то на новое место «от Клецины», отмечаемый летописями, у В.Н. Татищева отражения не нашел. Скорее всего, он посчитал достаточным сказать о главном, а именно о постройке Юрием Долгоруким города Переяславля, уточнив при этом от себя, что местом его сооружения стало побережье оз. Клецина, поскольку там он и располагался, о чем В.Н. Татищев, несомненно, хорошо знал. Как бы то ни было, но и татищевские данные, к сожалению, не способствуют разрешению проблемы.

Второе свидетельство находится в тексте так называемого «Списка имен русских городов, дальних и ближних», которым в некоторых случаях сопровождаются памятники летописания. Среди залесских городов в «Списке» упоминается и город «Клецин»: «...Володимерь, Клецин, Переяславль...»⁵⁴. По

существующим представлениям возникновение «Списка» относится к концу XIV в. или к началу XV в.⁵⁵ Естественно, что заключенное в нем упоминание о городе «Клещине» должно было рассматриваться как прямое указание на существование города с таким названием, а это позволяло соответствующим образом воспринимать и выражение «от Клещина» в летописном указании 1152 г.

Критический анализ первого из отмеченных выше свидетельств следует начать с обращения к выписке из какого-то летописного памятника, которую Н.М. Карамзин поместил в одном из примечаний в связи с описанием строительной деятельности Юрия Долгорукого. Согласно этой выписке, Юрий в 1152 г. «...и в Переяславль преведе от Клещина заложение церкви и заложи во имя всемилостиваго Спаса»⁵⁶. Следует обратить внимание на то, что сделанная Н.М. Карамзиным выписка, заканчивающаяся цитированными словами, поставлена в начале примечания. Лишь после этого историк замечает: «В Никонов. сказано, что он (т.е. Юрий Долгорукий. — В.Р.) перенес от Клещина город Переяславль». Подобное замечание может означать, что Н.М. Карамзин был склонен отдавать предпочтение сообщению, содержащемуся в приведенной им необычной редакции изучаемого свидетельства. Позднее, явно вслед за Н.М. Карамзиным, данную редакцию привлекал и рассматривал как изначальную М.И. Смирнов⁵⁷. Исследователь представил дело так, будто цитированными в упомянутом выше примечании Н.М. Карамзина словами завершается под 1152 г. перечисление деяний Юрия Долгорукого как строителя церквей и городов в Софийской первой летописи, издание которой было осуществлено в 1851 г. Однако рядом со ссылкой на это издание М.И. Смирнов сделал ссылку на упоминавшееся выше примечание Н.М. Карамзина. Причина этого заключается, несомненно,

в том, что Софийская первая летопись в действительности не содержит помещенного Н.М. Карамзиным в примечании к своему труду по отечественной истории летописного свидетельства⁵⁸.

Вопреки представлениям Н.М. Карамзина и М.И. Смирнова нет никаких оснований рассматривать выписку из какого-то летописного источника, помещенную Н.М. Карамзиным в своем примечании, как текст, сохранивший близкое к первоначальному чтению соответствующего летописного свидетельства. Этот вывод с очевидностью вытекает из того факта, что текстологически выписка резко выделяется на фоне более или менее однородных показаний значительного количества известных летописных памятников. Таким образом, вторичность приведенной у Н.М. Карамзина редакции по отношению к обычно встречающейся несомненна.

Какая же причина заставила какого-то позднейшего редактора столь решительным образом поступить с обычно встречающимся летописным текстом? По всей вероятности, позднейший автор оказался в недоумении относительно того, как это можно было «перенести» уже существовавший город Переяславль с места его постройки. Скорее всего, неясна была для редактора и цель «перевода» города Переяславля «от Клещина». Но свидетельство, с которым он столкнулся в своем летописном источнике, завершилось, конечно, сообщением о закладке Юрием Долгоруким в Переяславле церкви св. Спаса. Это обстоятельство и подсказало позднейшему автору способ «исправления» испорченного, по его мнению, текста. Он представил дело так, будто Юрий Долгорукий изменил свое первоначальное решение о закладке Спасской церкви неподалеку «от Клещина», посчитав более целесообразным воздвигнуть храм в пределах переводимого на новое место города Переяславля. Вышедшая из-под редак-

торского пера совершенно новая редакция соответствующего летописного свидетельства в переводе означает: «...и в Переяславль перевел "от Клещина" закладку церкви и заложил ее во имя всемилостивого Спаса». К сожалению, осмысленный позднейшим автором по-иному летописный текст не проясняет вопроса о том, какое содержание он вкладывал в слова «от Клещина». Таким образом, результаты анализа приведенной Н.М. Карамзиным особой редакции изучаемого летописного свидетельства указывают на необходимость перейти к исследованию обычной редакции этого свидетельства.

Следует обратить внимание на то, что помещенное в ряде летописей под 1152 г. свидетельство о «переносе» или о «переводе» Юрием Долгоруким города Переяславля подразумевает не просто его основание на новом месте, а его удаление от какого-то географического объекта. Ведь только так может быть понято значащееся в летописных свидетельствах выражение «от Клещина». Если в этом выражении видеть упоминание населенного пункта, то получится, что город Переяславль был перемещен подальше от города «Клещина». Но, во-первых, непонятно, почему город Переяславль первоначально был построен слишком близко к городу «Клещину», если впоследствии его все равно пришлось заново отстраивать в более удаленном месте? Во-вторых, если вслед за большинством ученых считать остатками города «Клещина» городище на мысу между Лисьим и Глининским оврагами, то возникает вопрос о том, где же находится место первоначального расположения города Переяславля, с которого он был перенесен на свое нынешнее место. Насколько известно, на эти вопросы никаких ответов пока не предложено. Поэтому можно как минимум сомневаться в том, что выражение «от Клещина» в летописном известии под 1152 г. включает название города.

Как отмечалось выше, И.В. Дубов, подобно М.И. Смирнову, считал неправдоподобным мнение, согласно которому в словах «от Клещина» подразумевается оз. Клешино, поскольку новое место основания города Переяславля (Залесского) было выбрано опять-таки на берегу этого озера. Однако со своим выводом исследователь явно поторопился. Конечно, можно согласиться с И.В. Дубовым в том отношении, что современный Переяславль Залесский своей западной частью выходит прямо к оз. Плещееву, то есть действительно расположен на его берегу. Но вопрос нужно ставить о том, где же находится то новое место, куда Переяславль, если исходить из летописного свидетельства, в середине XII в. был по инициативе Юрия Долгорукого перенесен с места прежнего своего расположения. По давно утвердившемуся в науке мнению, таким местом была значительная по размерам площадка, которая с севера ограничивалась впадающей в оз. Плещеево р. Трубеж, а с востока примыкала к притоку р. Трубеж маленькой р. Мурмаж. Судя по современным топографическим данным, центральная часть этой площадки располагается на довольно значительном удалении от побережья оз. Плещеева (приблизительно в 1,5 км)⁵⁹. Даже с учетом того, что уровень оз. Клещина в середине XII в. мог быть выше нынешнего, она находилась гораздо дальше от края озера, чем городище на мысу между двумя оврагами, расположенное на обрывистом берегу над самым озером. Не это ли обстоятельство подразумевал летописец, сообщая о переносе Юрием Долгоруким города Переяславля «от Клещина»?

Исследователи неоднократно высказывались по поводу причин, побудивших Юрия Долгорукого выстроить город Переяславль на его теперешнем месте. П.Н. Третьяков, например, считал, что это место было во всех отношениях более удобным, чем площадка с крутыми склонами в районе Александровой горы и

городища между двумя оврагами⁶⁰. Согласно мнению Н.Н. Воронина, к городу Переяславлю (иначе «Клецину») на старом месте прилегал мелководный край оз. Плещеева, и это место к тому же было удалено от торговых путей, тогда как на новом озерный фарватер углублялся под воздействием течения р. Трубеж⁶¹. Суждение ученого об углублении фарватера в оз. Плещеево течением р. Трубеж вызывает определенное недоумение: хорошо известно, что при впадении в стоячие водоемы течение рек, а уж тем более равнинных, к числу которых принадлежит и р. Трубеж, быстро затухает, вследствие чего здесь образуются наносы песка, ила и т. п. и могут возникать даже острова. И.В. Дубов, не вступая в полемику с точкой зрения Н.Н. Воронина, высказывал соображения диаметрально противоположного характера⁶². По его мнению, сравнительно с Переяславлем Залесским «Клецин занимал более выгодное стратегическое положение на важнейших путях». Кроме того, и с чисто географической точки зрения он, по убеждению исследователя, занимал удобное положение, находясь «на возвышенных и сухих местах», тогда как город Переяславль Залесский был возведен «на болоте в сырой низине, там, где впадает р. Трубеж в оз. Плещеево (Клецино)». Мнение о мелководье озера в районе «Клецина», выдвигавшееся Н.Н. Ворониным в качестве причины перемещения города на р. Трубеж, И.В. Дубов считал заслуживающим внимания. Вместе с тем он придавал значение и тому обстоятельству, что «крепость в Клецине уже не удовлетворяла князя по своим размерам и мощности укреплений», хотя и не считал его решающим. Исчерпывающий ответ на вопрос о причинах перевода города «Клецина» на новое место, с точки зрения И.В. Дубова, может быть найден только с учетом социально-политических изменений, произошедших в Северо-Восточной Руси к середине XII в. Разумеется, каждая из причин, о кото-

рых речь шла выше, могла сыграть свою роль. Однако следует проанализировать и значение того факта, что на своем новом месте город Переяславль был отделен от оз. Клещина более значительным расстоянием, чем на старом, и к тому же имел сообщение с озером по р. Трубеж.

Выбор нового места для города Переяславля был, несомненно, определен наличием р. Трубеж с ее притоком р. Мурмаж. Выстроенный здесь Переяславль имел удобное сообщение с оз. Клещиным по р. Трубеж и вместе с тем был удален от озера на некоторое расстояние. При этом участок р. Трубеж от города и почти до самого устья мог, очевидно, с успехом использоваться в качестве места временной стоянки судов. Поскольку течение реки в приустьевой части очень спокойно, берега ее невысоки, а рядом по обеим сторонам находилась равнинная местность, здесь было очень удобно производить все необходимые работы с судами, включая их извлечение из воды на зимний период, ремонт и спуск на воду. Низовой участок р. Трубеж был, несомненно, удобен для надежного укрытия судов на случай штормовой погоды. Ведь значительные размеры оз. Клещина (около 9,5 км в длину и около 6,5 км в ширину) при сильном ветре позволяли разгуляться нешуточным волнам. По словам М.И. Смирнова, «озеро нередко бывает бурливо, особенно при северо-западных ветрах и с силою плещет вспененными волнами»⁶³. Без сомнения, при расположении на прежнем месте Переяславль был лишен этих важных преимуществ, а крутой подъем к городу с озера только дополнял перечень неудобств. Отмечаемая исследователями незначительность и бедность культурного слоя на месте древнего поселения, располагавшегося в XII в. на мысу коренного берега оз. Клещина между Глининским и Лисьим оврагами, дает веские основания полагать, что переводу на другое место подлежало именно это поселение. Главная цель его переноса на

р. Трубеж заключалась, по всей вероятности, именно в том, чтобы можно было по назначению использовать ее приустьевую часть, а это заставляло расположить город на определенном расстоянии от места слияния реки с озером. Не случайно позднее, в начале 90-х гг. XVII в., и оз. Плещеево, и впадающая в него р. Трубеж послужили удобным местом для постройки при Петре I Переяславской флотилии и подготовки российских специалистов по морскому делу. Таким образом, мнение, согласно которому выражение «от Клещина» подразумевает удаление города Переяславля от оз. Клещина, получает некоторое подтверждение.

Теперь необходимо перейти к разбору того свидетельства в пользу существования города «Клещина», на которое некоторые исследователи указывали в тексте «Списка имен русских городов, дальних и ближних». М.Н. Тихомиров⁶⁴ не соглашался с распространенным мнением о «недостоверности и компилятивности Списка городов, которое повторяется без всякой проверки со времен Карамзина». По словам М.Н. Тихомирова, «специальное изучение Списка показывает его крупное значение как географического источника». Анализируя помещенные в «Списке» перечни русских городов, М.Н. Тихомиров указывал на «особенно точное перечисление» залесских городов, среди которых, как известно, упомянут и город «Клещин». Источниками для составления «Списка», по М.Н. Тихомирову, могли служить дорожники. Однако в чем именно заключается «крупное значение» «Списка имен русских городов» как географического источника, из статьи ученого так и осталось неясным. Согласно замечанию И.В. Дубова, у обратившихся к «Списку» ученых «не возникало сомнений, что Клещин это самостоятельный город и искать его надо в непосредственной близости от Переяславля-Залесского...»⁶⁵. Однако само по себе отсутствие в какой-либо среде, пусть даже ученой, сомнений по какому-либо вопросу еще не может являть-

ся безусловным доказательством справедливости тех или иных распространенных представлений. Довольно часто бывает так, что воспринимаемое в качестве совершенно очевидного на поверку оказывается заблуждением, следствием слишком поверхностного проникновения в существо интересующего предмета. Впрочем, исследователи, безоговорочно принимавшие заключенное в «Списке имен русских городов» свидетельство о городе «Клещине», все же недоумевали относительно того, почему город с таким названием, если он действительно существовал, ни разу не упоминается в летописных известиях ранее 1152 г.⁶⁶ Этому обстоятельству просто не придавалось особого значения, хотя оно свидетельствует явно не в пользу мнения о существовании города «Клещина». С точки зрения некоторых ученых, в частности И.В. Дубова, «Клещин» выполнял роль форпоста восточнославянской колонизации Залесского края⁶⁷. Но подобный взгляд только обостряет проблему отсутствия каких-либо упоминаний о городе «Клещине» в летописных известиях о событиях раннего периода отечественной истории.

Б.А. Рыбаков отмечал характерное для «Списка имен русских городов» единообразие заголовков, предпосланных перечням городов той или иной территориальной принадлежности⁶⁸. Насколько можно понять ученого, это явилось результатом того, что составленные ранее разными авторами областные перечни русских городов были в «Списке» упорядочены, поскольку он предназначался для «большого географического труда». Однако свое мнение Б.А. Рыбаков предлагал, по существу, на веру, как нечто само собой разумеющееся. Если же в суть вопроса вникнуть поглубже, то нетрудно заметить, что стандартная форма заглавий разделов в составе «Списка» определяется их структурной общностью, выражающейся в перечислении однородных по содержанию понятий. Поэтому независимо от того, кем и с

какой целью был составлен «Список», заглавия каждого раздела в его тексте и должны были получить одинаковое начало в виде формулы «А се...» (в переводе, следовательно, «А вот...»): «А се киевскихъ гроди»⁶⁹, «А се литовскихъ»⁷⁰, «А се залескии»⁷¹ и т. п. Именно формулой «А се...» (реже «И се...») обычно начинаются разнообразные по содержанию перечни в памятниках древнерусской письменности: «И се сѣть инни гзгыци · и же дань дають рѹси · чюдѣ · мерѣ · вѣсь...»⁷², «И се покони вирнии бѣли при Йрославѣ. вирнику взати .џ. вѣдеръ солодѹ на недѣлю. же овенѣ. люво полоть. люво .бѣ. ногатѣ. а в середѹ кѹна же сѣръ...»⁷³, «А се посадници новгородстии: Гостомысл, Коснятин, Остромир...»⁷⁴, «А се церковнии люди: игумен, игумена, поп...»⁷⁵, «А се имена тем землям и царством, их же попленил Темир Аксак: Чагадае, Хурусане, Голустани...»⁷⁶, «А се имена епископом их: 1 Феодор, 2 Феогност, 3 Феодор...»⁷⁷ и др. Таким образом, вполне можно допустить, что «Список имен русских городов» является произведением одного автора и был составлен практически в том виде, в каком и сохранился. Следовательно, в тексте «Списка» должны быть представлены какие-то общие особенности отражения названий русских городов. Иначе говоря, по составу одних имеющих в «Списке» разделов можно судить о приемах формирования других.

М.Н. Тихомиров обращал внимание на то, что в «Списке имен русских городов» не указан «даже такой крупный город, как Углич»⁷⁸. Но если придавать какое-либо значение данному факту, то нужно указать на молчание «Списка» о двух других верхневолжских городах, в частности, о Кашине и Твери. Это тем более странно, что в «Список» внесен город Ржова (ныне г. Ржев Тверской области), расположенный на р. Волге гораздо

выше города Твери, а также город Бежицкий Верх (ныне г. Бежецк Тверской области), находящийся много западнее того же города Углича. Следствием какого-то недоразумения является, судя по всему, двукратное упоминание в «Списке» города Козельска: сначала он показан среди «литовских» городов, а затем назван и среди «смоленских». Эти наблюдения заставляют предполагать, что в работе над «Списком» составитель мог допустить и другие огрехи, в силу чего требуется предельная настороженность по отношению к его показаниям.

В перечне наименований «киевских» городов внимание привлекает следующий фрагмент: «...*Ростовецъ, Унеятин...*»⁷⁹. Следует обратить внимание на то, что подобные обозначения, причем в той же самой последовательности, обычно читаются в сообщении, открывающем летописную статью 1071 г. «Повести временных лет». В нижеследующих примерах текст этого сообщения приводится по нескольким древнейшим летописям в близком к его палеографической записи виде. Лаврентьевская летопись: «*Бѡевашаполовци оурастовьца . и оуѣатина*»⁸⁰. Ипатьевская летопись: «*Бѡевашаполовци. оурастовца. и оуѣатина*»⁸¹. Радзивилловская летопись: «*Бѡевашаполовци оурастовца . и оуѣатина*»⁸². Как нетрудно убедиться, завершающий фрагмент приведенного чтения Лаврентьевской летописи («*и оуѣатина*») не содержит, в отличие от соответствующих фрагментов Ипатьевской и Радзивилловской летописей (в обоих случаях «*и оуѣатина*»), элемента «*нѣ*». Однако подавляющая часть летописей, включая Ипатьевскую и Радзивилловскую, в параллельных текстовых фрагментах данный элемент содержит. Таким образом, Лаврентьевская рукопись в соответствующем месте отражает порчу текста, а из этого следует, что приоритет нужно отдавать показаниям других летописей. На ряде примеров необходи-

мо показать, как издатели разных летописных текстов, за исключением лаврентьевского, разбивали интересующий отрывок на слова. Ипатьевская летопись: «**Воеваша** половци. **оу** **Растовца**. и **оу** **Неятина**»⁸³. Радзивиловская летопись: «*Воеваша половци у Растовця и у Неятина*»⁸⁴. Новгородская первая летопись младшего извода: «*Воеваша половци у Растовьца и у Неятина*»⁸⁵. Новгородская Карамзинская летопись: «*Воеваша половци у Растовца, у Неятина*»⁸⁶. Та же самая редакция цитируемой фразы представлена и во множестве публикаций других памятников древнерусского летописания⁸⁷. Как видно, заключительный фрагмент всего предложения в этой редакции представлен выражением «**оу Неятина**», то есть сочетанием предлога **оу** и формы родительного падежа от географического обозначения **Неятинъ**. Естественность и правомерность такого прочтения не может вызвать никаких сомнений. В самом деле, словесной форме «**Неятина**» предшествует предлог «**оу**» совершенно так же, как выше такой же предлог употреблен перед словесной формой «**Растовца**», тоже являющейся географическим обозначением. При этом топоним **Неятинъ** выглядит как вполне ясное по словообразовательной структуре обозначение, возникшее из корневого элемента **-га-** (ср. форму инфинитива **гати**) с присоединенной к нему в начале приставкой **не-**, суффиксом **-тин-** и флексией **-ъ** в конце. Иначе говоря, «**оу**», предшествующее словесной форме «**Неятина**», никак не может быть отнесено к составу этой формы, поскольку действительно является предлогом.

Необходимо заметить, что начальная фраза статьи 1071 г. является тем единственным в сохранившихся летописных источниках местом, где непосредственно рядом упоминаются геогра-

фические обозначения *Растовець* и *Неятинъ*. Кстати говоря, вне соседства друг с другом эти названия, насколько известно, нигде более, если не принимать в расчет «Список имен русских городов», не встречаются. Следовательно, источником, на основании которого составитель «Списка» указал в числе «киевских» городов «...*Ростовецъ, Унеятин...*», было начальное известие статьи 1071 г. Только безвестный автор «Списка» прочитал завершившую это известие последовательность букв «*ноунѣатина*» не как *и у Неятина*, а как *и Унеятина*. Причина допущенной оплошности, заключалась, по всей видимости, в том, что создателю «Списка» не были в должной мере известны древние топонимические реалии южнорусских областей, которые к тому же далеко не всегда получали достаточное отражение в возникших письменных источниках, а впоследствии не представляли собой какой-то застывшей картины. Таким образом, при составлении «Списка» его автор пользовался летописными данными, но мог воспринимать их ошибочно. Результатом того, что исследователи долгое время даже не подозревали, при каких обстоятельствах странное обозначение *Унеятин* оказалось в «Списке имен русских городов», стало весьма парадоксальное явление. Вопреки здравому смыслу название *Унеятин* стало рассматриваться как вариант действительного названия *Неятин*. Это нашло отражение в географических указателях к тем изданным летописным памятникам, которым сопутствовал текст «Списка»⁸⁸. Иногда приходится сталкиваться даже с таким парадоксальным явлением, как помещение в географическом указателе названия *Неятин*, хотя соответствующим летописным текстом оно не отражено. Это, в частности, допущено составителями указателя к тексту Ермолинской летописи. Таким образом, позднейшие исследователи и издатели древнерусских летописей неизбежно впа-

дали в то же самое заблуждение, жертвой которого за 500 лет до них стал создавший «Список» автор.

Среди «литовских» городов в «Списке имен русских городов» внимание привлекают два поставленные рядом названия: «...Немиза, Рша камен...»⁸⁹. Обозначение, созвучное названию *Немиза*, хотя и не в форме именительного падежа, дважды приводится многими древнерусскими летописями в относящейся к составу «Повести временных лет» статье 1067 г. Согласно их свидетельству, в этом году братья Ярославичи отправились в поход на полоцкого князя Всеслава: «...и поидоша к Немизѣ · и Всеславъ поиде противу · и совокупѣша сѧ шкои на Немизѣ»⁹⁰. Из первого упоминания («и поидоша к Немизѣ») еще не ясно, о каком географическом объекте идет речь. Если же обратиться ко второму упоминанию («и совокупѣша сѧ шкои на Немизѣ»), то едва ли можно будет допустить, что в данном случае подразумевается какое-то поселение. Действительно, летописный текст сообщает о скоплении сил обеих противоборствующих сторон явно на каком-то свободном пространстве в готовности к вооруженному столкновению, которое далее кратко и описывается. Крайне сомнительно, чтобы таким пространством была территория, вплотную прилегавшая к какому-нибудь населенному пункту. По всей вероятности, употребленные под 1067 г. выражения «к Немизѣ» и «на Немизѣ» содержат название реки. Окончательно убедиться в справедливости этого вывода позволяют данные «Слова о полку Игореве»⁹¹. Здесь, в частности, упоминается о том, что полоцкий князь Всеслав «отвори врата Новуграду — разшибе славу Ярославу, скочи волком до Немиги с Дудуток». Вслед за этим в «Слове» читается такой текст: «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными...». Цитированные слова, как известно, подразумевают со-

вершенный Всеславом захват Новгорода, означавший помрачение славы некогда княжившего здесь Ярослава (Мудрого), выступление Всеслава к «Немиге» и произошедшее поблизости от этого пункта сражение его войска с войском Ярославичей. Об этом вооруженном столкновении между князьями, без сомнения, говорится в летописной статье 1067 г. Следовательно, именно о событиях 1067 г. речь идет также и в приведенных выше фрагментах «Слова». Из них, правда, еще не ясно, какой смысл заключен в употребленных автором выражениях «до *Немиги*», «на *Немизе*», но последующий текст «Слова» уже не оставляет сомнений в том, что «Немига» — это река: «*Немизе кровави брезе, не вологом бяхуть посеяни! Посеяни костьми руских сынов!*». Как нетрудно понять, речь в отрывке идет об окровавленных берегах (в тексте форма «брезе»), которые засеяны не травой (в тексте форма «вологом»), а покрыты костями русских воинов, участвовавших в междоусобной брани. Следовательно, местом сражения были берега водоема, а он естественным образом отождествляется с р. Немигой. Небольшая речка с балтийским по происхождению именем Немига известна как приток р. Россохи, впадающей в р. Десну на территории современной Черниговской области Украины⁹². По свидетельству статьи 1067 г., перед тем как отправиться «к **Немизѣ**», выступившие в поход против Всеслава князья Ярославичи разорили город Минск. Следовательно, упомянутую здесь дважды р. Немигу нужно искать, скорее всего, среди притоков р. Свислочи, поблизости от которой город Минск когда-то и был построен. Очевидно, что в именительном падеже название этой реки звучало как *Немига*: просто в дательном и местном падежах (соответственно к **Немизѣ**, на **Немизѣ**) заднеязычный звук г (ср. *Немига*) перед дифтонгическим по происхождению звуком ѣ у древних

восточных славян закономерно изменялся в мягкий свистящий звук *з*. Насколько известно, *р*. Немига не упоминается в каких-либо древних летописных свидетельствах, помимо статьи 1067 г. Это значит, что именно ее показаниями воспользовался создатель «Списка имен русских городов», внося в перечень имен «литовских» городов название «*Немиза*». Однако к рубежу XIV–XV вв., когда создавался «Список», переход заднеязычных в свистящие перед гласными дифтонгического происхождения уже переставал быть живым фонетическим явлением восточнославянской речи. Поэтому неудивительно, что для составителя «Списка» рассматриваемое название реки звучало в именительном падеже не как *Немига*, а как *Немиза*. В этой связи надо заметить, что в такое же точно недоразумение порой впадали и позднейшие исследователи древнерусской истории⁹³. Географические указатели к опубликованным летописным текстам вместо единственно верного названия реки *Немига* нередко тоже содержат ошибочный (искаженный) гидроним «*Немиза*» (или, как вариант, «*Немеза*»)⁹⁴. С таким явлением иногда приходится сталкиваться и в других по характеру публикациях⁹⁵. Подобным же недоразумением, кстати говоря, обусловлено проникновение в географические указатели к некоторым изданным летописным памятникам неверного обозначение «*Молоза*» в качестве варианта наименования *Молога* применительно к реке и к городу⁹⁶. И это при том, что в географических указателях к ряду летописей, изданных в XIX–XX вв. помещены совершенно правильные обозначения *Немига*⁹⁷, *Молога*⁹⁸. Создается впечатление, что для иных составителей географических указателей к издаваемым летописным текстам было безразлично, как в определенных случаях поступали их предшественники.

Однако по какой причине создатель «Списка имен русских городов» принял наименование реки за название города? Для ответа на этот принципиальный вопрос необходимо учесть некоторые характерные особенности живой речи восточных славян, получившие значительное распространение уже во второй половине XIV в. Как известно, черты живой восточнославянской речи, помимо памятников актовой и канцелярской письменности, в достаточной мере отражались также летописными текстами. Вполне подходящим материалом для наблюдений могут служить летописные списки XV–XVI вв., в которых читаются известия о событиях XIV–XV вв. Поскольку употребленные в летописной статье 1067 г. выражения «к Немизѣ» и «на Немизѣ» представляют собой сочетания предлогов к и на соответственно с формами дательного и местного падежей гидронима Немига, то на подобных конструкциях, включающих разнообразные географические названия, и необходимо сосредоточить внимание. Наблюдения показывают, что в их составе в качестве падежных форм употребляются самые разные по своей морфологической природе и по значению слова, но при этом решительно преобладают наименования городов женского рода. Вот только некоторые примеры: «Того же лета князь Феодор Глебовичь... иде ратию к Мурому»⁹⁹, «И бысть всем князем съезд на Костроме»¹⁰⁰, «Оттоле Олгерд начат подвижнее быти... напрасно устремився к Москве и пришед ста около града»¹⁰¹, «Тако же и князь великий пребысть на Москве»¹⁰², «Того же лета князь великий Михаило тферьский... поиде ратию к Костроме»¹⁰³, «Он же... на Угличе рать отпусти»¹⁰⁴, «Того же лета князь великий Дмитриий Ивановичь послал брата своего... ратию ко Ржеве»¹⁰⁵, «А люди горожане новгородстии разбежашася в судех вверх по Волзе к Городцу»¹⁰⁶, «Великий же

князь *Дмитрей Ивановичь* в то время бе на *Костроме* со княгинею своею и з детми»¹⁰⁷, «Того же лета сгоре церковь святыи *Михаило* на *Городце*»¹⁰⁸, «А иные ходиша к *Звенигороду*, а иные к *Волоку* и к *Можайску*, а иные к *Дмитрову*»¹⁰⁹, «И бысть на *Коломне*, сам поиде к *Москве*, а посла отпустил в *Новград Нижнии* с бояры своими»¹¹⁰, «А на *Твери* в тот же день сожъже церковь *Ивана Богослова*»¹¹¹, «А на *Москве* преставися князь *Иван*, сын князя великаго *Василья*»¹¹², «И поставлен бысть владыка *Еуфимии* на *Москве* митрополитом *Фотием*»¹¹³, «Септевриа 15 митрополит *Сидор* убежал с *Москвы* к *Тфери*»¹¹⁴, «Того же лета родися великому князю на *Углече* сын *Андреи августа 13*»¹¹⁵, «*Мустафа* побит на *Рязани*»¹¹⁶, «И приидоша к *Москве* в нощи противу *Рождества Христова*»¹¹⁷, «И князь велики поиде... хотя ити на него к *Вологде*»¹¹⁸, «Князю же великому не суццу тогда на *Москве*»¹¹⁹, «А князь велики был тогда на *Коломне*»¹²⁰.

Не подлежит сомнению, что работавший над «Списком имен русских городов» автор, сталкиваясь с обычными для летописных известий о событиях XIV в. выражениями наподобие к *Москве*, на *Москве*, к *Твери*, на *Твери*, к *Городцу*, на *Углече* и т. п., усматривал в них обозначения городов, поскольку и сам, конечно, использовал подобные выражения в своей живой речи. Отсюда ясно, почему составитель «Списка» увидел наименование города также и в употребленных древним летописцем под 1067 г. выражениях «к *Нѣмизѣ*» и «на *Нѣмизѣ*», допустив тем самым очередную оплошность.

Название, производное от обозначения *Рша*, читается, как оказалось, в той же самой статье 1067 г. Завершая рассказ о событиях, в ходе которых *Всеслав* в конце концов был захвачен

Ярославичами, летописец сообщает: «и тако гаша Всеслава · на Рши оу Смолиньска»¹²¹. Из географических названий, упоминающихся под 1067 г. до свидетельства о *Рши*, составитель «Списка имен русских городов», как было показано, за упоминание города принял упоминание р. Немиги. Таким образом, между последовательностью упоминания в «Списке» двух городов («...Немиза, *Рша* камен...»), с одной стороны, и последовательностью свидетельств о р. Немиге и о *Рши* в статье 1067 г., с другой стороны, наблюдается очевидное соответствие. Самым естественным объяснением этого соответствия может быть признание того, что при составлении «Списка» использовались летописи. Имеющееся под 1067 г. упоминание о *Рши* автор «Списка» расценил в качестве указания на существование города с названием *Рша*. Со временем этот город, располагавшийся в верховой части Днепровского пути, при впадении р. Орши в р. Днепр, был превращен в каменную крепость, что и нашло отражение в «Списке». К рубежу XIV–XV вв. названия речки и города, по всей вероятности, могли уже существовать как минимум в двух вариантах: *Рша* (<Ръша) и *Орша* (с появившимся по фонетическим причинам протетическим звуком *о* в начале, причем для обозначения речки стало возможно и название *Оршица*¹²²). Предпочтение значащемуся в «Списке» названию *Рша* было отдано явно под влиянием показаний какого-то летописного источника. В свое время С.М. Соловьев не без основания полагал, что употребленное в летописном свидетельстве под 1067 г. выражение «на Рши» может подразумевать только название реки¹²³. Как, видимо, подметил ученый, встречающиеся в достаточно ранних по происхождению летописных известиях географические обозначения в местном падеже с предлогом *на* обычно включают названия водоемов, чаще всего рек. Если с

этой точки зрения летописное выражение «на Рши» не представляет чего-то из ряда вон выходящего, то получается, что составитель «Списка» и в данном случае принял название реки за название города. Одновременно вывод о том, что среди источников, которыми при составлении «Списка» пользовался его автор, имелись летописи, получает еще одно подтверждение. Именно это обстоятельство и позволяет выяснить, каким образом в перечне «залесских» городов, зафиксированных «Списком», оказался город «Клецин».

Едва ли можно сомневаться в том, что название «Клецин» было занесено в «Список имен русских городов» на основании того самого отраженного в ряде летописей под 1152 г. свидетельства, согласно которому Юрий Долгорукий перевел город Переяславль «от Клецина» и приступил к сооружению на новом месте более значительной по размерам крепости. В пользу этого свидетельствуют не только установленные и описанные выше факты искаженного отражения «Списком» летописных данных. На зависимость имеющегося в «Списке» упоминания города «Клецина» от летописного свидетельства 1152 г. о строительной деятельности Юрия указывают и другие наблюдения. Чтобы убедиться в этом, необходимо обратить внимание на окружение из упоминаний других городов, в котором город «Клецин» помещен автором «Списка»: «...Володимерь, Клецин, Переяславль, Дмитров...»¹²⁴. Как видно, города «Клецин» и Переяславль (Залесский) названы здесь рядом, упоминание города Владимира предшествует им, а упоминание города Дмитрова следует за ними. Но и в летописных сообщениях под 1152 г. слова «от Клецина» оказываются смежными с упоминанием города Переяславля, причем непосредственно выше упоминается как раз город Владимир. Можно было бы ожидать, что в «Спи-

ске», как и в ряде летописных памятников под 1152 г., эта последовательность будет продолжена упоминанием города Юрьева (Польского), но он отмечен «Списком» несколько выше. Вместо города Юрьева в нем после упоминания города Переяславля значится город Дмитров, а его основание Юрием Долгоруким, как известно, показано в ряде летописей под 1154 г., то есть почти рядом с помещенной под 1152 г. сводной записью о строительных заслугах Юрия. Таким образом, между последовательностью перечисления ряда городов Ростово-Суздальской земли в «Списке» («...Владимир, Клещин, Переяславль, Дмитров...») и в летописных источниках под 1152–1154 гг. (Владимир, Переяславль, «от Клещина», Дмитров) обнаруживается, хотя и не полное, тем не менее достаточно очевидное соответствие. Что же касается города Юрьева, то отсутствие упоминания о нем в составе отраженного «Списком» перечня из городов Владимира, «Клещина», Переяславля, Дмитрова, как будет показано далее, вполне может объясняться случайным использованием при составлении «Списка» такой редакции летописного известия о строительной деятельности Юрия Долгорукого, в которой свидетельство о построении им города Юрьева с церковью св. Георгия не содержалось. По всей вероятности, в словах «от Клещина» составитель «Списка» увидел название города подобно тому, как до этого он усмотрел свидетельство о городе «Немизе» в летописной статье 1067 г. Возможно, название *Клещино* как обозначение значительного по размерам озера в Ростово-Ярославском Поволжье и было известно составителю «Списка», но в нужный момент он его не вспомнил, поскольку в Переяславле Залесском и на расположенном рядом оз. Клещине ему бывать не приходилось.

Дальнейшее исследование происхождения летописного свидетельства о переводе Юрием Долгоруким города Переяславля

«от Клещина» на новое место должно исходить из того факта, что оно является частью встречающейся в летописях под 1152 г. обобщающей записи, посвященной строительным деяниям Юрия. Следовательно, необходимо рассмотреть вопрос о происхождении этой записи, который, кстати, уже не раз становился предметом внимания исследователей.

Так, в свое время А.А. Шахматов¹²⁵ указывал на большую, сравнительно с другими летописями, подробность, с которой Типографская летопись под 1152 г. сообщает о строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле, в том числе о переносе им города Переяславля «от Клещина» и о сооружении здесь церкви св. Спаса. Вероятным источником этих сведений, по мнению А.А. Шахматова, могла быть какая-то заканчивавшаяся предположительно 60-ми гг. XIII в. ростовская летопись. Согласно предположению ученого, она была использована в качестве одного из источников при составлении летописного текста, впоследствии послужившего протографом Типографской летописи. Как, видимо, представлялось А.А. Шахматову, обобщающее известие о строительной деятельности Юрия Долгорукого должно было находиться в древней ростовской летописи, если судить по данным Типографской, под тем же 1152 г. Отсутствие подобного известия в составе Лаврентьевской летописи А.А. Шахматов, судя по его рассуждениям, связывал с тем, что отразившаяся в протографе Типографской древняя ростовская летопись, хотя и сходствовала с Лаврентьевской, тем не менее по составу известий была ей не во всем идентична.

М.Д. Приселков¹²⁶, вслед за А.А. Шахматовым, тоже обращал внимание на особую полноту свидетельства Типографской летописи о заслугах Юрия Долгорукого как создателя церквей и городов в Ростово-Суздальском крае, но, в отличие от А.А. Шахматова, возводил это свидетельство к гипотетическому

«летописцу», будто бы составлявшемуся здесь при Юрии. По убеждению М.Д. Приселкова, «летописец» Юрия Долгорукого нашел лишь очень неполное отражение в древнейших памятниках владими́ро-суздальского летописания. Причину этого ученый видел в том, что «владимирский сводчик 1177 г. не пожелал использовать этот свой источник (т.е. Юрьев «летописец». — В.Р.) в полной мере, т. к., будучи почитателем владимирской политики Андрея Боголюбского, он не желал вводить читателя в подробности политического строя Ростово-Суздальского края времени Юрия». Именно поэтому, как представлялось М.Д. Приселкову, в Лаврентьевской и близких к ней летописях отсутствует будто бы имевшееся в «летописце» Юрия свидетельство о его строительных делах. Однако впоследствии данные Юрьева «летописца», который, по словам М.Д. Приселкова, «не пропал после работы владимирского сводчика 1177 г. бесследно», начинают использоваться при составлении не дошедших до нас позднейших владимирских летописных сводов, а через их посредство проникают и в другие летописные памятники. Благодаря этому в составе Типографской летописи под 1152 г. оказывается и сообщение, посвященное строительным мероприятиям Юрия Долгорукого во время его пребывания на ростово-суздальском княжении, включая перевод города Переяславля «от Клещина» и строительство Спасской церкви. Ясно, что ключевым положением в гипотетических построениях М.Д. Приселкова является допущение о существовании ростовского по происхождению «летописца», излагавшего события эпохи Юрия Долгорукого. Но это положение, высказанное М.Д. Приселковым, по существу, в декларативной форме, представляется крайне сомнительным. Если же Юрьев «летописец» действительно существовал, то все-таки остается непонятным, по каким-таким идейно-политическим соображениям составители древнейших

владимирских летописных сводов должны были игнорировать известие о строительной деятельности Юрия, якобы имевшееся в этом воображаемом летописном источнике. Представляется, что замалчивание принадлежавших Юрию заслуг не только в качестве строителя городов, но и строителя храмов, в котором М.Д. Приселков подозревал древних владимирских летописцев, по тем временам вполне могло рассматриваться как дело крайне небогоугодное или даже кощунственное. Надуманность точки зрения М.Д. Приселкова становится еще более очевидной, если принять во внимание некоторые свидетельства, заключенные в Лаврентьевской и сходных с нею летописях. Здесь в некрологических записях, посвященных Андрею Боголюбскому, а затем его младшим братьям Михаилу и Всеволоду неизменно отмечается, что они приходились сыновьями князю Юрию (Долгорукому). Ничто также не помешало какому-то владимирскому летописцу, работавшему, по всей вероятности, во второй половине XII в., упомянуть под 1157 г. и под 1159 г. о двух к тому времени уже существовавших в Ростово-Суздальской земле храмах, обязанных Юрию своим возникновением в предшествующий период.

К мнению М.Д. Приселкова достаточно близка точка зрения Н.Н. Воронина, с той лишь разницей, что источником отраженных Типографской летописью сведений, касающихся строительных мероприятий Юрия Долгорукого, как, впрочем, и других оригинальных сведений по истории Ростово-Суздальской земли, он считал не гипотетический «летописец», якобы создававшийся здесь при Юрии, а будто бы сходный с ним «старый ростовский летописец»¹²⁷, упомянутый владими́ро-суздальским епископом Симоном в послании к киево-печерскому монаху Поликарпу. В этом источнике, как настаивал Н.Н. Воронин, строительная деятельность Юрия Долгорукого была отмечена в посвященном ему под 1157 г. некрологе, фрагмент которого, включавший как раз

запись о его строительных заслугах, впоследствии каким-то редактором был перемещен под 1152 г. Однако названный в послании Симона «старый ростовский летописец», как теперь выясняется, представлял собой памятник южнорусского летописания конца XII в., в силу чего едва ли мог содержать не только посвященный Юрию некролог, но и другие оригинальные сведения по ростово-суздальской истории, которые, согласно Н.Н. Ворониной, якобы находились в его составе¹²⁸.

А.Н. Насонов¹²⁹ допускал возможность составления записи о строительной деятельности Юрия Долгорукого уже в 1152 г. или немного позднее, поскольку был убежден в существовании древних летописных памятников ростовского происхождения, впоследствии не дошедших до нас. Позднейшим отражением этой записи, будто бы подтверждающим ее появление в середине XII в., ученый считал известный текст Типографской летописи под 1152 г. Исходя из преобладания в этом тексте упоминаний о созданных при Юрии Долгоруком храмах, А.Н. Насонов считал его церковным по происхождению, чего, конечно, исключать нельзя. Однако не менее вероятно и нецерковное происхождение этого текста, когда бы он ни был составлен, поскольку строительная деятельность Юрия, в том числе и по возведению церквей, представляла интерес, конечно, не только для церковников, но и для представителей светской части жителей Ростово-Суздальской земли. Показателем древности отраженного Типографской летописью известия о строительной деятельности Юрия Долгорукого, по А.Н. Насонову, являются содержащиеся в нем «конкретные подробности», которые, однако, никак не определены и не проанализированы исследователем. Как на доказательство существования посвященной строительным деяниям Юрия Долгорукого древней записи А.Н. Насонов ссылался на уточнение, которым под 1157 г. в ряде летописей, отражающих

перяславские редакционные обработки владимирских летописных памятников, снабжено упоминание об окончании Андреем Боголюбским строительства заложенной его отцом, Юрием Долгоруким, церкви св. Спаса: «в **Перяславли в новѣмѣ**»¹³⁰. По мнению ученого, подобное уточнение могло быть сделано не иначе как по данным составленной еще в середине XII в. записи, сходной с той, которая под 1152 г. читается в Типографской летописи. Однако непонятно, почему слова «в **Перяславли в новѣмѣ**» нельзя считать позднейшей вставкой перяславского или даже не обязательно перяславского редактора в составленный кем-то ранее без необходимого уточнения летописный текст, причем сделанной им отнюдь не по данным какой-то более древней летописи, а как отражение его хорошей осведомленности в местных исторических реалиях. Без всякого объяснения А.Н. Насонов оставил причину, помешавшую составителям древнейших владимирских летописных сводов, отраженных в летописях лаврентьевской традиции, использовать посвященную Юрию Долгорукому как строителю храмов и городов в Ростово-Суздальской земле запись, если к середине XII в. она действительно появилась в тексте какого-то местного летописного памятника. По этому поводу исследователь, подобно другим ученым, высказывал лишь недоумение. Таким образом, доводы А.Н. Насонова в пользу существования подобной записи уже с середины XII в. нельзя признать убедительными.

Основные выводы, которые можно сделать из краткого обзора мнений по рассматриваемому вопросу, сводятся к следующему. Во-первых, свидетельство Типографской летописи под 1152 г., посвященное заслугам Юрия Долгорукого как создателя церквей и городов, обычно рассматривалось исследователями в качестве некоего исходного текста, органической составной частью

которого было упоминание о переводе Юрием города Переяславля «от Клещина» и о строительстве в его пределах Спасской церкви. Во-вторых, появление в составе того или иного гипотетического летописного текста сводной записи о строительной деятельности Юрия Долгорукого, сходной с той, которая сохранена Типографской летописью, исследователи были склонны относить к достаточно раннему времени, а именно к последним годам пребывания Юрия на ростово-суздальском княжении. В-третьих, исходившие в целом из соображений А.А. Шахматова доводы М.Д. Приселкова, Н.Н. Воронина, А.Н. Насонова в пользу очень раннего возникновения летописной записи, посвященной Юрию Долгорукому как создателю церквей и городов, не выдерживают критики, а это дает основания полагать, что рассматриваемое известие Типографской летописи может иметь совершенно иное происхождение¹³¹.

Для того чтобы разобраться в действительных обстоятельствах происхождения сводной записи о строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальском крае, необходимо выяснить соотношение хотя бы основных редакционных вариантов соответствующего летописного известия, встречающихся в опубликованных летописных источниках обычно под 6660 (1152) г.

Типографская летопись: *«В лето 6660 г. ... Тогда же Георгии князь в Суздале бе, и отврѣзл ему Бог разумней очи на церковное здание, и многи церкви поставиша по Суздальской стране. И церковь постави камену на Нерли святых мученик Бориса и Глеба, и святого Спаса в Суздале, и святого Георгия в Володимери камену же. И Переяславль град перевед от Клещениа и заложил велик град, и церковь камену в нем доспе святого Спаса и исполни ю книгами и мощми святых дивно. И Гергев град заложил и в нем церковь доспе камену святого*

мученика Георгия»¹³². К цитированному известию Типографской летописи очень близки соответствующие свидетельства Сокращенного летописного свода по Архивскому списку¹³³ и Пискаревского летописца¹³⁴. Показания двух последних источников, по всей видимости, не были известны А.А. Шахматову, чем и было вызвано его замечание о том, будто известие о строительной деятельности Юрия Долгорукого нигде не изложено так подробно, как в Типографской летописи. Совершенно очевидно, что во всех трех летописных памятниках нашел отражение, с несущественными различиями, общий для них вариант сообщения, перечисляющего строительные мероприятия Юрия Долгорукого.

Новгородская четвертая летопись: «В лето 6660... Юрь Володимеричь в Сузда[л]ской земли многи церкви създа: на Нерли святую мученику Бориса и Глеба, а в Суздале постави святого Спаса, а в Володимере святого Георгия. И град Юрьев заложи и церковь святого Георгия камену. И Переяславль переведе от Кл[е]щина, заложь велик, и церковь постави святого Спаса в Переяславле»¹³⁵. За незначительными отличиями с приведенным сообщением почти совпадает параллельное известие Новгородской Карамзинской летописи¹³⁶. Несомненно, что представленный в обоих случаях вариант свидетельства о Юрии Долгоруком как о строителе церквей и городов является сокращением текста, отраженного Типографской летописью и другими отмеченными выше памятниками летописания. Действительно, по сравнению с ними в сообщениях Новгородской четвертой и Новгородской Карамзинской летописей отсутствует вступительное замечание о пребывании Юрия в Суздальской земле и о его побуждении к строительству церквей самим Богом, а также упоминание о снабжении переяславской церкви св. Спаса книгами и мощами. Наряду с этим в рассматриваемом варианте переставлены местами завершающие его текст упоминания о

закладке Юрием города Юрьева с церковью св. Георгия и о переводе на новое место города Переяславля с закладкой в нем Спасской церкви. Тот же самый вариант изучаемого известия проник и в Софийскую первую летопись. Правда, в данном случае приходится иметь дело с не отличающимся исправностью текстом этой летописи по списку И.Н. Царского и некоторым другим¹³⁷. В них известие о строительной деятельности Юрия Долгорукого, сравнительно с параллельным известием Новгородской четвертой и Новгородской Карамзинской летописей, лишено упоминаний о создании Юрием церкви Бориса и Глеба на р. Нерли, о переводе города Переяславля «от Клещина» с его закладкой на новом месте и кое-каких менее значимых деталей текста. Отмеченные утраты являются, скорее всего, следствием небрежности, допущенной кем-то из редакторов или переписчиков. При редактировании или простом копировании отрывков, включавших перечисление однородных данных в сходных по необходимости выражениях, ошибочная разбивка текста на фразы и связанные с этим механические пропуски являются вообще довольно обычным делом.

Московский летописный свод конца XV в.: «В лето 6660... Того же лета Юрьи в Суздале поставил церкви камены: Борис Глеб на Нерли и Спаса, и Георгия, в Переславли Спаса»¹³⁸. По основным признакам с приведенным известием сходствует параллельный текст Воскресенской летописи¹³⁹. Без сомнения, в обеих летописях с определенными различиями и некоторыми не-исправностями текстологического порядка читается общий для них вариант изучаемого известия. Одной из особенностей этого варианта является очень существенное сокращение текста, который сжат до такой степени, что превратился в недостаточно вразумительный сухой перечень. Другая особенность заключается в очевидном пропуске упоминания о сооружении Юрием церкви

св. Георгия в городе Юрьеве. Этому упоминанию полагалось бы находиться перед заключительным свидетельством о построенной Юрием в городе Переяславле церкви св. Спаса. Отсюда следует, что отраженное Московским сводом конца XV в. и Воскресенской летописью известие о строительной деятельности Юрия Долгорукого представляет собой резкое сокращение посвященного той же самой теме сообщения, помещенного в Новгородской четвертой и близких к ней летописях, но не в Типографской и некоторых других. Причина отмеченного пропуска достаточно понятна: в подвергшемся сокращению известии смежные упоминания о построенных Юрием в городах Владимире и Юрьеве церквях одинаково завершались указанием на то, что в том и другом случае это была церковь св. Георгия. Следовательно, при невнимательном списывании текста имелись условия для пропуска упоминания именно о юрьевской церкви.

Владимирский летописец (в этом источнике посвященный строительной деятельности Юрия Долгорукого текст распределен между статьями 1152 г. и 1153 г.): *«В лето 6660. Князь Юрьи създа церковь свягаго Спаса да Бориса и Глеба в Кидекшии в Суздали. Того же лета князь Юрьи в Переяслави постави церковь свягаго Спаса... В лето 6661... Того же лета князь Юрьи в Володимери постави церковь свягаго Георгия. И град Переславль переведе от Клещина озера на Трубеж реку»*¹⁴⁰. Несколько лет назад автором этих строк было высказано мнение, согласно которому отраженное Владимирским летописцем распределение сведений о строительной деятельности Юрия Долгорукого между двумя соседними статьями может служить указанием на то, что посвященная Юрию как строителю запись, помещаемая обычно под одним 1152 г., могла сложиться путем соединения отдельных сообщений на данную тему¹⁴¹. Однако теперь эта точка зрения должна быть поставлена под сомнение.

Рассматриваемые данные, заключенные во Владимирском летописце, скорее всего, отражают попытку какого-то редактора упорядочить посвященные строительной деятельности Юрия Долгорукого летописные свидетельства. Как можно думать, предполагаемый редактор усомнился в том, что за один 1152 г. Юрий мог осуществить столь масштабные строительные замыслы. С этим, видимо, и было связано намерение часть относимых обычно к 1152 г. построек Юрия сдвинуть на год позднее. Однако признаки того, что помещенные во Владимирском летописце под 1152–1153 гг. свидетельства о строительной деятельности Юрия Долгорукого в каком-то более раннем летописном памятнике представляли единый текст, читавшийся, по-видимому, под тем же 1152 г., все же сохранились. Это видно по тому противоречию, которое во Владимирском летописце имеется между показаниями летописных статей 1152 г. и 1153 г. Действительно, о постройке Юрием Долгоруким в городе Переяславле Залесском церкви св. Спаса источник сообщает под 1152 г., но о переводе Переяславля на новое место упоминает, вопреки естественной последовательности событий, под 1153 г. Как видно, редактор, сам того не замечая, разорвал единое свидетельство о двух тесно связанных актах строительной деятельности Юрия Долгорукого. В результате оказалось, что сначала Юрий соорудил на р. Трубеж храм св. Спаса и только на следующий год перенес сюда город Переяславль. Следовательно, для предположения о том, что под 1152 г. и под 1153 г. в каком-то летописном источнике некогда были помещены самостоятельные известия, посвященные Юрию Долгорукому как строителю, нет особых оснований. Находящиеся под 1152–1153 гг. свидетельства Владимирского летописца о строительной деятельности Юрия Долгорукого в конечном счете, по всей видимости, восходят к известию, сходному с тем, которое под 1152 г. читается в Новгородской четвертой и

родственных ей летописях. Вместе с тем очевидно, что Владимирский летописец отражает не только перемещение части этого известия под 1153 г., но и его обработку каким-то владимиро-суздальским автором, которому следует приписать такие значащиеся под 1152–1153 гг. уточнения, как «в Кидекиши», «на Трубеж реку», да, видимо, и приложение слова «озера» к выражению «от Клещина».

Рогожский летописец (в нем о строительной деятельности Юрия Долгорукого помещено только одно краткое сообщение): «В лето 6660. Князь Юрьи заложи град — новыи Переяславль»¹⁴². Судя по тому, что город Переяславль определен в этой записи как «новый», она передает вывод, сделанный каким-то редактором на основании летописного свидетельства, содержавшего упоминание о переводе Юрием Долгоруким города Переяславля «от Клещина» на другое место. Однако едва ли в летописном источнике, к которому так или иначе восходит рассматриваемое свидетельство Рогожского летописца, под 1152 г. отмечалась лишь закладка Юрием «нового» Переяславля. Следует принять во внимание, что почти все относящиеся к раннему периоду, включая и XII в., известия в Рогожском летописце решительно сокращены. Поэтому и под 1152 г. в его тексте можно усматривать результат сильного сокращения гораздо более пространной записи о строительных мероприятиях Юрия Долгорукого, подобной той, которая читается в Типографской, Новгородской четвертой и некоторых других летописях.

Летописные своды 1497 г. и 1518 г. (в них под 1152 г. тоже упоминается лишь об одном строительном мероприятии Юрия Долгорукого): «В лето 6660... Того же лета Юрии заложи град Юрьев Польский и церковь в нем камену святого Георгия»¹⁴³. Очень близко к приведенному параллельное сообщение в Ермолинской летописи¹⁴⁴ и в Тверском летописном сборни-

ке¹⁴⁵. Происхождение варианта, отраженного в этих летописных памятниках, вполне может быть объяснено таким образом. Согласно приведенному выше по Типографской летописи известию о строительной деятельности Юрия Долгорукого, закладка им города Юрьева с Георгиевской (Юрьевской) церковью в его пределах отмечена в последнюю очередь. Как видно из вышеприведенного текста Московского летописного свода конца XV в., перечень строительных заслуг Юрия начинается в данном варианте со слов «Того же лета...». Следовательно, открывающее известие Типографской летописи выражение «Тогда же...» могло позднейшими редакторами заменяться на более обычную летописную формулу. Из свидетельств Владимирского летописца, тоже приводившихся выше, следует, что отдельные акты строительной деятельности Юрия Долгорукого могли памятниками позднейшего летописания отмечаться под 1152–1153 гг. в виде самостоятельных известий, начинающихся стандартной формулой «Того же лета». К этому вполне располагало и свидетельство о закладке Юрием города Юрьева с церковью св. Георгия, которое, следовательно, в каком-то летописном источнике могло начинаться словами «Того же лета...» и вместе с тем занимать конечное положение в помещенном под 1152 г. перечне строительных мероприятий Юрия. Но в том же самом летописном источнике такими же точно словами мог начинаться и весь посвященный Юрию перечень его строительных акций. Судя по показаниям Московского летописного свода конца XV в., а также сводов 1497 г. и 1518 г., как весь перечень, так и упоминание в его составе о закладке города Юрьева с Георгиевской церковью, могли начинаться даже словами «Того же лета Юрии...». Естественно, что при невнимательном списывании это создавало угрозу пропуска текста между двумя одинаковыми выражениями, который и был допущен кем-либо из переписчи-

ков. В результате большая часть сводной записи о строительной деятельности Юрия Долгорукого выпала из текста, и сохранилось лишь ее заключительное сообщение. Благодаря позднейшей рукописной традиции этот вариант представлен в ряде летописных памятников.

Особое место среди встречающихся в летописных памятниках под 1152 г. вариантов сводной записи о строительной деятельности Юрия Долгорукого принадлежит свидетельству Никоновской летописи: *«В лето 6660... Того же лета князь велики Юрьи Долгоруки суждалскии, быв под Черниговом ратью, и возвратися в Суждаль на свое великое княжение. И пришед многи церкви созда: на Нерли святых страстотерпецъ Бориса и Глеба, и во свое имя град Юрьев заложи, нарицаемыи Полскии, и церковь в нем камену святаго Георгия созда, а в Володимери церковь святаго Георгия камену же созда. И град Переяславль от Клещина перенесе и созда болии стараго, церковь в нем постави камену святаго Спаса. А в Суждале постави церковь камену Спаса же святаго»*¹⁴⁶. Совершенно очевидно, что по объему цитированный текст сближается с пространными свидетельствами, отраженными Типографской, Новгородской четвертой и рядом других летописей. Однако по составу приводимых данных известие Никоновской летописи более соответствует параллельному сообщению Новгородской четвертой и Новгородской Карамзинской летописей, поскольку так же, как и эти летописи, не содержит упоминания о побуждении Юрия Долгорукого к строительству церквей самим Богом и о снабжении Юрием переяславской церкви св. Спаса книгами и мощами. Значащееся в тексте Никоновской летописи упоминание о том, что город Переяславль на новом месте Юрий *«созда болии стараго»*, можно с уверенностью считать отражением имеющегося в параллельном известии Новгородской четвертой и

Новгородской Карамзинской летописей замечания, согласно которому город Переяславль на новом месте Юрий «заложи велик». Судя по этим наблюдениям, в основу известия Никоновской летописи о строительной деятельности Юрия Долгорукого было ее создателями положено сообщение, сходное с тем, которое сохранили Новгородская четвертая и подобные ей летописи. Однако при составлении текста Никоновской летописи это сообщение подверглось некоторым дополнениям частного характера по поводу того, что город Юрьев был заложен Юрием Долгоруким «во свое имя» и со временем за ним закрепилось название «Польский». Была переработана и начальная часть всего свидетельства, в которую вошло указание на то, что строительная деятельность Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле развернулась по его возвращении от города Чернигова из военного похода. Источником этого дополнения наверняка послужили известные летописные свидетельства, согласно которым в 1152 г. Юрий Долгорукий организовал очередной поход из Ростово-Суздальской земли на юг Руси, но из-под Чернигова вынужден был вернуться назад. Осталось привлечь внимание к тому, что последовательность упоминаний об актах строительной деятельности Юрия Долгорукого в известии Никоновской летописи, по сравнению с параллельными известиями Новгородской четвертой и близких к ней летописей, существенно изменена. В целом же рассматриваемое известие по своим особенностям вполне соответствует приемам обработки летописных текстов, которыми широко пользовались создатели Никоновской летописи. Следовательно, по своему происхождению оно не может быть отнесено ранее, чем к первой половине XVI в. Тем не менее показания никоновского текста представляют значительную ценность. Как известно, Никоновская летопись составлялась с привлечением большого количества летописных источников, мно-

гие из которых впоследствии не сохранились. Однако свидетельство Никоновской летописи не содержит никаких по настоящему оригинальных данных о строительной деятельности Юрия Долгорукого сравнительно с другими дошедшими до нас летописями. Это придает уверенности в том, что о каких-либо иных актах строительной деятельности Юрия, помимо тех, которые под 1152 г. упоминаются в известных современной науке летописях, несохранившиеся летописные памятники не сообщали.

Летописные данные, касающиеся строительной деятельности Юрия Долгорукого, не ограничиваются свидетельствами, встречающимися в памятниках древнерусского летописания обычно под 1152 г. В тех же самых летописях, в которых здесь с личностью Юрия связывается возникновение ряда церквей и городов, под 1154 г. нередко сообщается о закладке Юрием города Дмитрова по случаю рождения у него сына Всеволода: *«Того же лета родися Юрью сын Дмитрии. Бе бо тогда на реце на Яхроме и со княгинею. И заложи град во имя его и нарече и Дмитров, а сына нарече Всеволодом»*¹⁴⁷. Так же, как и сообщения, датированные 1152 г., известие о закладке Юрием г. Дмитрова в 1154 г. отсутствует в древнейших летописях. Внесение этого известия в состав какого-то летописного памятника относится, скорее всего, к тому же времени и произведено тем же автором, что и сводная запись под 1152 г. Для датировки основания Юрием города Дмитрова 1154 г. у составителя соответствующего известия, по всей вероятности, имелись необходимые данные. Согласно летописному указанию, город Дмитров был заложен Юрием по случаю рождения у него сына Всеволода. Дата этого события не могла, конечно, затеряться в среде его многочисленных потомков, и выяснить ее при желании не представляло особого труда. Явно поэтому известие о закладке города Дмитрова было помещено под 1154 г. В противном слу-

чае оно оказалось бы, скорее всего, в числе отнесенных к 1152 г. сообщений о строительной деятельности Юрия Долгорукого. По всей вероятности, редактору, включавшему в летописный текст сведения о строительных мероприятиях Юрия, не удалось установить их датировку с точностью до года за исключением основания города Дмитрова. Естественно, что при этом возникает вопрос о том, почему приписываемые Юрию строительные записи перечислены большей частью под 1152 г.

Таким образом, из всех проанализированных вариантов известия о строительной деятельности Юрия Долгорукого, встречающихся в летописных источниках под 1152 г., наибольшей полнотой и подробностью отличаются те, которые сохранены Типографской летописью и некоторыми другими памятниками летописания. Ту или иную степень сокращения этого варианта отражают прочие использованные для наблюдений летописные памятники. Допустить обратное, а именно позднейшее дополнение и распространение сравнительно краткой записи, нет никаких оснований. Во всяком случае подобный взгляд противоречит основной тенденции обработки летописного текста позднейшими редакторами, заключавшейся в его сокращении. Следовательно, отраженная в Типографской и в ряде других летописей редакция известия о строительной деятельности Юрия Долгорукого вполне может рассматриваться как наиболее ранняя из сохранившихся, более или менее близкая к первоначальной. Поэтому нужно признать, что в составе этого известия изначально читалось и свидетельство о переносе Юрием города Переяславля «от Клещина» на другое место и о закладке им здесь церкви св. Спаса с остальными подробностями.

Теперь следует обратить внимание на следующие факты. С одной стороны, оказывается, что Лаврентьевская и близкие к ней летописи, отражающие владимирские летописные своды вто-

рой половины XII – начала XIII в., не содержат известий о строительной деятельности Юрия Долгорукого, относящихся к периоду его княжения в Ростово-Суздальской земле ни в виде записей под отдельными годами, ни в виде обобщающей записи под каким-либо одним годом. С другой стороны, позднейшие летописи, в которых под 1152 г. с той или иной степенью полноты читается сводная запись, прославляющая Юрия в качестве создателя церквей и городов, не содержат по этому поводу никаких единичных или же менее полных, по сравнению со сводной записью, свидетельств в других годовых статьях, за исключением помещенного в статье 1154 г. упоминания об основании Юрием города Дмитрова. Отсюда следует, что при Юрии Долгоруком в Ростово-Суздальской земле летописная работа либо не велась вообще, либо записи о событиях, если они здесь все-таки составлялись, своевременно не попадали в руки местных летописцев, а впоследствии по тем или иным причинам не сохранялись. Как бы то ни было, но помещенное в Типографской летописи под 1152 г. обобщающее известие о строительной деятельности Юрия Долгорукого приходится отнести к позднему времени. Другие доказательства в пользу высказанного сообщения нами ранее уже приводились¹⁴⁸. Здесь же к ним следует прибавить еще одно существенное наблюдение. Согласно известию Типографской летописи и Архивского списка Сокращенного летописного свода 1495 г. под 1152 г., церковь св. Спаса в Переяславле Залесском была Юрием Долгоруким в изобилии снабжена книгами и мощами святых. Из этого следует, что при Юрии возведение Спасской церкви было полностью завершено. Согласно же данным Летописца Переяславля Суздальского, Радзивиловской и Академической летописей под 1157 г., Юрий Долгорукий положил лишь начало переяславской церкви св. Спаса, а заканчивал ее сооружение его сын Андрей (Боголюб-

ский): «В лето ·ſ·х·ѣ·ѣ· ... (Андрей) и цркъв сконча, ю же вѣ заложилъ прѣжѣ ѿць его ст҃го С҃҃са каменую вѣ Переяслави в новѣмѣ»¹⁴⁹. Не доверять свидетельству этих источников, отражающих древнейшие владимирские и переяславские летописные своды, нет видимых оснований. В такой ситуации естественнее всего заключить, что отступление от показаний более древних летописных источников, допущенное в свидетельстве Типографской летописи о строительной деятельности Юрия Долгорукого, может быть связано с его составлением задним числом в сравнительно позднее время. Тогда для составителя записи, по всей вероятности, уже не представляло особого значения, какая именно роль принадлежала Юрию в создании Спасской церкви Переяслава Залесского.

Какими же можно себе представить обстоятельства, при которых в состав какого-то летописного памятника под 1152 г. была включена обобщающая запись о строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле, в том числе о переводе им города Переяслава «от Клещина» и закладке в нем церкви св. Спаса? Ответ на этот вопрос подсказывают материалы Лаврентьевской, Ипатьевской и близких к ним летописей.

Как известно, в летописях лаврентьевской традиции читаются некрологи, посвященные владимирским князьям Андрею Юрьевичу (Боголюбскому) (1175 г.)¹⁵⁰, Всеволоду Юрьевичу (Большое Гнездо) (1212 г.)¹⁵¹, Константину Всеволодичу (Доброму) (1218 г.)¹⁵², Юрию Всеволодичу (1239 г.)¹⁵³, приходившимся сыновьями или внуками Юрию Долгорукому. Показательно, что в качестве одной из заслуг всех упомянутых сыновей и внуков Юрия в их некрологах отмечается храмостроительная, а иногда и градостроительная деятельность. В летописях лавренть-

время своего княжения в Ростово-Суздальской земле (особенно в конце 40-х – первой половине 50-х гг. XII в.) Юрий стремился овладеть киевским княжением, на котором в 1155 г. и утвердился, но в 1157 г. умер. Таким образом, княживший в Ростово-Суздальской земле, хотя и с перерывами, около 25–30 лет Юрий Долгорукий скончался не здесь, а в Киеве на посту киевского князя, который ему довелось занимать совсем недолго. Естественно, что все это выводило ситуацию из разряда стандартных и не побуждало владимирских летописцев второй половины XII в. к составлению посвященного Юрию некролога.

Как можно с уверенностью полагать, летописцы, работавшие во Владимиро-Суздальской земле в XIII в. или позднее, обращали внимание на отсутствие в более ранних летописных памятниках местного происхождения посвященного Юрию Долгорукому некролога. Разумеется, им были известны и все те ссылки на строительные мероприятия Юрия, которые встречаются среди летописных сообщений, относящихся к периоду после его ухода на княжение в Киев и кончины в 1157 г. В то же время память о Юрии как о создателе новых церквей и городов должна была сохраняться в Ростово-Суздальской земле на протяжении ряда последующих поколений. Именно этими обстоятельствами, по всей вероятности, и было продиктовано намерение какого-то позднейшего редактора отдать должное Юрию Долгорукому хотя бы как строителю храмов и городов.

Но предстояло еще решить, под каким годом уместнее всего следовало бы включить в летописный текст необходимые сведения о Юрии Долгоруком. Чтобы объяснить сделанный редактором выбор, необходимо снова обратиться к древнейшим летописным традициям, характеризующим политику Юрия Долгорукого в конце 40-х – первой половине 50-х гг. XII в.

Согласно показаниям Ипатьевской, Лаврентьевской и близких к ним летописей, с лета 1149 г. и приблизительно по осень 1151 г. Юрий Долгорукий находился в южной Руси. В этот период он то овладевал Киевом, то вынужден был покидать его и располагаться неподалеку, за Днепром, в расчете на очередную возможность снова занять киевское княжение. Однако осенью 1151 г. Юрию пришлось вернуться в Ростово-Суздальскую землю. В ближайшие годы он дважды снова направлялся на юг Руси с надеждой добиться, наконец, киевского княжения, но оба раза возвращался назад с полпути. Только в начале 1155 г., уже после смерти киевского князя Изяслава Мстиславича, последовавшей осенью 1154 г., Юрий Долгорукий достаточно надежно утвердился в Киеве. Следовательно, перед этим в течение около 3-х лет (1152–1154 гг.) Юрий находился главным образом у себя в Ростово-Суздальской земле. Данное обстоятельство едва ли осталось без внимания позднейшего редактора. По всей вероятности, он не мог также не понимать и того, что именно тогда перед Юрием должна была встать задача по укреплению оборонительных возможностей Ростово-Суздальского края на случай вторжения в его пределы своих противников. Ведь ему, изгнанному из Киева осенью 1151 г., не могло быть заранее известно, как будут развиваться события в дальнейшем и не придется ли ему вместо продолжения борьбы за Киев оборонять свою землю от стремившегося, конечно, ослабить ее киевского князя Изяслава Мстиславича и его союзников. К такому восприятию ситуации подталкивали и события 1148 г., когда Изяслав организовал большой поход против Юрия и разорил часть подвластных ему верхневолжских земель вплоть до города Ярославля. Опустошить другие владения Юрия Долгорукого тогда не удалось только потому, что, согласно летописным данным, началась весенняя распутица и было принято решение прекратить поход¹⁵⁷.

Таким образом, выбор летописной статьи 1152 г. для помещения в ее составе сводной записи о строительной деятельности Юрия Долгорукого находится в зависимости от летописных данных, то есть оказывается вполне оправданным. В доказательство этого вывода необходимо привести и такое наблюдение. Как известно, в сообщениях древних летописей об обстоятельствах, при которых Юрий оказывался перед необходимостью возвращаться из южных областей Руси в Ростово-Суздальскую землю, никогда не говорится, что он направлялся в Ростов, но всегда отмечается, что он пошел «Суздаю», «в Суздаль»¹⁵⁸. Приведенная выше по Типографской летописи сводная запись о строительной деятельности Юрия Долгорукого начинается словами «Тогда же Георгии князь в Суждале бе...». Совершенно очевидно, что имеющееся здесь указание на пребывание князя «в Суждале» ведет к древним летописным свидетельствам и тем самым указывает на привлечение позднейшим автором соответствующих памятников летописания.

Полученные на данном этапе выводы, раскрывающие обстоятельства появления в составе какого-то летописного источника сводной записи о строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле, могут быть существенно дополнены. Речь идет о возможности некоторого уточнения времени и места включения подобной записи в летописный текст. Во-первых, имеющееся в «Списке имен русских городов» упоминание города «Клещина», как было установлено, является следствием допущенной автором «Списка» ошибочной интерпретации посвященного Юрию Долгорукому под 1152 г. летописного известия, выразившейся в том, что значащиеся в его составе слова «от Клещина», подразумевающие оз. Клещино, были сочтены им за указание на существование города «Клещина». Насколько известно, «Список имен русских городов» по времени составле-

ния относится к рубежу XIV–XV вв. Значит, обобщающее летописное известие, прославляющее строительные заслуги Юрия Долгорукого, к этому времени уже существовало. Отсюда следует, что подобное известие было кем-то составлено как минимум не позднее второй половины или даже середины XIV в. Во-вторых, проделанный выше анализ летописных памятников XV–XVII вв. обнаружил большое разнообразие представленных в них под 1152 г. вариантов посвященной Юрию Долгорукому сводной записи, которые можно считать позднейшими модификациями более или менее близкого к первоначальному свидетельству, уцелевшего в Типографской и некоторых других летописях. Понятно, что для возникновения такого разнообразия был необходим достаточно продолжительный период бытования исходного варианта в летописной традиции. Это соображение позволяет отодвинуть возникновение отраженного Типографской летописью исходного варианта предположительно к первой половине XIV в. В-третьих, указанием на достаточно раннее происхождение обобщающего летописного известия, прославляющего строительные деяния Юрия Долгорукого, служит как раз то самое читающееся в его составе при упоминании о переводе Юрием города Переяславля выражение «от Клещина». Употребляя данное выражение, подразумевающее оз. Клещино, летописец, как видно, обошелся без прямого на это указания, то есть написал «от Клещина», а не *от Клещина озера*. Значение этого факта можно оценить, если принять во внимание то, как в подобных случаях поступали создатели позднейших летописных переработок. Наблюдения показали, что принадлежащие им ссылки на оз. Клещино в подавляющей своей части сопровождаются применением слова *озеро* в необходимых падежных формах. Вот примеры. Львовская летопись: «... и посади брата своего Всеволода в Переяславли на столе, иже на Клещине озере»¹⁵⁹.

Тверской летописный сборник: *«Новгородци же, много гадавшие, послаша в Переяславль, еже на Клещине озере, по Ярослава Всеволодича...»*¹⁶⁰ и др. Никоновская летопись: *«Володимерци же послаша в град Переяславль, иже на Клещине озере, по князя по Всеволода, Юрьева сына Долгорукаго...»*¹⁶¹, *«Всеволод же с володимерци поиде противу его, а иже на Клещине озере переславци, посла по них князя Ярослава Мстиславича»*¹⁶², *«Того же лета новгородци... послаша с челобитьем в Володимерь к великому князю Ярославу Всеволодичю, просяще у него сына его князя Александра, иже в Переяславле на Клещине озере»*¹⁶³, *«А татарове гнашася за ним и постигоша его у града Переславля, иже на Клещине озере»*¹⁶⁴ и др. Впрочем, текст Никоновской летописи содержит два выражения с упоминанием об оз. Клещине, в которых слово озеро для уточнения смысла не использовано. Первое из этих выражений читается как раз под 1152 г. в сводной записи о строительных действиях Юрия Долгорукого. Но именно такой вид оно имеет во всех предшествовавших возникновению Никоновского свода летописях, включающих под соответствующим годом посвященную Юрию сводную запись. Следовательно, в никоновский текст оно без изменения было перенесено из какого-то более раннего летописного источника. Второе выражение читается ниже, под 1214 г.: *«Новгородци же послаша в Переславль, иже на Клещине, по князя Ярослава Всеволодича»*¹⁶⁵. Однако здесь с большой вероятностью можно предполагать пропуск необходимой в целях уточнения формы слова озеро. Ведь для позднейших летописных текстов, насколько можно судить по приводившимся выше из Львовской летописи, Тверского сборника и особенно из Никоновской летописи примерам, характерно обратное, а именно приложение требуемой формы слова озеро при упоминаниях об оз. Клещине. Эта тенденция объясняется, скорее всего, тем, что со

временем, к XV–XVII вв., название *Клецино* применительно к озеру стало постепенно вытесняться новыми обозначениями (*Переяславское*, *Плещеево*), в силу чего употребление не совсем еще забытого прежнего наименования (*Клецино*) требовало уточнения в виде использования той или иной формы слова *озеро*. Однако все, за исключением Владимирского летописца, привлеченные для наблюдений летописные источники, содержащие под 1152 г. упоминание о переносе Юрием Долгоруким города Переяславля «от *Клецина*», приводят его без подобного уточнения. Такой вид оно, без сомнения, имело и в первоначальной записи, а это свидетельствует о ее составлении в достаточно раннее время, когда об оз. *Клецине* можно было упомянуть как о хорошо известном, по крайней мере жителям Ростово-Суздальского края, водоеме, даже не именуя его озером: просто «от *Клецина*», как и выразился древний автор. Поэтому необходимо предусмотреть и возможность составления посвященной Юрию Долгорукому сводной записи, включавшей свидетельство о переносе им города Переяславля «от *Клецина*», уже во второй половине XIII в. Таким образом, помещение этой записи под 1152 г. в составе пока не поддающегося определению летописного памятника должно быть отнесено к достаточно широкому периоду, охватывающему вторую половину XIII в. – первую половину XIV в. Что же касается места, где могла быть составлена и помещена в летописном тексте такая запись, то это, скорее всего, один из городских центров Ростово-Суздальской земли, поскольку именно от местного летописца естественнее всего было бы ожидать выражения «от *Клецина*» без уточнения, о чем идет речь¹⁶⁶.

Должен быть поставлен вопрос и о том, какими факторами определялся порядок перечисления строительных деяний Юрия Долгорукого в посвященной ему под 1152 г. сводной записи.

Похоже, что последовательность упоминания возведенных Юрием Долгоруким церквей и городов подчиняется в записи определенной логике. Так, храм Бориса и Глеба, построенный Юрием на р. Нерли, упоминается на первом месте, и едва ли это случайно. Представляется, что Борисо-Глебская церковь действительно могла быть первой среди построек, которые Юрий возвел в Ростово-Суздальской земле. Вероятность такого мнения подкрепляется следующими соображениями. По свидетельству «Повести временных лет», Владимир Мономах, отец Юрия Долгорукого, в 1117 г. заложил церковь Бориса и Глеба на р. Альте¹⁶⁷. Сведений о других церковных зданиях, возникновение которых связывалось бы со строительной деятельностью Мономаха в начальный период его киевского княжения, «Повесть» не содержит. Следовательно, велика вероятность того, что Борисо-Глебский храм на р. Альте был первым из основанных Мономахом во время его пребывания на посту киевского князя. В условиях распространявшегося тогда на Руси культа мучеников Бориса и Глеба это было вполне естественно. Поэтому не было бы ничего невероятного и в том, если бы в рамках той же самой тенденции первой церковью, сооруженной Юрием Долгоруким в Ростово-Суздальской земле, стала церковь Бориса и Глеба на р. Нерли. Вслед за этой церковью в качестве построек Юрия сводная запись называет церковь св. Спаса в Суздале и церковь св. Георгия во Владимире. Следовательно, обе церкви создаются в двух уже существовавших до прихода Юрия древних городах Ростово-Суздальского края. Наилучшим образом это согласуется, пожалуй, со сравнительно ранним периодом пребывания Юрия Долгорукого на ростово-суздальском княжении. Далее в сводной записи читаются упоминания о переводе Юрием на новое место города Переяславля с закладкой в нем церкви св. Спаса и об основании города Юрьева с церковью св. Геор-

гия в нем, которыми запись и оканчивается. Согласно летописным данным, город Дмитров Юрий основал в 1154 г., то есть в заключительный период своего нахождения в Ростово-Суздальской земле, когда, как отмечалось выше, обстоятельства вынуждали его позаботиться об укреплении обороноспособности своих владений. Поэтому можно полагать, что к тому же периоду относятся и мероприятия Юрия по переводу на новое место города Переяславля и основанию города Юрьева. Применительно к переводу Переяславля это допущение может быть усилено еще одним соображением. В самом деле, заложенную Юрием в Переяславле церковь св. Спаса, по свидетельству древних летописей под 1157 г. (иногда под 1158 г.), достраивал перешедший тогда на ростово-суздальское княжение Андрей Боголюбский. Однако маловероятно, что церковь, которую пришлось заканчивать Андрею, была заложена его отцом Юрием Долгоруким давно. В этом случае он и сам успел бы завершить ее строительство. Дело, видимо, в том, что основание города Переяславля на новом месте, сопровождавшееся закладкой в его пределах Спасской церкви, Юрий осуществил незадолго до перехода на киевское княжение, то есть, по всей вероятности, в те же 1152–1154 гг. Таким образом, расположение сведений об актах строительной деятельности Юрия Долгорукого в финальной части сводной записи тоже оказывается неслучайным.

Основные итоги проведенного исследования можно подвести в следующем виде. Сохранившиеся письменные источники содержат два свидетельства, касающиеся проблемы города «Клещина»: 1) встречающееся в летописях под 1152 г. упоминание о переводе Юрием Долгоруким города Переяславля «от Клещина», 2) упоминание города «Клещина» в «Списке имен русских городов». Для целого ряда исследователей эти свидетельства послужили доказательством существования в древности на

оз. Клещине города «Клещина», и было сделано немало попыток выяснить место его бывшего расположения. В конце 1970-х гг. И.В. Дубов и его коллеги опубликовали сообщение об открытии «летописного Клещина», представлявшегося некоторым ученым «потерянным». Однако теперь можно утверждать, что на оз. Плещееве никакой город «Клещин» не может быть ни обнаружен, ни открыт. Как показало исследование, первое из принятых в расчет свидетельств о городе «Клещине» подразумевает не город «Клещин», а оз. Клещино, второе же основано на ошибочной трактовке первого в качестве упоминания города «Клещина». Иначе говоря, письменные данные, на которых основано мнение ряда ученых о существовании на оз. Клещине древнерусского города «Клещина», являются мнимыми. Отсюда следует, что распространенное среди части ученых убеждение в существовании города под названием «Клещин» оказывается не чем иным как историографической фикцией. В этой связи самое естественное объяснение находит вызывавший недоумение исследователей факт полного отсутствия достоверных сведений о городе «Клещине» в летописных и прочих письменных источниках. Понятной становится и причина неубедительности попыток во что бы то ни стало «втиснуть» город «Клещин» между другими поселениями, когда-то действительно существовавшими на оз. Клещине. К сожалению, средневековый уровень, на котором, по сути дела, до сих пор продолжает оставаться работа с письменными источниками у многих исследователей древнерусской истории, долгое время не позволял избежать ошибочного пути в изучении проблемы. Теперь же картина становится достаточно ясной. По всей вероятности, в начале XII в. еще Владимиром Мономахом или его сыном Юрием (Долгоруким), вскоре после занятия им ростово-суздальского княжения, на северо-восточном побережье оз. Клещина был сооружен небольшой городок. Ме-

сто для его постройки было выбрано между двумя оврагами на мысу коренного озерного берега. Очевидно, по воле Владимира Мономаха или же Юрия Долгорукого за городком стало закрепляться название Переяславля, скорее всего, в память о южном Переяславле, поскольку обоим князьям по вполне понятной причине был дорог киевский юг. Расположение городка поначалу, видимо, казалось удачным, но уже к середине XII в. стало ясно, что возможности его развития ограничены прилегающими оврагами, сообщение с находящимся неподалеку озером затруднено крутым подъемом (в обратном направлении — спуском), а для стоянки, причаливания или отчаливания судов на озере поблизости от поселения нет удобного места. В создавшейся ситуации, как можно полагать, предшествующий опыт заставил обратить внимание на низину, расположенную по берегам р. Трубеж при ее впадении в оз. Клещино. Это пространство местами было, скорее всего, излишне увлажнено, но по сравнению с расположением Переяславля имело ряд существенных преимуществ (достаточные с точки зрения перспектив развития города размеры, удобное сообщение с озером по р. Трубеж, возможность использовать эту реку для безопасной стоянки судов и др.), что и предопределило выбор площадки для возведения нового города на необходимом удалении от береговой линии оз. Клещина. Нет ничего удивительного в том, что этот новый город естественным образом перенял имя Переяславля, появившегося на оз. Клещине еще в начале XII в., о чем, по всей вероятности, свидетельствует и приведенная А.С. Уваровым местная легенда. В относящемся к 1152 г. летописном свидетельстве, согласно которому Юрий Долгорукий перевел город Переяславль «от Клещина» на другое место, упоминание Переяславля является, без сомнения, общим как для переводимого города, так и для воссозданного на новом месте. Следовательно, речь должна идти о двух основан-

ных на оз. Клещине в свое время городских поселениях с названием Переяславль, а именно: о Переяславле на мысу между оврагами (первоначальном, старом, заброшенном) и о Переяславле в низовой части р. Трубеж (построенном на этом месте позднее, новом, со временем получившем прозвание Залесского). Что же касается города «Клещина», то, продолжая археологические раскопки на берегах оз. Плещеева, его можно больше не искать.

На этом поставленную в статье задачу можно было бы считать выполненной, но исследование проблемы города «Клещина» обнажило еще один в определенной степени схожий вопрос, касающийся свидетельства некоторых летописей о том, что Андрей Боголюбский в 1157 г. достроил заложенную его отцом, Юрием Долгоруким, церковь св. Спаса, находившуюся «в Переяславли в новом» (так в Летописце Переяславля Суздальского) или «в Переяславли новом» (так в Радзивиловской и Московско-Академической летописях). Цитированные выражения естественнее всего понять как «в Переяславле на новом месте». Именно такое восприятие рассматриваемого летописного фрагмента нашло отражение в первом издании Летописца Переяславля Суздальского, осуществленном К.М. Оболенским в середине XIX в.: «вѣъ Переяславли вѣъ новѣмѣъ»¹⁶⁸. Такой же смысл этому выражению придавали Е.Ф. Карский¹⁶⁹, М.Д. Приселков¹⁷⁰, А.Г. Чиняков¹⁷¹, А.Н. Насонов¹⁷², Н.Н. Воронин¹⁷³, А.Г. Кузьмин¹⁷⁴ и другие исследователи. Судя по всему, чего-либо иного не видел в нем и А.А. Шахматов¹⁷⁵. Однако в свое время М.Н. Тихомиров посчитал возможным сделать, со ссылкой на чтение Летописца Переяславля Суздальского, такое замечание по поводу Переяславля, переведенного при Юрии Долгоруком на новое место: «Вновь сооруженный город стал иногда называться Переяславлем Новым»¹⁷⁶. Неожиданное мнение ученого не вызвало бы никаких возражений, если бы оно не противоре-

чило более обычным представлениям исследователей и если бы в нем речь шла о том, что выстроенный на новом месте Переяславль иногда стал именоваться Переяславлем Залесским. Ведь в памятниках позднего летописания этот город иногда действительно фигурирует под таким названием. Пример из Львовской летописи: «В лето 6882... Тое же осени, месяца ноября 26, родися великому князю сын Юрьи Дмитрею Ивановичю во граде Переславле Залеском...»¹⁷⁷. Вот несколько примеров из сообщений Никоновской и Александро-Невской летописей о поездках царя Ивана Грозного: «...ездил с Москвы в Переславль Залесъскои и со царицею своею...»¹⁷⁸, «...ездил в Переславль Залескои в Никицкои монастырь...»¹⁷⁹, «...а был в объезде у Живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре и в Переславле Залеском...»¹⁸⁰, «...а был в объезде государь у Троицы в Сергиеве монастыре да в Переславле Залеском»¹⁸¹, «...а был в объезде... и в Переславле Залеском, и в Ростове, и в Ярославле...»¹⁸² и др. А вот примеры из Бельского летописца: «В лета 7117-го... посылал ис-под Троицы Сергеева монастыря тое же осени пан Павел Сапега под Переславль Залескои»¹⁸³, «В лета 7118-го в осень пошел ис Колязина монастыря к Переславлю Залескому боярин и воевода князь Михаило Васильевич Скопин-Шуискои с товарищи...»¹⁸⁴ и др. Таким образом, не может быть никаких сомнений в существовании обозначения «Переяславль Залесский» как географического названия с относительно раннего времени¹⁸⁵. Суть дела нисколько не изменится, даже если иметь в виду, что упоминание Переяславля как «нового» города отражено тремя летописями, поскольку оно читается в них под одним и тем же 1157 г. в одном и том же известии, то есть восходит к одному и тому же более раннему свидетельству. Разумеется, в этом свидетельстве нельзя видеть никакого указания на географическое название «Переяславль Но-

вый». Совершенно так же было бы, к примеру, нелепо считать выражения «Москва златоглавая» или, скажем, «Нижний Новгород украшенный» географическими обозначениями «Москва Златоглавая» и «Нижний Новгород Украшенный». Однако как «новый» город Переяславль упомянут также Рогожским летописцем под 1152 г.: «В лето 6660. Князь Юрьи заложил град — новыи Переяславль». В опубликованном тексте памятника слово «новыи» из приведенной цитаты передано как «Новыи»¹⁸⁶, то есть с прописной буквы, что, разумеется, неправомерно, поскольку летописный текст сообщает опять-таки о постройке Переяславля на новом месте и не более того. Тем не менее бесосновательная точка зрения М.Н. Тихомирова была подхвачена некоторыми учеными и издателями памятников древнерусского летописания. Так, выражение «Переяславль Новый», никогда в реальности не существовавшее как географическое обозначение, нашло применение в работах Д.С. Лихачева¹⁸⁷, С.Д. Васильева¹⁸⁸, И.В. Дубова¹⁸⁹, Я.С. Лурье¹⁹⁰, Г.М. Прохорова¹⁹¹, в тексте сравнительно недавно увидевших свет двух новых изданий Радзивилловской летописи¹⁹². Согласно с этим, и в указателях обоих изданий географическое обозначение Переяславль в соответствующих случаях вполне справедливо сопровождается пояснением (Залесский), но совершенно неправомерно уточнением (Новый)¹⁹³. Подобным же образом поступили как в передаче соответствующего летописного фрагмента, так и в географическом указателе публикаторы появившегося вскоре нового издания Летописца Переяславля Суздальского¹⁹⁴. В указателе к тексту недавно изданной Софийской первой летописи старшего извода никогда в реальности не существовавшее как топоним обозначение «Переяславль Новый» и к тому же ни разу не зафиксированное текстом этой летописи тем не менее приведено уже в виде отдельной рубрики с отсылкой к обозначению «Пе-

реяславль Залесский»¹⁹⁵. Но если этот псевдотопоним был некоторыми позднейшими издателями навязан тексту известного свидетельства, помещенного в ряде летописей под 1157 г., и стал возможен в научных трудах, то не приходится удивляться тому, что он начал фигурировать в путеводителях и тому подобных справочных материалах. Как видно, налицо формирование очередного топонимического мифа. Однако и это еще не все. Безосновательная трактовка употребленного каким-то летописцем под 1157 г. выражения «в Переяславли в новом» или «в Переяславли новом» в качестве топонима «Переяславль Новый» предполагает (разумеется, в сугубо вербальном аспекте) существование топонима «Переяславль Старый». И его появление в научных трудах не заставило себя ждать слишком долго, получив отражение, например, в трудах И.В. Дубова¹⁹⁶. А ведь географическое обозначение «Переяславль Старый», как выходит, тоже является мифическим по происхождению.

Источники, литература и примечания

1. Карамзин Н.М. История государства российского. Изд. 5. Кн. I. Т. I–IV. СПб., 1842 (репринт: М., 1988). Примечания к тому II. Прим. 376 (Стб. 152).
2. Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды первого археологического съезда в Москве (1869). Т. II. М., 1871, С. 656–657.
3. Смирнов М.И. Залесский город Клещин // Доклады Переяславль-Залесского научно-просветительного общества. 1919. № 4.
4. Иванов К.И. Переяславль Залесский в прошлом и настоящем. Ярославль, 1940. С. 6–7.
5. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956. С. 413–414.

6. *Чиняков А.* Архитектурный памятник времени Юрия Долгорукого // *Архитектурное наследство.* 2. М., 1952. С. 43.
7. *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959. С. 39.
8. *Голубцов И.А.* Пояснительные примечания к актам // *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XV в.* Т. III. М., 1964. С. 497 (примечания к акту 182).
9. *Васильев С.Д.* Памятники истории в окрестностях Переславля-Залесского. Ярославль, 1968. С. 12, 16–17.
10. *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 68.
11. *Третьяков П.Н.* 1) Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Очерки по истории Верхнего Поволжья в эпоху первобытно-общинного строя. Ярославль, 1939. С. 68; 2) Древнерусский город Клецин // *Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран.* М., 1963. С. 49–53; 3) У истоков древнерусской народности // *МИА.* Вып. 197. Л., 1970. С. 129–130; *Воронин Н.Н.* 1) Переяславль Залесский. М., 1948. С. 6–7; 2) Раскопки в Переяславле-Залесском // *МИА.* М.–Л., 1949. № 11. С. 193; 3) «Переяславль новый» // *Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г.* М., 1974. С. 138–141. В тексте этой статьи автор оперирует обозначением «Переяславль новый». Поэтому точно так же (а не как «Переяславль Новый») должно выглядеть и заглавие его работы; *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // *МИА.* М.–Л., 1961. № 105. С. 16–17; *Комаров К.И.* Работа славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской, Ивановской и Калининской областях // *АО* 1974 года. М., 1975. С. 63; *Дубов И.В., Лапшин В.А.* Открытие летописного Клецина // *АО* 1977 года. М., 1978. С. 60; *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (Историко-археологические

- очерки). Л., 1982. С. 40, 88–103; 2) Города, величием сияющие. Л., 1985. С. 29, 102–113.
12. *Комаров К.И.* Археологическая карта России. Ярославская область. М., 2005. С. 164–165.
  13. *Третьяков П.Н.* Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья... С. 68.
  14. *Третьяков П.Н.* Древнерусский город Клецин... С. 51–53.
  15. *Воронин Н.Н.* «Переяславль новый»... С. 139–141.
  16. *Комаров К.И.* Археологическая карта... С. 164.
  17. *Смирнов М.И.* Залесский город Клецин... С. 3–5.
  18. Лаврентьевская и Троицкая летописи // ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846. С. 5; Псковские и софийские летописи // ПСРЛ. Т. V. СПб., 1851. С. 84; Летопись по Воскресенскому списку (далее: Воскресенская летопись) // ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856 (репринт: М., 2001). С. 263; Патриаршая или Никоновская летопись (далее: Никоновская летопись) // ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862 (репринт: М., 1965; М., 2000); Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889 (репринт: М., 2000). Стб. 35.
  19. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926 (репринт: М., 1962; М., 1997). Стб. 11; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. II. СПб., 1908 (репринт: М., 1962; М., 1998). Стб. 8; Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 13; Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) // ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 4; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. V. Изд. 2. Вып. 1. Л., 1925. С. 5; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. С. 339; Никоновская летопись... Т. IX... С. 4; Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью (далее: Тверской летописный сборник) // ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863 (репринт: М., 2000). Стб. 22; Холмогорская летопись ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 11; и др.

20. Лаврентьевская летопись... Вып. 1... Стб. 10–11; Ипатьевская летопись... Стб. 8.
21. *Васильев С.Д.* Указ. соч. С. 44, прим. 10.
22. *Третьяков П.Н.* Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья... С. 68.
23. *Третьяков П.Н.* Древнерусский город Клецин... С. 50–51.
24. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города // Ученые записки МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 99. М., 1946 С. 63; То же. Изд. 2. М., 1956. С. 413–414.
25. *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. № 40. 1952. С. 250.
26. *Воронин Н.Н.* Владимиро-Суздальская земля в XI–XIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.–Л., 1935. № 5–6. С. 216–217.
27. *Воронин Н.Н.* Памятники владими́ро-суздальского зодчества XI–XIII веков. М.–Л., 1945. С. 16.
28. *Воронин Н.Н.* Переяславль Залесский... С. 6–7.
29. *Воронин Н.Н.* Раскопки в Переяславле Залесском... С. 193.
30. *Воронин Н.Н.* «Переяславль новый»... С. 141.
31. Там же.
32. *Сахаров А.М.* Указ соч. С. 39.
33. *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества... С. 17.
34. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 96; 2) Города, величеством сияющие... С. 108.
35. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 97; 2) Города, величеством сияющие... С. 109.
36. *Дубов И.В., Лапшин В.А.* Открытие летописного Клецина... С. 60.
37. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 90–101; 2) Города, величеством сияющие... С. 107–113.
38. *Комаров К.И.* Археологическая карта... С. 164.

39. *Пришвин М.* Календарь природы. Петропавловск-Камчатский. 1988. С. 52.
40. *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань, 1872. С. 79.
41. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. I. Изд. 3. М.–Пг., 1923. С. 356.
42. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972.
43. *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983.
44. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921 (репринт: М., 2000). Указатель имен личных и географических. С. 256.
45. Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отдел II (Указатель географический). СПб., 1907. С. 147; Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIV. Вторая половина. Указатели к Никоновской летописи. Пг., 1918 (репринт: М., 2000). Указатель географический. С. 206. Ср. ПСРЛ. Т. IX. С. 197; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915 (репринт: М., 2000). Указатель географический. С. 670. Ср. С. 153; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. Указатель географических названий. С. 295. Ср. С. 75; Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002. Указатель географических и этнических названий. С. 207. Ср. С. 102.
46. *Кучкин В.А.* Ростово-Суздальская земля в X – первой половине XIII веков (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2. С. 82. См. также составленный В.А. Кучкиным указатель географических и этнографических названий к труду А.Н. Насонова (*Насонов А.Н.* История русского летописания. XI – начало XVIII века. М., 1969. С. 534).
47. Типографская летопись... С. 77.
48. Новгородская Карамзинская летопись... С. 102.
49. Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... С. 153.

50. Никоновская летопись... Т. IX... С. 197.
51. Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 66.
52. *Татищев В.Н.* История российская. Т. II. М.–Л., 1963. С. 44; Т. IV. М.–Л., 1964. С. 242.
53. Там же. Т. I. М.–Л., 1962. С. 124–125.
54. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950 (репринт: М., 2000). Приложение второе. С. 477; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... Приложение 1. Новороссийский список. С. 624; Новгородская Карамзинская летопись... Приложение. С. 179; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. Приложение 1. СПб., 1910. С. 164; Воскресенская летопись... Т. VII... С. 241.
55. См., например: *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних»... С. 219; *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 88; 2) Города, величеством сияющие... С. 103.
56. *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Примечания к тому II. Прим. 376 (стб. 152).
57. *Смирнов М.И.* Переяславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911. С. 13–14.
58. В изданном тексте Софийской первой летописи М.И. Смирнов сослался на с. 163, где нет и вообще не может быть никакого свидетельства о строительной деятельности Юрия Долгорукого, поскольку речь здесь идет о позднейших событиях. Но и статья 1152 г., помещенная в указанном издании на с. 160, не включает текста, известного из примечания Н.М. Карамзина. Следовательно, речь должна идти либо о каком-то недоразумении, либо о допущенной М.И. Смирновым намеренной подтасовке летописных данных.
59. Согласно плану города Переяславля Залесского, приведенному в работе К.И. Комарова (Археологическая карта России... С. 155), это расстояние оказывается в 10 раз меньше. Дело в том, что неверно указан масштаб: 50 м вместо 500 м.

60. *Третьяков П.Н.* Древнерусский город Клешин... С. 51.
61. *Воронин Н.Н.* 1) Переяславль Залесский... С. 7; 2) Раскопки в Переяславле-Залесском... С. 193.
62. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 100; 2) Города, величеством сияющие... С. 112.
63. *Смирнов М.И.* Переяславль-Залесский... С. V.
64. *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов...»... С. 214, 218, 219.
65. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 89; 2) Города, величеством сияющие... С. 103–104.
66. См., например: *Третьяков П.Н.* Древнерусский город Клешин... С. 50; *Воронин Н.Н.* «Переяславль новый»... С. 141.
67. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 99; 2) Города, величеством сияющие... С. 111.
68. *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV–XVI века. М., 1974. С. 14.
69. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... Приложение второе... С. 475.
70. Там же. С. 476.
71. Там же. С. 477.
72. Лаврентьевская летопись... Вып. 1... Стб. 11; Ипатьевская летопись... Стб. 8.
73. Русская правда // Мерило праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 666.
74. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... Приложение второе. С. 471.
75. Там же. С. 487.
76. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 222.
77. Там же. С. 226.
78. *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов...»... С. 219.
79. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... Приложение второе. С. 475; Новгородская четвертая ле-

- топись... Ч. I. Вып. 1... Приложение 1. Новороссийский список. С. 623; Новгородская Карамзинская летопись... Приложение. С. 178; Ермолинская летопись... С. 163; Воскресенская летопись... Т. VII... С. 240.
80. Лаврентьевская летопись (рукопись). РНБ ОР. Ф. п. IV. 2. Л. 59.
  81. Ипатьевская летопись (рукопись). БРАН ОР. 16.4.4. Л. 64 об.
  82. Радзивилловская летопись (рукопись). БРАН ОР. 34.5.30. Л. 102.
  83. Ипатьевская летопись... Стб. 164.
  84. Радзивилловская летопись... С. 74.
  85. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 191.
  86. Новгородская Карамзинская летопись... С. 68.
  87. См., например: Летопись Несторова с продолжениями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года // Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Ч. I. СПб., 1767. С. 121; Российская летопись по списку Софийскому Великому Новгороду. Ч. I (по 1425 г.). СПб., 1795. С. 126; Софийский временник или русская летопись с 862 г. по 1534 г. Издал П. Строев. Ч. I (по 1425 г.). М., 1820. С. 163; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... С. 126; Московский летописный свод конца XV в. ... Приложение 1. Начало летописи по Эрмитажному списку. С. 382; Тверской летописный сборник... Стб. 160; Пискаревский летописец... С. 68.
  88. См.: Указатель к первым восьми томам ПСРЛ... Указатель географический... С. 265, 497; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... Географический указатель. С. 610, 617; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... Указатель географических и этнических названий. С. 675, 680;

- Ермолинская летопись... Указатель географический. С. 234, 237; Новгородская Карамзинская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 211, 216.
89. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... Приложение 2. С. 476; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... Приложение 1. Новороссийский список. С. 624; Новгородская Карамзинская летопись... Приложение. С. 178; Ермолинская летопись... Приложение 1. С. 164; Воскресенская летопись... Т. VII... С. 240.
90. Лаврентьевская летопись... Вып. 1... Стб. 166; Ипатьевская летопись... Стб. 156.
91. Слово о полку Игореве. Снимок с первого издания 1800 г. гр. А.И. Мусина-Пушкина под ред. А.Ф. Малиновского. М., 1920. С. 35–36.
92. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 198 и приложенная к этому изданию карта 3 (Балтийская гидронимия Верхнего Поднепровья).
93. См., например: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения в 18-ти книгах. Книга I. Тома 1–2. М., 1998. С. 343, 671–672 (прим. 37–39).
94. См., например: Указатель к первым восьми томам ПСРЛ... Указатель географический. СПб., 1907. С. 264.; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ . Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Указатель географических и этнических названий. С. 573; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... Указатель. С. 675; Новгородская Карамзинская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 211. По недосмотру составителей указателя к тексту этой летописи дело представлено так, будто р. «Немиза» (а не город с таким названием) указана в «Списке имен русских городов» (Там же. Ср. с. 168); Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М.–Л., 1959. Указатель географических наименований. С. 393; Львовская ле-

- топись // ПСРЛ. Т. XX. Ч. II. СПб., 1914 (репринт: М., 2005). Географический указатель. С. 674; Владимирский летописец... Указатель географических и этнических наименований. С. 224; Густынская летопись // ПСРЛ. Т. XL. СПб., 2003. Указатель географических и этнических названий. С. 195; и др.
95. См., например: Минск. Энциклопедический справочник. Минск, 1983. С. 286.
96. См., например: Софийская первая летопись старшего извода... Указатель географических и этнических названий... С. 572; Новгородская Карамзинская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 210; Холмогорская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 244; Густынская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 195.
97. См., например: Лаврентьевская летопись... Вып. 3. Л., 1928. Указатели: Географический. С. 561; Ипатьевская летопись... Географический указатель. С. XLIII; Московский летописный свод конца XV в. ... Указатель географических наименований. С. 439; Пискаревский летописец... Указатель географических названий. С. 298; и др.
98. Указатель к первым восьми томам ПСРЛ... Указатель географический... С. 206; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... Указатель. С. 672; Никоновская летопись... Т. XIV. Вторая половина. Указатель к Никоновской летописи. Указатель географический. С. 218; Московский летописный свод конца XV в. ... Указатель географических наименований. С. 437; Вологодско-Пермская летопись... Указатель географических наименований. С. 396; Пискаревский летописец... Указатель географических названий. С. 296; и др.
99. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. Изд. 2. Вып. 1. Пг., 1922 (репринт: М., 2000). Стб. 64.
100. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 181.
101. Рогожский летописец... Стб. 89.

102. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 374.
103. Рогожский летописец... Стб. 96.
104. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 190.
105. Рогожский летописец... Стб. 116.
106. Там же. Стб. 119.
107. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 210.
108. Рогожский летописец... Стб. 151.
109. Там же. Стб. 145.
110. Там же. Стб. 162.
111. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 233.
112. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 407.
113. Там же. С. 415.
114. Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 29.
115. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 267.
116. Иоасафовская летопись... С. 31.
117. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 268.
118. Иоасафовская летопись... С. 43.
119. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 277.
120. Иоасафовская летопись... С. 61.
121. Лаврентьевская летопись... Вып. 1... Стб. 161; Ипатьевская летопись... Стб. 156; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 17, 186.
122. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Указ. соч. С. 200.
123. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 672 (конец прим. 37).
124. См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... Приложение 2. С. 477; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... Приложение 1. Новороссийский список. С. 624; Новгородская Карамзинская летопись... Приложение. С. 179; Воскресенская летопись... Т. VII... С. 241.
125. *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938. С. 25, 290–293.

126. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 73–74; СПб., 1996. С. 119–120.
127. *Воронин Н.Н.* К вопросу о начале ростово-суздальского летописания // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 19–39.
128. Подробнее об этом см.: *Русинов В.Н.* Послание епископа Симона к иноку Поликарпу и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Н. Новгород, 2002. 162–202.
129. *Насонов А.Н.* 1) Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. // Проблемы источниковедения. Х. М., 1962. С. 351, 354, 356–357; 2) История русского летописания (XI – начало XVIII века). М., 1969. С. 114, 118, 120–122.
130. Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219), издан К.М. Оболенским. М., 1851. С. 73; Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей)... С. 88.
131. Подробнее об этом см.: *Русинов В.Н.* Указ. соч. С. 22–25, 55–64, 98–104.
132. Типографская летопись... С. 77.
133. Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962. С 319, вариант 18.
134. Пискаревский летописец... С. 75.
135. Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... С. 153.
136. Новгородская Карамзинская летопись... С. 102.
137. Софийская первая летопись... С. 165, вариант под буквами оо.
138. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 56.
139. Воскресенская летопись... Т. VII... С. 57.
140. Владимирский летописец... С. 66.
141. *Русинов В.Н.* Указ. соч. С. 104.
142. Рогожский летописец... Стб. 21.

143. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. // ПСРЛ. Т. XXVIII. М.–Л., 1963. С. 32, 187.
144. Ермолинская летопись... С. 39.
145. Тверской летописный сборник... Стб. 219–220.
146. Никоновская летопись... Т. IX... С. 191, 196–197.
147. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 58; Новгородская Карамзинская летопись... С. 102; Сокращенный летописный свод 1495 г. ... С. 319; Никоновская летопись... Т. X... С. 198 (под 6663 г.); Типографская летопись... С. 77; Владимирский летописец... С. 66; и др.
148. Русинов В.Н. Указ. соч. С. 100–103.
149. Летописец Переяславля Суздальского... С. 73; Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей)... С. 88. Радзивилловская летопись... С. 129.
150. Лаврентьевская летопись... Вып. 2. Суздальская летопись. Л., 1927. Стб. 367–368.
151. Там же. Стб. 436–437.
152. Там же. Стб. 443.
153. Там же. Стб. 468.
154. Лаврентьевская летопись... Вып. 2... Стб. 348; Ипатьевская летопись... Стб. 491.
155. Лаврентьевская летопись... Вып. 2... Стб. 349; Ипатьевская летопись... Стб. 493.
156. Лаврентьевская летопись... Вып. 2... Стб. 455.
157. Ипатьевская летопись... Стб. 368–372.
158. Лаврентьевская летопись... Вып. 2... Стб. 335, 336, 339, 341; Ипатьевская летопись... Стб. 443, 445, 459, 468.
159. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910 (репринт: М., 2005). С. 131.
160. Тверской летописный сборник... Стб. 315.
161. Никоновская летопись... Т. X. СПб., 1885 (репринт: М., 1965; М., 2000). С. 1.
162. Там же. С. 2.

163. Там же. С. 124.
164. Там же. С. 139.
165. Там же. С. 67.
166. В этом не следует усматривать какого-то исключения или чего-то необычного. Сходное явление можно указать, например, в способе упоминания оз. Ильмень, отраженном Новгородской первой летописью. Для наблюдений был использован текст младшего извода этой летописи, поскольку он гораздо объемнее старшего. Как оказалось, в тексте младшего извода оз. Ильмень упоминается 6 раз. При этом, однако, только в одном случае для обозначения водоема употреблено название *Ильмень* (в летописном тексте *Илмерь*) в сопровождении слова *озеро*: «*Новгородци же изидоша вси полком противу, на озеро Илмерь*» (М.–Л., 1950. С. 324). В остальных 5 случаях оз. Ильмень именуется просто *озером*, поскольку для новгородского летописца и для его земляков и так было ясно, о каком озере идет речь: «*Тои же осени вода бысть велми велика в Волхове: поима около озера сена у людей и по Волхову*» (Там же. С. 273), «*И умыслиша свет зол, како ударити на Новъгород на ону сторону, а друзии озером на сю страну*» (Там же. С. 310), «*Того же лета иде лед из озера и вышибе из великаго мосту городню, месяца априля в 11, в Велик день*» (Там же. С. 399) и др. В принципиальном плане не имеет значения, какой из компонентов обозначения опускается: определение типа водоема или сам гидроним. Равным образом в наши дни можно вместо наименований *Нижний Новгород* или *Санкт-Петербург* употребить обозначения *Нижний* или *Петербург*, *Питер*, и мало кому из россиян они окажутся непонятными.
167. Лаврентьевская летопись... Вып. 1... Стб. 291; Ипатьевская летопись... Стб. 285.
168. Летописец Переяславля Суздальского... С. 73.
169. Подводя варианты из Радзивиловского и Академического списков к соответствующему чтению лаврентьевского текста, Е.Ф.

- Карский исходил из того, что форма прилагательного «*новем*» в словосочетании «*в Переяславли новем*» не входит в состав географического обозначения и должна передаваться со строчной буквы. См.: Лаврентьевская летопись... Вып. 2... Стб. 348 и прим. под буквой г.
170. *Приселков М.Д.* История русского летописания... Л., 1940. С. 59, 60; СПб., 1996. С. 101, 103.
171. *Чиняков А.Г.* Указ. соч. С. 63.
172. *Насонов А.Н.* 1) Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания... С. 357; 2) История русского летописания... С. 121.
173. *Воронин Н.Н.* «Переяславль новый»... С. 137, 141. Впрочем, в некоторых работах более раннего периода Н.Н. Ворониным употреблялось и обозначение «Переяславль Новый». См., например: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. XII столетие. М., 1961. С. 89.
174. *Кузьмин А.Г.* Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас, 1993. С. 216.
175. Такой вывод можно сделать даже несмотря на то, что в одном из посмертно изданных трудов А.А. Шахматова фигурирует обозначение «Переяславль Новый» (см.: *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов... С. 46, 47). Эту работу готовил к публикации М.Д. Приселков, ученик и последователь А.А. Шахматова. Как было отмечено (см. сноску 170), М.Д. Приселков пользовался обозначением «Переяславль новый». Показательно, что в одном случае он выразился так: «...укажем, вслед за А.А. Шахматовым, прибавку слов «в Переяславли новем» к известию 1157 г. о построении Андреем Боголюбским каменной церкви Спаса» (см.: *Приселков М.Д.* История русского летописания... Л., 1940. С. 59; СПб., 1996. С. 101). По всей вероятности, и в приготовляемой к печати шахматовской работе М.Д. Приселков воспользоваться обозна-

- чением «Переяславль новый», но по какой-то причине в ее печатном тексте редакторская воля отражения не нашла.
176. Тихомиров М.Н. Древнерусские города... М., 1946. С. 63–64; М., 1956. С. 414.
  177. Львовская летопись... Ч. I. ... С. 195.
  178. Никоновская летопись... Т. XIII. Вторая половина. СПб., 1904 (репринт: М., 1965; М., 2000). С. 383.
  179. Там же. С. 397.
  180. Там же. С. 400.
  181. Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 1965. С. 335.
  182. Там же. С. 348.
  183. Бельский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV... С. 249.
  184. Там же. С. 251.
  185. Следует, однако, заметить, что отражение наименования *Переяславль Залесский* в географических указателях к многим изданным летописным текстам не обходится без курьезов и недоразумений. Во-первых, географические указатели, отображая наличие в тексте того или иного летописного памятника упоминаний о городе Переяславле Залесском, нередко отмечают это под рубрикой «Переяславль Залесский», хотя в тексте публикуемой летописи соответствующий город обычно фигурирует исключительно под названием *Переяславль*, то есть без каких-либо сопровождающих определений или уточнений. Получается, что вместо действительно отраженного летописным текстом обозначения географические указатели приводят вошедшее в широкий обиход, в том числе научный, топоним *Переяславль Залесский*, а это искажает реальное положение вещей, снижает информативность помещаемых в указателях данных и в конечном счете прививает ошибочные представления. Именно такой подход нашел отражение в географическом указателе к первым восьми томам ПСРЛ (СПб., 1907. Отдел II. С. 330), в географических указателях к опубликованным позднее текстам Львовской

летописи (ПСРЛ. Т. XX. Ч. II. СПб., 1914. С. 675), Никонской летописи (ПСРЛ. Т. XIV. Вторая половина. Пг., 1918. С. 238), Лаврентьевской летописи (ПСРЛ. Т. I. Изд. 2. Вып. 3. Л., 1928. С. 562), Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (М.–Л., 1950. С. 612), Устюжской летописи (ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 223), Софийской первой летописи старшего извода (ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. С. 525), Новгородской Карамзинской летописи (ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002. С. 212) и некоторых других летописей. Между тем в географических указателях к ряду изданных летописных памятников давно предложены естественные и простые способы выхода из возникающего противоречия. Один из этих способов заключается в том, что сначала дается название, под которым город фигурирует в летописном тексте, а затем, если летопись упоминает другой город с тем же названием, в скобках указывается, о каком именно населенном пункте идет речь: Переяславль (Залесский). Так поступили составители географических указателей к опубликованным текстам Симеоновской летописи (ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 310), Московского летописного свода конца XV в. (ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. С. 441), Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ. Т. XXVI. М.–Л., 1959. С. 399), Владимирского летописца (ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 226) и некоторых других летописей. Согласно другому способу, указывается наименование города и через запятую уточняется, какой подразумевается населенный пункт: Переяславль, гор. Залесский. Подобный способ применен, например, в указателях к изданным текстам Ермолинской (ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 235), Новгородской четвертой (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915. С. 676) летописей. Было бы целесообразно отмечать в географических указателях отдельно и все те случаи упоминаний города Переяславля, когда в самом летописном тексте они сопровождаются уточнением «Залесский»: Переяславль Залес-

ский. Во-вторых, в географических указателях к публикуемым летописным текстам иногда допускается путаница городов Переяславля Залесского и Переяславля Русского. Так, в указателе к тексту Вологодской летописи город Переяславль, упомянутый под 1054 г. в тексте завещания Ярослава Мудрого («*И раздели княжение сыном своим... Всеволоду — Переславль...*») отмечен как Переяславль Залесский (ПСРЛ. Т. XXXVII... С. 28 и С. 223). Таким образом, получилось, будто Ярослав Мудрый в середине XI в. наделил своего сына Всеволода городом Переяславлем Залесским (возникшим не ранее XII в.). В указателе к тексту той же самой летописи назван Переяславлем Залесским город, упоминаемый летописным текстом под 1135 г. («*Князь Юри Володимирович Мономахов Долгорукою испроси у своего брата Ярополка град Переславль*» (Там же. С. 162 и С. 223)), хотя цитированное сообщение может подразумевать только Переяславль Русский. В указателе к тексту Лаврентьевской летописи город Переяславль, упомянутый летописцем под 1225 г. («*Слѣшав же то... князь Ярополкъ... поѣха по нѣмъ ис Переяславля*») (ПСРЛ. Т. I. Изд. 2. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 348 и С. 562), представлен как Переяславль Русский, хотя летописное известие подразумевает Переяславль Залесский. В тексте Устюжского летописного свода под 1141 г. читается такое сообщение: «*Видели на небе в Переславле Залеском 3 солныца*» (М.–Л., 1950. С. 43; ПСРЛ. Т. XXXVII... С. 28). Именно как Переяславль Залесский этот город значится в географическом указателе к Устюжскому своду (Там же. С. 125), хотя на самом деле речь идет о Переяславле Русском, в котором и наблюдалось «знамение». Допущенная каким-то редактором летописного текста оплошность, по всей вероятности, не была замечена составителем географического указателя и не была учтена в его тексте. Поразительная картина обнаружилась в географическом указателе к тексту Новгородской Карамзинской

летописи. Здесь город Переяславль Русский целых 6 раз (!) отмечен как Переяславль Залесский (ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002. С. 65, 71, 74, 98, 101, 101 и С. 212). Мало этого, грубые просчеты допущены во множестве других случаев, не касающихся отражения в указателе упоминаний о Переяславле Залесском или Переяславле Русском. Вот только некоторые: упоминание о р. Остер (в летописном тексте выражение «по *Въстри*») дало основание для выделения мифического гидронима *Вестра* (Там же. С. 55 и С. 202) — следствие отождествления составителями указателя букв ѣ (ер) и ꙗ (ять); упоминания о городе Изборске в форме «*Изборсце*», «*Ызборсце*», а о городе Ладоге в форме «*Ладозе*» стало поводом для выделения нелепых топонимов *Изборсц* и *Ладоза* (Там же. С. 25, 127 и С. 206) — результат незнания составителями указателя такого фонетического явления древнерусской речи, как переход заднеязычных согласных г, к, х соответственно в мягкие свистящие з, ц, с перед гласными дифтонгического происхождения; упоминание р. Неман (в тексте выражение «на *Немне*») вызвало появление мифического гидронима *Немна* (Там же. С. 178 и С. 211) — результат отсутствия у составителей указателя необходимых представлений по географии и топонимике Юго-Восточной Прибалтики, по фонетике и орфографии памятников древнерусской письменности; обозначение «Новый Городок во Владимире Залесском» по заключенному в нем смыслу сколь загадочно, столь и нелепо (Там же. С. 179 и С. 211) — следствие небрежности и невнимательности при работе как с текстом издаваемой летописи, так и с текстом указателя. Ничего не остается, как сказать, что географический указатель к тексту Новгородской Карамзинской летописи небрежностью и некомпетентностью, проявленными при его составлении, оставляет самое удручающее впечатление. А ведь ответственными редакторами серии летописных изданий, в составе которой была напечатана и Новгородская Карамзинская летопись, числятся известные оте-

- чественные историки В.И. Буганов и Б.А. Рыбаков. При этом из выходных данных издания следует: «Утверждено к печати Ученым советом С.-Петербургского института истории и Ученым советом Института русской литературы РАН». Как говорится, куда же дальше?!
186. Рогожский летописец... Стб. 21.
  187. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947. С. 270.
  188. Васильев С.Д. Указ. соч. С. 12.
  189. Дубов И.В. 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 88; 2) Города, величеством сияющие... С. 103, 112, 113.
  190. Лурье Я.С. 1) Предисловие к изданию Радзивилловской летописи... Радзивилловская летопись... Л., 1989. С. 7; 2) Примечания к тексту переизданной работы М.Д. Приселкова по истории русского летописания // Приселков М.Д. История русского летописания... СПб., 1996. С. 269, прим. 90.
  191. Прохоров Г.М. Исследование (о Радзивилловской летописи)... Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб., 1994. С. 273.
  192. Радзивилловская летопись... С. 129; Радзивилловская летопись... Текст. Исследование. Описание миниатюр... С. 212.
  193. Радзивилловская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 175; Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр... Указатель географический. С. 411.
  194. Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей)... С. 88, 161.

195. Софийская первая летопись старшего извода... Указатель географических и этнических названий. С. 575.
196. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья... С. 102; 2) Города, величеством сияющие... С. 112, 113.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ ПЛЕЩЕЕВА ОЗЕРА

В.Н. Русинов

В южной части Ярославской области расположен значительный по размерам водоем, отмечаемый на современных географических картах как оз. *Плещеево*. Однако в более отдаленные времена для обозначения этого озера употреблялись названия *Клецино*, *Переяславское* (*Переславское*). По свидетельству В.Н. Татищева, было у озера и такое название, которое звучало, как *Касво*¹. Если принять во внимание, что в глубокой древности Ростово-Ярославское Поволжье, включая район оз. *Клецина*, было населено финно-угорскими племенами мерян, то обозначение *Касво* с большой вероятностью можно будет считать мерянским по происхождению. Такой вывод можно сделать, исходя из того, что созвучный приведенному В.Н. Татищевым термин до сих пор существует в языках финно-угорской семьи². В то же время достаточно очевидно славянское происхождение гидронимов *Клецино*, *Переяславское* и *Плещеево*. Тем не менее до сих пор остаются спорными многие конкретные аспекты происхождения этих наименований.

Среди трех славянских названий озера наиболее ранним является, несомненно, *Клецино*. Однако при его упоминаниях в сохранившихся письменных источниках наблюдаются более или менее значительные вариации, в которых следует разобраться с тем чтобы не осталось никаких сомнений в первоначальном виде этого восточнославянского гидронима.

Как известно, озеро, ныне именуемое *Плещеевым*, в дошедших до нас источниках впервые упомянуто во вводной части «Повести временных лет». Здесь автор коснулся вопроса о мес-

тах обитания мерян и в конце свидетельства по этому поводу заметил, что меряне живут и «на *Клецине озере*». Лаврентьевская летопись в соответствующем месте содержит такой текст: «...а на *Клецинѣ ѡзерѣ мерѣ же*»³. Сходное чтение, включающее слова «на *Клецине озере*» или просто «*Клецине озере*», дают здесь и многие другие летописные памятники, причем как сравнительно ранние⁴, так и позднейшие⁵. Однако некоторые поздние летописи в соответствующем месте отражают то или иное видоизменение рассматриваемого гидронима: «на *Клицине озере*»⁶, «на *Клецине озере*»⁷, «на *Клецеве озере*»⁸, «на *Клециме озере*»⁹. Упоминание об оз. *Клецине*, основанное на свидетельстве вводной части «Повести временных лет», нашло отражение в «Степенной книге». Здесь при перечислении русских областей названа и такая: «*Меря же — Ростовская земля и Переяславская, иже по Клецину озеру*»¹⁰.

Второй раз гидроним *Клецино* упоминается некоторыми преимущественно поздними летописями под 1152 г. (иногда под 1153 г.) в сообщении о переводе ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким города Переяславля «от *Клецина*» на другое место¹¹. Как нами было показано, выражение «от *Клецина*» подразумевает здесь, вопреки мнению ряда историков и археологов, вовсе не город «Клецин», а оз. *Клецино*¹². Некоторые другие летописи позднего происхождения в данном случае приводят гидроним в несколько иной форме: «от *Клицина*»¹³, «от *Клециена*»¹⁴, «от *Клешина озера*»¹⁵, «от *Клишина озера*»¹⁶, «от *Крициана*»¹⁷. В некоторых случаях летописные упоминания оз. *Клецина* в составе поздних летописных сводов приходятся на известия о событиях не ранее второй половины XII в. Одно из принадлежащих к данной серии упоминаний гидронима, отраженное Академическим XV списком Никонов-

ской летописи, выглядит как «на *Клешнине*»¹⁸. Та же самая форма гидронима была известна В.Н. Татищеву¹⁹. К этим свидетельствам необходимо будет обратиться ниже.

Сопоставление приведенных данных позволяет убедиться в том, что древнее восточнославянское название озера, упоминаемого в указанных летописных свидетельствах, звучало, как *Клещино*. Действительно, морфологическая структура этого гидронима вполне прозрачна и естественна: корень (*кльщ-*) + суффикс (*-ин-*) + окончание (*-о*). Однако для того чтобы картина стала еще более очевидной, ее необходимо дополнить объяснением происхождения других отраженных летописными текстами вариантов гидронима. Не может быть никакого сомнения в том, что по большей части они представляют собой разнообразные искажения (порчу) тех или иных падежных форм названия *Клещино*. В этой связи следует обратить внимание на то, как выглядят формы рассматриваемого гидронима в палеографическом написании. Чтобы представить это, достаточно набрать любую падежную форму данного обозначения буквами древней кириллицы: *кльщинѣ, клещина, клещиноу (кльщину, клещинѣ)*. Как не трудно заметить, приведенные словесные формы включают сочетание букв *цин*, создающее впечатление «частокола» из семи вертикальных линий. Подобного рода буквенные сочетания по вполне понятной причине часто затрудняли прочтение и переписку текстов, особенно если приходилось иметь дело с мало знакомыми или совсем забытыми личными именами, географическими названиями, просто архаической лексикой. Задача еще более осложнялась в том случае, когда графика текста, оказавшегося в руках переписчика или читателя, не отличалась разборчивостью. В этих условиях одна буква легко могла быть принята за другую, две буквы могли быть сочтены за одну и наоборот и т. п.

К примеру, в последовательности **ципн** сочетание букв **ин** могло быть прочитано, как **ѣв** или как **ѣні**. Этим, скорее всего, и были вызваны искажения «на *Клещеве*», «от *Клещениа*». Вполне могло случиться и так, что буква **н** была принята за букву **л**. Явно отсюда искажение «на *Клещиме*»²⁰. В букве **ц** переписчик по той или иной причине мог не разглядеть продолжение средней мачты ниже строки и отождествить эту букву с буквой **ш**. Таким путем, скорее всего, и произошли искажения «от *Клешина*» и «от *Клешнина*». Следствием того, что в начальной части гидронима буква **л** была принята за букву **р** (та и другая в палеографических текстах часто изображались островерхими) и были допущены ошибочные прочтения некоторых других букв, могло стать искажение «от *Крищана*». Весьма вероятно, что его возникновению способствовали ассоциации с такими понятиями, как «крещение», «крестный».

Независимо от того, в искаженной или неискаженной форме употреблялся рассматриваемый гидроним, его корневая часть могла выступать либо с гласным **ѣ** (**Клѣцино**), либо с гласным **ѣ** (**Клѣцино**). Это позволяет предложить объяснение еще кое-каких видоизменений названия *Клещино*. Как известно, в большинстве северо-восточных диалектов древнерусского языка приблизительно к XIV в. звук **ѣ** совпал со звуком **ѣ**. Следствием этого в древнерусской письменности стала не только допустимость замены буквы **ѣ** буквой **ѣ**, но и замены буквы **ѣ** на букву **ѣ**. Благодаря такой возможности, по-видимому, и возникло написание **Клѣцино**. Однако в некоторых севернорусских диалектах звук **ѣ** совпал со звуком **и**. Тем самым была обусловлена допустимость замены буквы **ѣ** буквой **и**. Как следствие, это и

могло вызвать появление искажений «на *Клищине*», «от *Клищина*».

Таким образом, исходная форма рассматриваемого гидронима действительно выглядела, как *Клецино*. Следовательно, именно ее происхождение и подлежит объяснению.

В свое время еще А. Щекатов задавался вопросом о том, как возникло название оз. *Клещина*. Указав на упоминание водоема с таким названием в тексте «Степенной книги», автор заметил, что здесь не объяснено, почему он так называется²¹. Столетием позднее по этому вопросу высказался А.И. Свирелин²². Ему представлялось, что название *Клецино* явилось как непонятная и не имеющая никакого смысла переделка названия *Плецино*. Автор, однако, никак не обосновал старшинство выявленного им названия *Плецино* перед названием *Клецино*. Более того, отмечая, что в «древних летописях и актах» озеро фигурирует под названием *Клецино*, он вовсе не считал его искажением какого-то другого наименования. К очевидному противоречию исследователя привела необдуманность предложенной им точки зрения. Непродолжительное время спустя А.И. Свирелин высказал вообще диаметрально противоположное мнение, согласно которому наименование *Плецино* произошло из названия *Клецино*²³.

Практически в тот же самый период вопросу о происхождении гидронима *Клецино* уделил внимание М.И. Смирнов, причем несколькими годами позднее его мнение претерпело существенную эволюцию. Сначала исследователь был убежден в том, что оз. *Клецино* получило свое наименование по якобы существовавшему в древности на его берегу городу с названием «*Клецин*»²⁴. Как рассуждал М.И. Смирнов, если по городу Ростову находящееся рядом с ним озеро могло именоваться *Ростовским*, то по городу «*Клецину*» должно было получить свое название и

оз. *Клешино*. Что же касается города «Клещина», то он, согласно первоначальному мнению М.И. Смирнова, стал так называться по имени его основателя, звучавшему, как Клещ или как Клешня. Однако впоследствии автор изменил свой взгляд и стал возводить название города «Клещина» к глаголу *клескать*, объясняя его значение, со ссылкой на В.И. Даля, как «плескать, бить, хлопать»²⁵. Тем самым предлагалось считать, что «Клещин» был назван по признаку раздававшихся в этом городе звуков плеска, ударов, хлопанья. Но, во-первых, разные звуки, издаваемые волнами, гораздо логичнее считать признаками, характеризующими соответствующие водоемы, а вовсе не расположенные на их берегах населенные пункты. Ввиду этого можно ли считать вероятным, чтобы по признакам водоема получил свое название располагавшийся на его побережье город «Клещин», а впоследствии от этого наименования произошел и гидроним *Клешино*? Во-вторых, шум разгулявшихся волн явно нельзя считать отличительным свойством одного только оз. *Клещина*. Почему же тогда ни на одном из других подобных водоемов не встречаются населенные пункты с названием *Клещин*, *Клешино* и т. п.? В-третьих, признавая, вслед за В.И. Далем, существование в некоторых русских говорах глагола *клескать* и допуская его возникновение с отмеченными значениями уже в раннедревнерусскую эпоху, необходимо учитывать, что как в древнерусском языке существовал, так и в русском языке до сих пор существует общеизвестный глагол *плескать* в значениях, сходных с приведенными у В.И. Даля для глагола *клескать*. Почему же воображаемое название гипотетического города должно было возникнуть в форме «Клещин», а не «Плещин»? К мнению М.И. Смирнова о связи между гидронимом *Клешино* и глаголом *клескать* позднее скептически отнесся Н.Н. Воронин²⁶. Это мнение не без основания показалось Н.Н. Воронину произ-

вольным, хотя в доказательство своей точки зрения он привел еще более произвольное соображение. Н.Н. Воронин, в частности, указал на то, что у И.И. Срезневского в «Материалах для словаря древнерусского языка» не объяснено значение глагола *клицать* (*кльцати*), а из примеров его употребления, приведенных И.И. Срезневским, не видно, чтобы этот глагол означал «плескаться». Но в данном случае Н.Н. Воронин допустил наивное отождествление двух совершенно разных глаголов: *клицать* («вопить», «воскликать», «кричать») и *клескать* (согласно В.И. Даю, «бить», «плескаться», «хлопать»).

К.И. Иванов не принял объяснение М.И. Смирнова, согласно которому название оз. *Клещина* произошло из названия города «Клещина», хотя был убежден в существовании древнерусского города с таким наименованием²⁷. По мнению К.И. Иванова, дело обстояло как раз наоборот. Однако вслед за М.И. Смирновым он усматривал связь между обозначением оз. *Клещина* и приведенным в «Словаре» В.И. Даля глаголом *клескать*.

Мнение о происхождении гидронима *Клещино* от имени города «Клещина», предложенное М.И. Смирновым, впоследствии безоговорочно принималось М.Н. Тихомировым²⁸. Допустимость такого объяснения не исключал П.Н. Третьяков²⁹. Рассматривая город с названием «Клещин» как историческую реальность, он, в отличие от М.И. Смирнова, выводил это название из древнерусского глагола *кльщити* («жать», «давить»), полагая, что в столь неприкрытой форме обнаруживалась эксплуататорская сущность формировавшегося на Руси феодального строя. Против этого соображения П.Н. Третьякова позднее вполне справедливо высказался Н.Н. Воронин, заметивший: «И, конечно, несколько наивно думать, что "дружинники" столь от-

кровенно афишировали бы в названии крепости Клещин свою "эксплуататорскую" сущность»³⁰.

Ф.П. Филин ставил гидроним *Клецино* в связь с известным из диалектов польского языка словом *kleszcz*, обозначающим такой вид рыбы, как лещ³¹. Таким образом, для Ф.П. Филина была очевидна зависимость гидронима *Клецино* от одного из употреблявшихся в давние времена славянских обозначений леща. Н.Н. Воронин считал отражение в обозначении *Клецино* слова *клец* со значением «лещ» наиболее вероятным, но свое мнение никак не аргументировал и вообще отказался самостоятельно решать вопрос о смысле и происхождении названий «Клещин»/Клецино³². Как неясную и спорную оценивал этимологию названия «Клещин», а, следовательно, и гидронима *Клецино*, И.В. Дубов, но тоже без рассмотрения вопроса по существу³³.

Тем не менее пути подхода к верному решению проблемы, как оказалось, все же имеются. Следует обратить внимание на то, что неподалеку от оз. *Клещина* находится сравнительно маленькое оз. *Сомино*. В отличие от оз. *Клещина*, упомянутого «Повестью временных лет», то есть памятником начала XII в., оз. *Сомино* начинает изредка фигурировать в сохранившихся источниках, преимущественно в актах, с XV в. Но это, конечно, не означает, что в предшествующие времена у водоема не могло быть того же самого названия. Оз. *Сомино* и оз. *Клецино* связаны между собой очень небольшой и короткой р. Вексой, а из оз. *Сомина* вытекает и направляется в р. Волгу р. Нерль. Очевидно, что гидроним *Сомино*, как и гидроним *Клецино*, является восточнославянским по своему происхождению, причем в обоих названиях представлена общая для них модель притяжательного прилагательного. Близость расположения озер, славянское происхождение их названий, однотипность этих названий позво-

ляет считать, что оба гидронима складывались практически в одно и то же время при сходных обстоятельствах. Как можно с уверенностью полагать, в гидрониме *Сомино* нашло отражение название соответствующей породы рыб, а именно сома. По всей вероятности, оз. *Сомино* в свое время изобиловало сомами. Если же подобные соображения приложить к объяснению гидронима *Клецино*, то нужно будет допустить, что в нем тоже могло отразиться название рыбьей породы и таковой оказывается «клевц». Дело в том, что «клевцами» у восточных славян в древности, да и позднее, хотя, вероятно, далеко не на всей территории их расселения, именовались лещи. В интересах исследования это утверждение не должно быть оставлено без обоснования с привлечением письменных свидетельств и необходимых комментариев. Ниже в обратной хронологической последовательности приведен и рассмотрен ряд данных и фактов.

По свидетельству В.И. Даля, во Псковской земле на Чудском озере даже в XIX в. было в ходу слово *клеценцы*, обозначавшее рыболовную снасть (трехстороннюю ставную сеть) для ловли лещей³⁴. Ясно, что в термине *клеценцы* отражено название рыбы, для ловли которой данная снасть предназначалась, причем это название должно было звучать не иначе как «клевц» и употребляться в качестве эквивалента обозначения «лещ».

По данным Д. Бартошевича польский язык в первой половине XIX в. содержал слово *kleszcz*, передававшее в одном из своих значений понятие «лещ»³⁵. Для второй половины XIX в. этот факт подтвержден П.П. Дубровским³⁶. Вне какого-либо сомнения термин *kleszcz* поляки использовали для обозначения леща с глубокой древности.

В одном из русских рукописных лечебников, относящихся по возрасту списка к XVII в., среди прочих дается и такой совет:

«А кои суть волгостны, мягкия, яко же клещи, уклеики, церты и ины подобны тем, те лучшии печи, да пряжити в масле древяном или в конопляном, или в коровьем, и обвалая мукою пшеничною, и тако естъ»³⁷. Таким образом, «клещи» упомянуты здесь в одном ряду с другими видами рыб. Этот факт является наглядным доказательством того, что восточные славяне в отдаленные времена, хотя, надо полагать, не повсеместно, пользовались для обозначения хорошо им знакомого вида рыбы (леща) термином «клещ». Отраженный в цитированном отрывке лечебника, этот термин подразумевает, судя по всему, леща, если, конечно, в том или ином восточнославянском диалекте он не стал употребляться в качестве наименования какой-то другой рыбы, что, впрочем, маловероятно.

Новгородская берестяная грамота № 169, датируемая XIV в., содержит, судя по ее прориси, такой текст: «василевѣѣ · со · фонтѣева · онтане · послале · овдокиму · два · клеща · да · цука · с · василевты · рыбты · клещь послале · клещь стопане · цетворты»³⁸. Как видно, здесь имеются неоднократные упоминания о каких-то «клещах». Первые исследователи грамоты исходили из того, что «клещами» в ней именуется хорошо известные металлические инструменты³⁹. Однако позднее А.А. Медынцева и А.В. Куза, руководствуясь наблюдениями Ф.П. Филина, предложили упоминаемых грамотой «клещей» считать рыбами, а именно лещами⁴⁰. Существенные лингвистические аргументы в пользу этого мнения были затем приведены А.А. Зализняком⁴¹.

Однако существуют и другие возможности убедиться в справедливости отождествления «клещей» новгородской берестяной грамоты № 169 с лещами. Не касаясь весьма сложного вопроса о содержании рассматриваемого текста на бересте в его

полном объеме, следует обратить внимание на два употребленных в нем выражения.

Выражение первое: «с **василѣвы** · **рыбѣы** · **клещѣ послалѣ**». А.В. Арциховский усматривал в этом выражении упоминание понятия «Васильева Рыба», под которым будто бы подразумевается группа родственников, а именно семья некоего Василия, представители которой носили рыбы прозвища⁴². Однако трудно объяснить, почему возможное, по А.В. Арциховскому, в древнерусском обществе существование «семей-рыб» как неких структурных ячеек не нашло никакого отражения в других письменных или каких-то иных источниках. Л.П. Жуковская входящее в состав приведенного выражения слово «**рыбѣы**» рассматривала как форму дательного падежа единственного числа и полагала, что в данном случае речь идет о каком-то лице по прозвищу «Рыба»⁴³, которому (т.е. «Рыбе») были посланы клещи, то есть металлические инструменты. К сожалению, свое мнение исследовательница никак не обосновала. Поэтому ничто не мешает считать, что словесная форма «**рыбѣы**» согласована с предшествующей словесной формой «**василѣвы**» в родительном падеже, женском роде и единственном числе и подразумевает рыбу в привычном смысле. Как нетрудно догадаться, предлог «с» в выражении «с **василѣвы** · **рыбѣы**» употреблен в значении предлога *из*. Допустимость подобных замен до сих пор сохраняется и в современном русском языке: к примеру, вместо «звоню из Брянска», «еду из Москвы», «получил из этих книг» можно сказать, а при необходимости и написать «звоню с Брянска», «еду с Москвы», «получил с этих книг» и т. д. Следовательно, выражению «с **василѣвы** · **рыбѣы**» свойственно значение источника, каковым нужно считать какое-то количество рыбы, соотносимое в грамоте с Василием или, может быть, Василем. Далее

в тексте грамоты, как было показано выше, читаются слова «**КЛЕЩЬ ПОСЛАЛѢ**», которые могут быть переведены только как «клеща послал». Таким образом, выражение «с **ВАСИЛЕВЪТЪ · РЫБЪТЪ · КЛЕЩЬ ПОСЛАЛѢ**» означает «из Васильевой рыбы клеща послал». Отсюда следует, что словесная форма «**КЛЕЩЬ**» подразумевает рыбу, а не металлический инструмент.

Выражение второе: «**КЛЕЩЬ СТОПАНѢ · ЦЕТВОРТЬТЪ**». А.В. Арциховский обратил внимание на то, что в этом выражении под двумя последними буквами слова «**КЛЕЩЬ**» видна дугообразная черта с изгибом влево⁴⁴. По убеждению ученого, это не что иное как исправление буквы «ѡ» на букву «ѣ», и читать следует не «**КЛЕЩЬ**», а «**КЛЕЩѢ**». На первый взгляд, такое прочтение хорошо согласуется с мнением А.В. Арциховского, согласно которому речь в грамоте идет о клещах как о металлических инструментах, ибо прочтение «**КЛЕЩѢ**» можно принять за форму множественного числа и считать эквивалентом древнерусской формы **КЛЕЩИ**. Однако изогнутая черта, принятая А.В. Арциховским за исправление, скорее всего, является случайной царапиной, какие не так уж редко встречаются в берестяных грамотах. Поэтому читать нужно все-таки именно так, как написано в соответствующем месте рассматриваемого текста, не сомневаясь в том, что речь идет опять-таки о рыбе. Смысл всего выражения может быть, следовательно, передан такими словами: «Степан (послал) четвертого клеща». Этот «клещ» в тексте грамоты упомянут последним, причем определен как четвертый. Поскольку выше в грамоте речь уже заходила о трех «клещах», то «клещ», отправленный Степаном, и должен был оказаться именно четвертым по общему счету. Но как раз этому в данном случае и соответствует форма единственного числа, совершенно очевидная у слова

«**клиць**» в рассматриваемом выражении. Л.П. Жуковской казалось вероятным использование в древнем новгородском говоре слова **клиць** для обозначения металлического инструмента⁴⁵, именовавшегося в других древнерусских говорах термином **клиць**, сохранным и современным русским языком. Но мнение исследовательницы было, несомненно, продиктовано ее убеждением и том, что под упоминаемыми грамотой «клицями» могут подразумеваться только металлические инструменты.

Употребление термина «**клиць**» в новгородской берестяной грамоте № 169 представляет собой вполне закономерное явление. Новгородская земля, как и расположенная по соседству с нею Псковская, своими западными рубежами сближалась с зоной расселения западославянских племен, в особенности польских (ляшских). Следовательно, зафиксированное в новгородской берестяной грамоте использование местным населением термина **клиць** отражает то же самое восходящее, несомненно, к глубокой древности явление, о котором можно судить по фактам применения этого термина для обозначения определенного вида рыбы (леща) в старопольском языке, псковском и других севернорусских диалектах. Отсюда сам собой напрашивается вывод о том, что употребление слова **клиць** в значении «лещ» было свойственно восточнославянским диалектам русского севера.

В связи с рассматриваемым вопросом следует обратить внимание на данные, заключенные в одной из жалованных (разводных) грамот московского великого князя Ивана III. Документ составлен по случаю разграничения владений великого князя и его брата Бориса, находившихся где-то на стыке новгородских и верхневолжских земель. При обозначении одного из рубежей в текст грамоты были внесены такие данные: «...а из Залезена озера в Клециницу речку... а Клециницею вверх в Клецино

озеро, а из *Клещина озера на Вышеголо...*»⁴⁶. Едва ли можно усомниться в том, что отраженные в приведенном отрывке гидронимы «*Клещина*» и «*Клешино*» по происхождению связаны с местным обозначением леща термином *клещь* и возникли как следствие распространенности этой рыбы в упомянутых грамотой водоемах. Не случайна, конечно, и привязка обоих гидронимов к смежной с новгородско-псковскими землями верхневолжской территории. Это дает основания предполагать, что ареал термина *клещь* в значении «лещ» некогда мог, помимо новгородско-псковского региона, включать обширные пространства в верховьях рек Волги, Днепра, Западной Двины, а, возможно, и непосредственно прилегавшие к ним области.

Приведенных выше данных и наблюдений вполне достаточно, чтобы понять, как возникло название *Клешино*, применявшееся в древности к известному водоему в Ростово-Ярославском Поволжье. Отечественной археологической наукой давно установлено, что в этот верхневолжский регион, не особенно плотно заселенный финно-угорскими племенами мерян, в последние столетия I тыс. н. э. стали проникать восточнославянские переселенцы. Какая-то часть этих переселенцев осела в районе озера, ныне именуемого *Плещеевым*, и приступила к освоению своих новых мест обитания. По всей вероятности, уже первые опыты рыболовства обнаружили его богатство лещом. Несомненно, благодаря этому за водоемом и стало в среде славян закрепляться представление как об «озере клещей», то есть как о *Клещине озере*⁴⁷. Поскольку дело, скорее всего, обстояло именно таким образом, можно полагать, что представители восточных славян, которым оз. *Клешино* было обязано своим названием, происходили из тех самых областей, где для обозначения леща было в ходу слово *клещь*. С наибольшей вероят-

ностью такими областями можно считать новгородско-псковский регион и сопредельные с ним земли, расположенные в верховьях рек Западной Двины, Днепра и Волги. Этот вывод вполне подтверждается и накопленными к настоящему времени археологическими данными. Согласно им, приблизительно с IX в. в район Волго-Окского междуречья, сначала в его западную часть, а затем и в восточную, разными путями направились колонизационные потоки переселенцев из более западных и северо-западных областей. В основной своей массе эти потоки состояли из ильменских (новгородских) словен и кривичей⁴⁸, то есть представителей тех самых восточнославянских племенных союзов, в среде которых было обычным делом лещей именовать «клящами».

Едва ли подлежит сомнению, что гидроним *Клящино* распространился среди славян Ростово-Ярославского Поволжья никак не позднее X в., а, может быть, уже в IX в. Отмеченное выше упоминание оз. *Клящина* во вводной части «Повести временных лет» указывает на его известность в Киеве, причем, как можно думать, далеко не только автору (или одному из авторов) «Повести». Установленный нами факт использования гидронима *Клящино* в составленном задним числом и помещенном в ряде поздних летописных памятников под 1152 г. известии о строительной деятельности Юрия Долгорукого в Ростово-Суздальской земле свидетельствует о его сохранении местным населением в живой традиции вплоть до XV в.⁴⁹

Следует обратить внимание на неоднократные упоминания оз. *Клящина* в ряде поздних летописных памятников. Чтобы оценить значение этих упоминаний, необходимо разобраться в обстоятельствах их происхождения.

Так, в составе Тверского летописного сборника под 1176 г. помещено сообщение о том, что Михалко Юрьевич, вокняжив-

шийся во Владимире, поручил своему младшему брату Всеволоду княжение в Переяславле, расположенном на оз. *Клещина*: «...и посади брата своего Всеволода в Переяславли на столе, иже на *Клещине озере*»⁵⁰. Весьма сходный текст находится в параллельных чтениях Львовской⁵¹ и Никоновской⁵² летописей. В сокращенном виде, но тоже с упоминанием оз. *Клещина* рассматриваемый текст передают летописные своды 1497 г. и 1518 г.: «А Всеволоду Переславль даст [ь], иже на *Клещине озере*»⁵³. Однако в Лаврентьевской летописи, представляющей гораздо более ранний свод, соответствующее место изложено без уточнения, согласно которому речь идет о Переяславле на оз. *Клещина*: «и посади брата своего Всеволода · в Переяславли · а сѧ възврати сѧ Володимерю»⁵⁴. Сходный текст сохранен здесь Новгородской Карамзинской летописью⁵⁵ и Московским летописным сводом конца XV в.⁵⁶

В том же Тверском летописном сборнике под 1215 г. сообщается о приглашении новгородцами к себе на княжение Ярослава Всеволодича из Переяславля, что на оз. *Клещина*: «Новгородци же, много гадавши, послаша в Переяславль, еже на *Клещине озере*, по Ярослава Всеволодича...»⁵⁷. Амплифицированный, но тем не менее достаточно близкий текст читается в соответствующем месте Никоновской летописи⁵⁸. В то же время Московский летописный свод конца XV в. сохранил здесь текст, не включающий указания на то, в какой именно Переяславль новгородцы послали за князем: «Новгородци же сдумаша, князя у них нет, и послашяся в Переяславль по Ярослава Всеволодича»⁵⁹.

Никоновская летопись под 1240 г. содержит известие об отъезде князя Александра Ярославича (Невского) из Новгорода по причине разлада с новгородцами и о его вокняжении в Пере-

яславе, расположенном возле оз. *Клещина*: «...и иде (Александр. — *В.Р.*) в Переяславль на княжение, иже на *Клещине озере*»⁶⁰. Однако в обоих изводах Новгородской первой летописи соответствующее известие читается без уточнения относительно того, что подразумевается княжение в Переяславле на оз. *Клещине*: «...выиде князь Олександр из Новагорода к отцю в Переяславль с матерью и с женою и со всеъм дворомь своимь, роспревъся с новгородци»⁶¹. Близкое чтение дает в соответствующем месте Московский летописный свод конца XV в.⁶²

Та же Никоновская летопись под 1252 г. приводит сообщение о взятии монголо-татарами Переяславля, что на оз. *Клещине*: «Царевич же Невруи с татары своими взяши Переяславль, иже на *Клещине озере*»⁶³. Однако параллельное свидетельство в Московском летописном своде конца XV в. изложено без уточнения касательно того, какой именно Переяславль разорили татары: «...а тогда безбожнии татарове плениша град Переяславль, и княгиню Ярославлю яша и дети изымаша...»⁶⁴. Очень сходное чтение находится в соответствующем месте Вологодско-Пермской летописи⁶⁵.

Явления подобного же рода, то есть упоминания об оз. *Клещине* в связи с упоминаниями Переяславля, имеются в тексте «Степенной книги». Одно из них находится в рассказе, посвященном «чуду» преподобного Никиты Переяславского с исцелением черниговского князя Михаила Всеволодича: «Слышав же (князь Михаил. — *В.Р.*), яко во граде Переяславли, иже на *Клещине озере*, есть старецъ свят и преподобен именем Никита...»⁶⁶. Другое читается в тексте «Жития митрополита Алексея», вошедшего в состав «Степенной книги», и касается великого московского князя Ивана Даниловича (Калиты): «...сядящу ему (т.е. князю Ивану Даниловичу. — *В.Р.*) тогда на великом княжении в граде Переяславли, иже на *Клещине*

озере»⁶⁷. В данном случае рассчитывать на отыскание в летописных источниках показательных соответствий уже не приходится, поскольку «Степенная книга» создавалась как самостоятельный в значительной степени текст, причем с использованием далеко не только летописей. Тем не менее очевидно, что в приведенных здесь из текста «Степенной книги» примерах отражена та же самая тенденция касательно употребления гидронима *Клецино*, которая свойственна Никоновской летописи и некоторым другим памятникам позднего летописания.

Совершенно очевидно, что важнейшим различием между сопоставляемыми летописными свидетельствами является наличие или, наоборот, отсутствие уточнения по поводу того, о каком именно городе Переяславле идет речь. При этом упоминания Переяславля с указанием вроде «*уже на Клецине озере*» или «*еже на Клецине озере*» совершенно отсутствуют в таких старших или относительно более ранних летописных сводах, как Лаврентьевская или Новгородская первая летописи, Московский летописный свод конца XV в., Вологодско-Пермская летопись, но встречаются в Тверском летописном сборнике, Львовской и особенно в Никоновской летописях, то есть в позднейших по происхождению летописных источниках, возникших в XVI в. Отсюда следует, что создатели поздних летописных сводов, в отличие от своих предшественников, испытывали необходимость различать в тексте Переяславль Залесский и Переяславль Русский, поскольку одна и та же или соседние годовые статьи в летописях могли содержать информацию, касающуюся обоих городов. Таким образом, при редактировании летописных текстов гидроним *Клецино* находил применение даже в XVI в. Однако пока не ясно, употреблялся ли он в подобных случаях как живое название или же как устаревшее или почти забытое. На этот счет можно высказать лишь некоторые предположения.

По всей вероятности, использованию гидронима *Клецино* в редакционных переделках летописных материалов, предпринимавшихся в XVI в., способствовала его представленность в известиях вводной части «Повести временных лет», а также под 1152 г. в ряде позднейших летописей. Возможно, существовали и другие письменные свидетельства об оз. *Клецине*, восходившие к достаточно раннему времени, до нас не дошедшие. Но едва ли только этот фактор мог сыграть решающую роль. Скорее всего, употребление гидронима *Клецино* отчасти поддерживалось в XVI в. еще не полностью угасшей живой традицией его использования по крайней мере в Ростово-Ярославском Поволжье, благодаря которой это древнее название оставалось известным и на смежных территориях, к примеру, в той же Москве, где составлялся текст Никоновской летописи и «Степенной книги».

Выше были отмечены далеко не единичные факты разнообразных искажений гидронима *Клецино* в летописных источниках. Следует обратить внимание на то, что встречаются они главным образом в летописных списках, относящихся к XVI–XVII вв. Как видно, редакторы и переписчики, имевшие дело с летописными текстами, испытывали затруднения при прочтении различных падежных форм названия оз. *Клецина* в своих протографах или же оказывались не в состоянии внести поправку, если сталкивались с их искажениями. Наиболее естественной причиной такого рода явлений следует признать начавшийся ранее процесс постепенной утраты гидронима *Клецино*, делавший его лишь ограниченно известным. По всей вероятности, именно в XVI–XVII вв. и решилась историческая судьба этого древнего восточнославянского обозначения, заключающаяся в его окончательном забвении.

Одной из причин, способствовавших постепенной утрате гидронима *Клецино* из живой традиции, могло быть происхо-

дившее время от времени частичное обновление населения, обитавшего вокруг оз. *Клещина*. Такой вывод можно сделать на основании археологических данных и летописных свидетельств. Исследования археологов показали, что в XI–XII вв. в восточную часть Волго-Окского междуречья периодически направлялись новые потоки восточнославянских переселенцев из разных частей Руси, в том числе из Среднего Поднепровья⁶⁸. Как можно полагать, большинство этих переселенцев, если не все, происходило из тех восточнославянских областей, коренным жителям которых употребление термина «клещ» для обозначения леща свойственно не было. В той или иной степени уже это могло повлиять на позиции гидронима *Клешино* среди проживавшего в окрестностях озера населения. Летописные известия позволяют сделать вывод о том, что и в последующее время регион оз. *Клещина* испытывал приток населения из других восточнославянских областей. Так, согласно летописным данным, переяславские земли в княжеских междоусобицах и в период монголо-татарского ига несли значительные людские потери, которые, надо думать, князьям приходилось как-то восполнять хотя бы частично. Например, в 1216 г. в борьбе за владимирское княжение на стороне князя Юрия Всеволодича принимал участие его младший брат Ярослав. Данные летописи свидетельствуют о том, что Юрий сосредоточил под своими знаменами большое войско. По словам автора летописного рассказа о битве на р. Липице, где и произошло вооруженное столкновение между противоборствующими сторонами, «*башеть во погънано и испоселии и до пещьца*»⁶⁹, то есть в войско Юрия были набраны из подвластного населения не только конные воины, но, очевидно против обыкновения, даже те, кому приходилось действовать в пешем строю. Ничто не мешает допустить, что так же посту-

пил и союзный Юрию переяславский князь Ярослав Всеволодич. Согласно дальнейшему повествованию, в сражении на р. Липице объединенные войска Юрия и Ярослава потерпели сокрушительное поражение, так что только убитыми князья потеряли свыше 9 тыс. человек. Даже если недружественно настроенный по отношению к Юрию и Ярославу автор рассказа и преувеличил количество павших со стороны этих князей, понесенные ими утраты и в самом деле были впечатляющими. Позднее, при изложении событий Батыева нашествия на Северо-Восточную Русь, летописец упоминает Переяславль в числе прочих взятых и разоренных монголо-татарами городов и областей: «**И ини идоша на Переяславль · и тѣ възаша · и ѿтолѣ всю тѣ страну...**»⁷⁰. Можно не сомневаться в том, что население подвергшихся нашествию земель частично истреблялось или уводилось в плен, а остальные жители прятались или разбегались, далеко не всегда возвращаясь на старые места. В подобных обстоятельствах, разумеется, происходило резкое сокращение численности местного населения, для восполнения которого князьям впоследствии приходилось переводить жителей из иных земель. Так в Переяславскую землю могли прибывать новые люди, для которых гидроним *Клецино*, равно как и слово «клещ» в значении «лещ», не были «своими». А ведь в Переяславской земле и на сопредельных территориях случались еще неурожаи, вызывавшие сокращение местного населения от голода, губительные эпидемии, природные стихийные бедствия. В конечном счете это также приводило к предпринимавшимся местными властями мерам по привлечению в свои земли жителей из других регионов. Рано или поздно наступило такое время, когда в Переяславской земле, да и на соседних землях помнить и употреблять гидроним

Клешино стало уже практически некому, а водившихся в озере лещей уже так и называли.

Судя по сохранившимся документам, преимущественно актового и делопроизводственного характера, для обозначения озера, современное название которого звучит, как *Плещеево*, не позднее XV в. начинает использоваться гидроним *Переславское* (следовательно, без корневого *-я-* в отличие от формы *Переяславское*).

Так, жалованная грамота московского великого князя Василия Васильевича (Темного), датируемая 1432–1445 гг., наделяет Троице-Сергиев монастырь правом «ловити неводом и мережами, и всякими ловлями, какими хотят, в Переславском озере, и в Сомине озере, и в реках»⁷¹.

Один из пунктов жалованной уставной грамоты московского великого князя Василия Ивановича (Василия III) переяславским рыболовам, относящейся к 1506 г., содержит такое положение: «А кто имет рыбу ловити на моем озере на Переславском и на Вексе неводом, или бредником... мои ли кто, великого князя, или митрополичь... и те все потянут в мою поварню...»⁷².

В датируемой 1562 г. сотной выписи из переяславских писцовых материалов среди прочего сказано: «Да рыболове же ловят озеро Переславское, да в реке в Вексе по Татин куст, запорным неводом... с весны, как вода поидет»⁷³. Несколькоими строками ниже в той же сотной выписи читаем: «Да рыболовом же дано круг озера Переславского от воды берегу, суши, по десяти сажен для пристанища, где им неводы с сети вешати»⁷⁴.

В относящейся к 1634 г. описи домово́й казны патриарха Иоасафа отмечено наличие документа, определенного так: «Государева грамота 130-го году октября в 26 день, за приписью

дьяка Федора Лихачева, Переславского озера [на] подледную ловлю»⁷⁵.

Датированная 1658 г. опись домово́й казны патриарха Никона содержит упоминание о таком документе: «Грамота жалованная 130-го году, что пожаловано в дом Пречистые Богородицы в Переславле Залеском на Переславском озере на подледную ловлю»⁷⁶.

Относящаяся к 1676 г. грамота царя и великого князя Федора Алексеевича, предназначавшаяся переяславскому воеводе В.А. Кроткому, в числе прочих содержит и такое указание: «А в нынешнем во 184 году ноября в 22 день... велено... в Переславском озере ловить селди большие... а мелких селдеи не ловить»⁷⁷.

В привлеченных к исследованию актовых и канцелярских источниках можно было бы указать еще на ряд примеров упоминания озера, называемого теперь *Плещеевым*. Однако в этом нет необходимости, поскольку все они отражают соответствующее обозначение тоже в форме *Переславское*.

В составе многочисленных летописных текстов, использованных для наблюдений в рамках данного исследования, был обнаружен лишь один факт употребления рассматриваемого гидронима. Так, в Двинском летописце под 1696 г. читается следующее замечание: «И объявлено ему (т.е. царю Петру. — В.Р.) Переславское озеро яко наближающее»⁷⁸.

Таким образом, все источники, которые удалось привлечь для наблюдений по вопросу о происхождении названия *Переяславского озера*, приводят его в форме *Переславское*, то есть без *-я-* в средней части слова. Фактов употребления рассматриваемого гидронима в форме *Переяславское*, то есть с *-я-* в составе названия, эти источники не содержат. Однако можно с уверенностью полагать, что в не дошедших до нас письменных памят-

никах подобные факты имелись, и, по всей вероятности, представлены в каких-то сохранившихся, но неопубликованных текстах. Иначе говоря, возможности для изучения вопроса были бы шире, если бы до нас дошло больше достаточно ранних источников, включающих упоминания *Переяславского* озера в той или иной форме. Стоит также заметить, что в научных и научно-популярных трудах по отечественной истории одни авторы пользовались названием *Переяславское*, а другие предпочитали употреблять обозначение *Переславское*.

Наименование появившегося в середине XII в. на оз. *Клещине* города Переяславля, с которым очевидным образом связано возникновение рассматриваемого гидронима, дошедшие до нас источники, как известно, передают в разных вариантах: *Переяславль*, *Переаславль*, *Переяслав*, *Переславль*, *Переслав*, *Переславль* и др. Однако наиболее обычными среди них являются обозначения *Переяславль* и *Переславль*. Именно поэтому одни исследователи отечественной истории пользовались первым из этих обозначений, а другие придерживались второго.

Результаты наблюдений показывают, что в древнейших или сравнительно ранних по происхождению текстах, особенно летописных, название города Переяславля, причем любого (*Русского*, *Рязанского* или *Залесского*), записывается исключительно в форме *Переяславль*. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в тексты таких, например, летописных памятников, как *Лаврентьевская*, *Ипатьевская*, *Новгородская первая*, *Софийская первая* летописи, *Рогожский летописец*. Показательным можно также считать свидетельство относящейся к XIII в. новгородской берестяной грамоты № 105, текст которой в заключительной части содержит такие слова: «...вѣзале оу мене лавовке переяславльк»⁷⁹. Наоборот, в относительно более поздних памятни-

ках летописания определенную долю, подчас весьма значительную, могут составлять написания, отражающие вариант *Переславль*. В таких, например, памятниках, как Владимирский летописец, «Степенная книга», употребление обозначения *Переславль* представляет еще весьма редкое явление. Однако текст Московского летописного свода конца XV в. уже содержит отрывки, в которых на протяжении небольших текстовых фрагментов оба варианта обозначения города Переяславля перемежаются: «Князь же Ярослав... затворися в Переяславли... Князи же сдумавше и поидоша к Переславлю...»⁸⁰; «Бысть же... безбожнии татарове... поидоша ко граду к Переяславлю таюущеся... А тогда безбожнии татарове плениша град Переславль»⁸¹. Немало в тексте Московского летописного свода и таких мест, где в пределах ограниченного текстового фрагмента город Переяславль несколько раз подряд фигурирует только в форме *Переславль*: «Тое же осени... бысть на люди мор велик в Переславли... Бысть же сие не токмо в едином граде Переславли... Прииде же сия казнь, послана от Бога на люди, снизу, от Бездежа к Новугороду Нижнему... та же к Переславлю...»⁸²; «Тоя же весны в Великое говение пришел на Москву посол от короля Казимира... и князь велики велел ему наехати себя в Переславле, а сам из Володимеря с сыном иде к Переславлю... и пришед в Переславль посла отпусти...»⁸³. В то же время тексты таких, например, памятников летописания, как Вологодско-Пермская летопись по Кирилло-Белозерскому списку, Иоасафовская летопись, Пискаревский летописец, содержат упоминания о городе Переяславле исключительно в форме *Переславль*.

Сосуществование двух очень близких вариантов обозначения города Переяславля (Залесского) прослеживается также в сохранившихся документах актового и делопроизводственного ха-

рактера. При обращении к разным по времени происхождения источникам такого рода оказалось, что встречающиеся в них упоминания города Переяславля отражают его название преимущественно в варианте *Переславль*. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: «Освободил есмь ему купити двор в городе в Переяславле тяглои...»⁸⁴; «А сказывают, что есте откупили нынеча тамгу в Переяславле у отца моего, великого князя...»⁸⁵; «...или коли яз, князь велики, буду в Переславле...»⁸⁶; «А сказывают, что де у них секут лес к городу к Переславлю»⁸⁷; «От великого князя Ивана Васильевича всеа Руси в Луковесь... да в Ростов, да в Переславль»⁸⁸; «Се яз, князь Юрьи Ивановичь, пожаловал есми николского игумена Мисаила с братьею, что в Переславле на болоте...»⁸⁹; «Да тое же деи слободки крестьяне в Переславле... двор десятиничь ставят»⁹⁰; «И яз, царь и велики князь Иван Васильевичь всеа Руси, тех митрополичих крестьян, которые в Переславле в Борисоглебской слободе живут, пожаловал»⁹¹; «От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси в Переславль Залеской губному старосте Мордвину Большому»⁹²; «А московских, государь, чинов и городовых... объявилось у нас, холопеи твоих, мало, а рейтарских полков начальные люди и реитары ис Переславля Залеского и ис Переславля Резанского к нам, холопом твоим, в полки в Арзамас сентября по 28 число не бывали»⁹³.

В свое время еще А. Щекатов ставил происхождение названия *Переяславского озера* в связь с названием города Переяславля, появившегося на берегу водоема при впадении в него р. Трубеж. Согласно замечанию А. Щекатова, ранее озеро называлось *Клециным*, «а потом переименовано по городу и Переславским»⁹⁴. Предложенное объяснение не вызывает, разумеется, никаких сомнений, но ограничиться лишь констатацией этого,

конечно, нельзя. Следует разобраться в исторических обстоятельствах происхождения и распространения гидронима *Переяславское*, насколько сделать это позволяют сохранившиеся источники.

Не подлежит сомнению, что условия для того, чтобы оз. *Клецино* можно было определить как оз. *Переяславское*, не могли возникнуть ранее появления на его побережье города Переяславля. Как на фактор, способствовавший в данном случае переходу названия города на располагавшийся поблизости водоем, следует указать на проявление подобной же тенденции, обусловившей происхождение названия оз. *Ростовского* от наименования расположенного на его берегу города Ростова. В этой связи нельзя не напомнить, что гидроним *Ростовское* нашел отражение уже в «Повести временных лет». Во вводной части памятника летописец перечисляет основные территории, занятые в его время и ранее финно-угорскими племенами мерян, и отмечает: «...а на Ростовьскоиѣмъ ѡзерѣ мѣрѣ...»⁹⁵. Это позволяет утверждать, что гидроним *Ростовское* существовал задолго до рубежа XI–XII вв., когда складывались тексты «Повести», и был известен в Киеве. По всей вероятности, с того же самого времени этим названием пользовалось и местное славянское население. Употребление гидронима *Ростовское* в более позднее время фиксируется, например, таким памятником древнерусской агнографии, как «Житие блаженного Петра». В одном из свидетельств этого источника, касающемся пристрастия Петра к охоте на прилегающих к *Ростовскому* озеру землях с применением ловчих птиц, читается такой текст: «Петръ же... бѣ въѣздѣ при езерѣ Ростовѣстѣмъ птицами ловѣ»⁹⁶.

Условия для возникновения гидронима *Переяславское*, судя по всему, создавались по мере приобретения сооруженным на оз.

Клещине городом Переяславлем известности в сопредельных областях. При этом нельзя исключать, что все началось еще тогда, когда несколько ранее на северо-восточном побережье озера, между Лисьим и Глининским оврагами, существовало укрепленное поселение (часто принимавшееся исследователями за мнимый город «Клещин»), если оно тоже стало именоваться Переяславлем⁹⁷. Следует придавать значение еще одному важному обстоятельству. Утверждение за новым городом, возведенным при впадении в оз. *Клещино* р. Трубеж, названия Переяславль на первых порах должно было происходить, скорее всего, не столько в нем самом, сколько за его пределами, каким бы неожиданным ни показалось это соображение. Однако нельзя упускать из вида, что инициатива переноса города на его нынешнее место принадлежала Юрию Долгорукому и, по всей вероятности, его ближайшему окружению. Следовательно, прежде всего в Суздале, стольном городе Юрия, и других городах Ростово-Суздальской земли название города Переяславля должно было звучать особенно часто. Именно из Суздаля и других городских центров края в Переяславль должны были направляться грамоты, в которых фигурировало его название. При сходных обстоятельствах вполне могла зародиться и традиция именовать водоем, рядом с которым возник новый город, *Переяславским* озером. Разумеется, такое обозначение водоема легко могло распространиться и в Переяславле. Однако на первых порах оно едва ли было способно составить конкуренцию старому, привычному для местного славянского населения и славянизированных мерян гидрониму *Клещино*. Вполне возможно, что подобная ситуация, при которой «извне» обычно употреблялся гидроним *Переяславское*, а «изнутри» название *Клещино*, сохранялась в течение весьма продолжительного периода. Иначе говоря, оба обозначения могли сосуществовать длительное время, хотя и обна-

руживали тенденцию соотноситься по крайней мере с двумя разными сферами бытования.

Из двух встречающихся в источниках вариантов обозначения города Переяславля более ранним является, конечно, название *Переяславль*. Действительно, словообразовательная структура этого названия сохранилась в первоначальном виде и вполне ясна: приставка (*пере-*) + корень (*-я-*) (ср. древнерусские глагольные формы *пати*, *зати*, *перяти*, *потати*, *оупати* и др.) + более сложный формант с притяжательным значением (*-славль*) (ср. такой же точно элемент в названиях городов Заславль, Мстиславль, Ростиславль, Ярославль и др.). Все названия русских городов, оканчивающиеся на *-славль*, по происхождению являются притяжательными прилагательными. Так, название Мстиславль означает «город Мстислава», «город, основанный Мстиславом», название Ярославль — «город Ярослава», «город, основанный Ярославом» и т. д. Согласно с этим, наименование *Переяславль* означает «город Переяслава», «город, начало которому положил Переяслав». Древнерусское обозначение Переяслав независимо от того, использовалось ли оно как личное имя или же в определенных случаях применялось и как типовое средство обозначения новооснованных городов, имеет знакомое морфологическое строение: приставка (*пере-*) + корневой элемент (*-я-*) + второй корневой элемент (*-слав*). Сочетание двух первых составных частей легко узнается в древнерусских глагольных формах *перяти* («перехватить»), *перятихъ* («я перехватил»), *перятиша* («они перехватили») и др. Третья составная часть являет собой корень, заключенный в слове *слава*. Отсюда ясно, что имя Переяслав в древности означало «перехвативший (т.е. получивший) славу», «прославившийся», причем корневой элемент *-я-* представляет в нем совершенно неотъемлемую часть

слова. Разумеется, такой же неотъемлемой частью это корневое *-я-* должно считаться и в восходящем к имени Переяслав названии города *Переяславль*, равно как и в основанном на нем гидрониме *Переяславское*. Поэтому нужно исходить из того, что обозначение *Переяславль* и связанный с ним гидроним *Переяславское* возникли в результате деформации этимологической структуры соответствующих исходных форм, выразившейся в утрате корневого элемента *-я-*.

Какова же была причина, обусловившая преобразование названия *Переяславское* в название *Переславское*? По этому вопросу в литературе можно встретить объяснение, согласно которому в обозначении *Переяславское*, модификацию которого представляет гидроним *Переславское*, просто потерялась буква *я*. Так, по словам И.В. Дубова, в «более позднее время название "Переяславль" теряет "я" и превращается в "Переславль"»⁹⁸. Однако предложенное И.В. Дубовым суждение лишь отмечает факт выпадения корневого *-я-* из соответствующей словесной формы, но при этом ничего не объясняет по существу вопроса, ответ на который не может, конечно, лежать на поверхности.

Для того чтобы разобраться в причинах утраты корневого *-я-* в названиях *Переяславль* и *Переяславское*, необходимо учитывать ряд обстоятельств. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что обозначение *Переяславль* представляет собой довольно необычное, с морфологической точки зрения, образование. Оно явно выпадает из ряда внешне сходных с ним обозначений городов на *-славль*. В самом деле, если названия типа Мстиславль, Ростиславль, Ярославль и т. п. состоят из двух односложных частей, то первая часть обозначения *Переяславль* включает две составляющие: приставку (*пере-*) и корневой элемент (*-я*). Неизбежным следствием этого оказалось то, что название *Переяславль*, в отличие от обозначений вроде Мсти-

славль, Ростиславль, Ярославль и т. п., почти не имело поддержки в тождественных по морфологической организации наименованиях. Возможно, поначалу это название поддерживалось лишь существованием антропонима Переяслав. Однако подобное допущение не кажется достаточно убедительным, поскольку в сохранившихся памятниках древнерусской письменности имя Переяслав, насколько известно, отражения не нашло. Если же такое имя действительно существовало у восточных славян в глубокой древности, но рано вышло из употребления, то остается непонятным, по какой причине это стало возможным. Казалось бы, сохранению обозначения *Переяславль* должна была способствовать поддержка со стороны словесных форм, производных от глагола *перейати*, тем более что они встречаются даже в старорусских текстах, не говоря уж о древнерусских. Но в данном случае препятствием, очевидно, могло послужить то обстоятельство, что в сочетании с формантом *-славль* первая часть названия *Переяславль* перестала соотноситься с глаголом *перейати*. В то же время названия типа Мстиславль, Ростиславль, Ярославль и т. п., с одним гласным перед формантом *-славль*, по всей вероятности, оказывали аналогическое воздействие на обозначение *Переяславль*, с двумя гласными в соответствующем месте, побуждавшее к упрощению в его составе не вполне удобопроизносимого сочетания *-ся-*. Так или иначе, но к XV в., если не раньше, название *Переяславль* стало восприниматься уже как нечто архаическое, не вписывающееся в ряд более привычных и легко произносимых обозначений городов на *-славль*. В результате запустились механизмы фонетико-морфологического упрощения обозначения *Переяславль* и, как следствие, гидронима *Переяславское*, вызвавшие утрату из их

состава корневого элемента *-я-* и возникновение обозначений *Переславль* и *Переславское*.

Факт отражения сохранившимися источниками названий *Переяславль* и *Переславль* позволяет, с чисто формальной точки зрения, употреблять в современных научных и научно-популярных текстах как первое, так и второе. Однако предпочтительнее пользоваться все-таки первым как сохранившимся в первоначальном правильном виде. Что же касается второго, то оно, образно говоря, оставляет впечатление ущербности, имеющейся в нем «вмятины» или «выбоины». Все сказанное в равной мере относится, конечно, и к гидронимам *Переяславское* и *Переславское*.

Как минимум с XVIII в. разнообразные тексты отечественного происхождения начинают отражать распространение гидронима *Плещеево*. Так, если в атласе Российской империи 1745 г. озеро, расположенное по соседству с городом Переяславлем Залесским, еще никак не обозначено, то в атласе 1792 г. оно имеет то же самое наименование, каким определяется и на современных географических картах⁹⁹. Это название было известно и А. Щекатову¹⁰⁰, а позднее стало систематически отражаться в справочно-энциклопедических изданиях¹⁰¹. Следует, однако, иметь в виду, что с распространением гидронима *Плещеево* предшествующее обозначение озера (*Переяславское* или *Переславское*) отнюдь не вышло из употребления. К примеру, таким названием продолжал пользоваться С.М. Соловьев¹⁰². Нередко авторы употребляли наименование *Плещеево* вперемежку с обозначением *Переяславское*¹⁰³. До сих пор использование гидронима *Переяславское* остается еще возможным. Такое положение будет, очевидно, сохраняться и в дальнейшем, пока будет сохраняться название города Переяславля, расположенного на берегу

водоема, за которым в качестве официального утвердилось наименование оз. *Плещеева*.

В начале XX в. по вопросу о происхождении гидронима *Плещеево* возникла полемика между А.И. Свирелиным и И.С. Беляевым. В сохранившихся источниках и литературе А.И. Свирелин обнаружил несколько обозначений, под которыми некогда фигурировало известное озеро: *Клещино*, *Плещино*, *Плещее*, *Плещеево*¹⁰⁴. Что же касается названия *Переяславское*, то А.И. Свирелин, судя по всему, считал его не собственным, а нарицательным, произошедшим от названия города Переяславля, и не принимал в расчет. Ввиду этого свою задачу автор видел в том, чтобы уяснить характер взаимоотношений между четырьмя прочими наименованиями. По мнению А.И. Свирелина, названия *Клещино* и *Плещеево* должны считаться «неправильными», а обозначения *Плещино* и *Плещее* являются «правильными». Как отмечалось выше, обозначение *Клещино* представлялось А.И. Свирелину искажением названия *Плещино*, но позднее он усмотрел между ними обратную зависимость. Доказательством «правильности» названий *Плещино* и *Плещее* исследователь считал то, что они хорошо передают специфику озера, которая заключается в сильном плеске его волн, раздающемся по округе в ветреную погоду. По убеждению А.И. Свирелина, именно из названия *Плещее* могло образоваться «неправильное», как ему казалось, название *Плещеево*. И.С. Беляев, не соглашаясь в этом вопросе с А.И. Свирелиным, обратил внимание на то, что более других озеру подходило бы как раз обозначение *Плещеево*, поскольку именно в его окрестностях когда-то находились владения Плещеевых, представителей одного из старых русских боярских родов¹⁰⁵. Возражая против этого довода, А.И. Свирелин указал на представителей других известных фамилий, располагавших владениями рядом с озером, и недоумевал, почему

именно с Плещеевыми оказалось связано название озера, которое к тому же исстари принадлежало великим князьям. При таких обстоятельствах, как рассуждал А.И. Свирелин, ни один феодал не осмелился бы назвать озеро в свою честь. В закончившейся на этом полемике между двумя оппонентами вопрос о происхождении гидронима *Плещеево* так и остался неразрешенным. Ничего вразумительного не было ими высказано и по поводу того, каким образом из названия *Клещино* могло возникнуть обозначение *Плещино*, а из этого последнего произойти наименования *Плещее* и *Плещеево*. Вопрос о происхождении обозначения *Плещеево*, приводимого у А. Щекатова¹⁰⁶, вообще не затрагивался исследователями. Позднее точку зрения А.И. Свирелина безоговорочно принял М.И. Смирнов¹⁰⁷. Находясь под ее влиянием, он даже считал возможным употреблять, правда в кавычках, название *Плещее* как некое устоявшееся обозначение¹⁰⁸.

Однако впоследствии мнение, согласно которому оз. *Плещеево* могло получить такое наименование по связи с располагавшимся вблизи него владениями Плещеевых, иногда высказывалось в литературе¹⁰⁹.

Интересы дальнейшего исследования заставляют обратить внимание на ряд весьма показательных явлений, представленных в памятниках древнерусской и старорусской письменности.

Так, в тексте относящейся к 1504 г. разъезжей грамоты московского великого князя Ивана Васильевича (Ивана III) своему сыну Юрию имеется следующее указание: «*Да изгородю к реке х Каменке по ямам, да речьюю Каменкою по ямам: направи — Дмитреевы Володимерова деревни: деревня Трутнево, да Огево, да село Кузяево*»¹¹⁰. Заслуживают также внимания некоторые показания составленной в 1572 г. и сохранившейся в копии начала XIX в. духовной грамоты царя Ивана Васильевича

(Ивана IV). Согласно этому документу, Иван Васильевич наделил свою невестку княгиню Ульяну рядом владений, в том числе «подмосковными селы: селом Пузьевым с деревнями...»¹¹¹. Ниже в той же самой грамоте содержится распоряжение царя относительно того, чтобы после смерти княгини Ульяны часть ее владений, в том числе «село Пузьево с деревнями», перешло к его сыну Федору¹¹². Еще несколькими строками ниже в документе говорится о наделении царем своего сына Федора владениями, среди которых упомянуто и «село Кузьево»¹¹³. Насколько известно, под названиями *Кузьево* и *Пузьево* в приведенных свидетельствах подразумевается один и тот же населенный пункт. Однако его действительное наименование звучало все-таки, как *Кузьево*.

Согласно одному из позднейших списков датируемой 1495–1506 гг. жалованной грамоты московского великого князя Ивана Васильевича (Ивана III) И.Г. Осоке, последний получил «в кормление» ряд населенных пунктов «под городом Клещевым»¹¹⁴. Однако в другом списке того же самого документа вместо «под городом Клещевым» написано «под городом Плещевым»¹¹⁵. Ясно, что в обоих случаях подразумевается один и тот же город, который почему-то обозначается то как *Клещев*, то как *Плещев*.

В дошедших до нас списках разных редакций «Киево-Печерского Патерика» был обнаружен еще ряд характерных примеров. Все они сосредоточены в тексте одного из рассказов «Патерика», восходящих к посланию владими́ро-суздальского епископа Симона, адресованному киево-печерскому иноку Поликарпу. Имеется в виду рассказ о печерском монахе Кукше. Для наблюдений следует привлечь несколько фрагментов этого рассказа: «Слово ѿ Кѣкшѣ сѣнолѣнцѣ тогѣ манастиѣ. Волею пре-

минѣ¹¹⁶ сего блженѣ и сѣноличника того манастиря Печерскаго чернорѣца Кжшѣ. Его же вси свѣдуютъ... Пѣминѣ блженныи постникѣ... посреди цркви велегласно рекъ: братъ нашъ Коукша противѣ свѣтѣ убьенъ бы^ѣ»¹¹⁷. Таким образом, в приведенных фрагментах трижды упоминается монах, имя которого звучало, как *Кукиша*, и сомневаться в действительном существовании такого имени не приходится. Это подтверждается показаниями и других списков «Киево-Печерского Патерика»¹¹⁸. Однако в параллельных чтениях Арсениевской редакции памятника, сохранившейся в пергаменном подлиннике 1406 г., имя главного героя рассказа везде звучит по-иному: «О Купши и о Никоне»¹¹⁹. Волею же применю блаженного и священномученика того же манастиря чернѣца Купшию... Его же вси свѣдуютъ... Пимин блаженныи постник... посреди цркви велегласно рек: брат нашъ Купша противу свету убьен бысть»¹²⁰. Как видно, вместо черноризца по имени *Кукиша* в том же самом рассказе «Патерика» по Арсениевской редакции фигурирует монах по имени *Купша*¹²¹. При этом ясно, что речь может идти только об одном и том же лице.

Под влиянием какой же причины могло по-разному записываться наименование одного и того же села (*Кузьево* и *Пузьево*), одного и того же города (*Клещев* и *Плещев*), одного и того же лица (*Кукиша* и *Купша*)? Ответ на этот вопрос, как выяснилось, лежит в палеографической плоскости.

Следует обратить внимание на то, что в пределах отмеченных выше пар обозначения начинаются либо с буквы к, либо с буквы п. Но в русском полууставном, а подчас и в скорописном почерке эти буквы, как известно, имели весьма сходные контуры. Действительно, буква к обычно изображалась в виде двух более или менее изогнутых влево линий (вторая из них могла

иметь значительно больший изгиб), не соединявшихся друг с другом [ср.: *п, к, ѿ, ѿѿ, ѿѿѿ* и т.п.]. Однако встречаются и такие варианты начертания буквы *к*, в которых верхние части изогнутых влево линий соприкасаются [ср.: *п, пѿ, ѿѿ, ѿѿѿ* и т.п.], в силу чего эту букву легко было принять за букву *п*. В свою очередь буква *п* обычно представляла собой две слегка изогнутые влево или почти прямые линии, над которыми располагалась более или менее горизонтальная черта [ср.: *п, пѿ, ѿѿ, ѿѿѿ* и т.п.]. Поскольку эта горизонтальная черта у буквы *п* в некоторых текстах, особенно с небольшими межстрочными пробелами, нередко оказывалась в пространстве между соседними строками, где могли располагаться надстрочные знаки и выступающие части отдельных букв нижней строки, равно как и спускающиеся части букв верхней, то читающими текст она не всегда воспринималась как часть буквы *п*. Ввиду этого букву *п* трудно было отличить от буквы *к*. Чем менее знакомым было употребленное в тексте обозначение, включавшее буквы *к* или *п*, тем с большей вероятностью допускалась ошибка при его прочтении: буква *к* нередко принималась за букву *п* и наоборот. Этому, конечно, могли способствовать и другие причины: физические повреждения текста, невнимательность при его чтении и др. Так, вместо *Кузьево* получалось *Пузьево*, вместо *Плещеев* оказывалось *Клещеев*, вместо *Кукша* казалось *Купша* и т. п. Приведенные наблюдения позволяют разобраться и в вопросе о том, каким же путем в конце концов возник гидроним *Плещеево*.

Как было показано выше, древний восточнославянский гидроним *Клещино*, обозначавший озеро, именуемое теперь *Плещеевым*, к XVI–XVII вв. оказался почти забытым, и широкое распространение получило пришедшее ему на смену название *Переяславское* (*Переславское*). Но это название представляло

собой обозначение водоема по наименованию расположенного рядом с ним города. Поэтому рано или поздно в среде жителей прилегавших к *Переяславскому* озеру земель, а, возможно, и не только здесь должен был возникнуть вопрос о том, каким же было собственное название озера. Вполне вероятно, что по этому вопросу велись дискуссии и споры, в ходе которых не обходилось без обращения к свидетельствам письменных источников.

По крайней мере некоторые из привлекавшихся для разрешения обсуждавшейся проблемы текстов, несомненно, включали упоминания гидронима *Клецино*. Однако в условиях, когда это название уже никто не помнил, а леши среди местного населения давно уже перестали именоваться «клещами», оно ничего, кроме недоумения, не должно было вызывать. Можно не сомневаться также в том, что другие использовавшиеся в дискуссиях письменные памятники отражали название *Плецино*. Так, в относящейся не позднее чем к 1775 г. «Ведомости по городу Переяславу Залесскому с его уездом», представленной при рапорте московскому губернатору Ф.А. Остерману, читается нижеследующее свидетельство: «*При оном же городе (т.е. Переяславе Залесском. — В.Р.) имеется озеро, называемое Плецино, длиною 8, шириною 7 верст*»¹²². С учетом описанных выше палеографических явлений достаточно ясно, что обозначение *Плецино* не могло явиться иначе как результат ошибки прочтения гидронима *Клецино*. Формированию и распространению названия *Плецино* и в самом деле мог способствовать необычно сильный шум плеска, издаваемый озером во время штормовой погоды. Однако источники донесли до нас еще и такое название озера, как *Плещее*. К примеру, в начале датированной 1676 г. грамоты царя Федора Алексеевича, которая имела своим адресатом переяславского воеводу В.А. Кроткого, читается такой текст: «*В Приказе Большого Дворца в приходной книге ны-*

нешняго 184 году написано: в Переславле Залеском, близко посаду, озеро Плещее, а в нем дворцовые переславские рыбные ловцы по 153 год ловили и привозили к Москве селди паровые самые лутчие...»¹²³. Употребленное в приведенном отрывке название Плещее возникло, скорее всего, в результате трансформации обозначения Плещино. В самом деле, с названием Плещино, как предполагается, у местных жителей соединялось представление о характерном для озера шуме плещущих в непогоду волн. Но сама форма этого названия, точнее его словообразовательная модель, не могла не казаться довольно необычной, даже искусственной. Видимо, поэтому на основе обозначения Плещино и появилось название Плещее, несколько более естественное по словообразовательному облику и к тому же хорошо передававшее специфику Переяславского озера. Из приведенных соображений вытекает еще один существенный вывод. Поскольку обозначение Плещее фиксируется источниками как минимум с XVII в. и образовалось, судя по всему, из названия Плещино, то, следовательно, возникновение этого последнего обозначения можно с уверенностью относить к более раннему времени. Тем самым, кстати, подтверждается справедливость сформулированного выше заключения, согласно которому судьба гидронима Клецино окончательно решилась в XVI–XVII вв. Выше отмечалось, что А. Щекатову было известно название Плещево. Из какого источника автор почерпнул это обозначение, неизвестно. Тем не менее особых оснований не доверять автору нет. Скорее всего, название Плещево, как и обозначение Плещее, тоже возникло из названия Плещино, причем и в данном случае свою роль могла сыграть ошибка прочтения. Действительно, очертания букв н и в, особенно в беглом полууставном почерке, а подчас и в скорописи, оказывались довольно близкими [ср., например:

и **ѡ**, **Н** и **Ѣ**, **Ѧ** и **Ѣ** и т.п.], что и благоприятствовало прочтению названия *Плещино* как *Плещево*. При этом *и* в обозначении *Плещино* должно было в названии *Плещево* с неизбежностью заместиться на *е*, без чего вновь формировавшееся наименование приняло бы уродливый вид (ср.: *Плещиво*). Разумеется, название *Плещево*, как и обозначение *Плещино*, должно было ассоциироваться с шумом плеска, производимого на озере волнами при сильном ветре.

Изданный в 1792 г. атлас Российской империи, как было отмечено выше, отразил существование гидронима *Плещеево* в качестве официального наименования известного водоема. Однако распространение этого названия, скорее всего, началось не намного позднее того времени, когда появились обозначения *Плещино*, *Плещее*, *Плещево*, явно не получившие значительного распространения. Возникновение гидронима *Плещеево* могло произойти двумя способами. Во-первых, наименование *Плещеево* могло возникнуть непосредственно из гидронима *Клещино* в результате трех допущенных при его прочтении ошибок: буква **к** была принята за букву **п**; буква **и** могла быть легко отождествлена с сочетанием двух букв **ѣѣ** [ср., например: **ѣѣ** и **ѣѣ**, **ѣѣ** и **ѣѣ** и т.п.]; буква **н** была сочтена за букву **в**. Как можно полагать, одновременно предпринимались интуитивные попытки придать складывавшемуся обозначению более или менее правдоподобную, с точки зрения норм старорусского языка, форму. Во-вторых, название *Плещеево* могло возникнуть из появившихся как результат искажения гидронима *Клещино* обозначений *Плещино* или *Плещево*. Так, в обозначении *Плещино* буква **и** могла быть прочитана как сочетание двух букв **ѣѣ**, а буква **н** принята за букву **в**. В обозначении *Плещево* могло произойти напрашивающееся удвоение второго **ѣ**, поскольку это обозначение находило есте-

ственную аналогию в антропониме Плесей. Нельзя исключать, что в любом случае формировавшееся обозначение *Плещеево* ассоциировалось с тем самым Плесеем, которого считают родоначальником Плесеевых, имевших в старину на Переяславском озере земельные владения.

Так или иначе, но гидроним *Плещеево* своим возникновением обязан ошибкам прочтения гидронима *Клещино* или его позднейших искажений, появившихся также из-за ошибок прочтения. Этот вывод, однако, не дает никакого повода считать гидроним *Плещеево* каким-то «неправильным» или «неполноценным»: происхождение тех или иных обозначений не так уж редко оказывается связанным с самыми неожиданными, а порой весьма причудливыми или даже курьезными обстоятельствами, и относиться к таким обозначениям следует, как к любым другим фактам языка.

Определенный интерес представляют способы отражения гидронима *Клещино* и впоследствии пришедших ему на смену гидронимов *Переяславское* и *Плещеево* в географических указателях к текстам издаваемых летописных памятников.

Так, в географическом указателе к первым восьми томам Полного собрания русских летописей упоминание оз. *Клещина* сопровождается указанием на то, что теперь этот водоем известен как оз. *Плещеево*¹²⁴. Сходным образом позднее поступили составители указателя к тексту Новгородской Карамзинской летописи¹²⁵. Однако при этом способе из поля зрения выпадает тот факт, что для обозначения озера, известного ранее как *Клещино*, со временем стало употребляться название *Переяславское*. Кроме того, без должного внимания остается такая связанная, по всей вероятности, с диалектной историей древнерусского языка модификация гидронима *Клещино*, как *Клищино*, зафиксированная рядом летописей.

Для географических указателей к значительному количеству летописных памятников, изданных в конце XIX – первой половине XX в., характерен такой способ указания на представленность в их текстах гидронима *Клецино*, при котором он отражается в этой самой форме, но без каких-либо упоминаний о существовании двух позднейших обозначений соответствующего водоема¹²⁶. Тот же самый способ нашел применение и в недавнее время¹²⁷. При таком способе за пределами внимания оказываются уже оба позднейших наименования, пришедших на смену гидрониму *Клецино*. Следовало бы, однако, учитывать, что далеко не каждому из пользующихся географическими указателями могут быть известны все три обозначения, под которыми в источниках может фигурировать этот водоем.

В географических указателях к некоторым летописным текстам использован другой способ представления гидронима *Клецино*. Он заключается в том, что рядом с этим гидронимом в скобках приводится также название *Переяславское*¹²⁸. Судя по всему, тем самым отмечается почти одновременное существование обоих наименований. Однако при этом гидроним *Переяславское* в соответствующем месте указателей не помещается, в силу чего их информационные возможности снижаются. Кроме того, возникает вопрос о том, почему рядом с обозначением *Клецино* так же, как и название *Переяславское*, не приводится гидроним *Плещеево*. Во всяком случае его отражение не помешало бы увеличению информационных достоинств географических указателей.

Иной способ был предложен в географических указателях к некоторым позднейшим изданиям памятников летописания. Его особенностью является то, что при гидрониме *Клецино* сделана отсылка к гидрониму *Переяславское*, который и помещен в соответствующем месте указателей ниже, причем с приведенным

здесь же в скобках названием *Клецино* и указанием нужной страницы печатного издания летописного текста или же листа рукописи¹²⁹. Но и в данном случае остается неясным, почему из двух позднейших обозначений водоема отмечается опять-таки лишь гидроним *Переяславское*. Кроме того, страницу издания или лист рукописи естественнее было бы указывать именно при том названии, которое действительно употребляется в соответствующем месте текста, а не при отражении позднейшего названия, к которому и сделана отсылка. В противном случае данные указателя будут расходиться с реальными фактами. К примеру, из упомянутых выше указателей к обоим вышедшим в конце прошлого столетия изданиям Радзивиловской летописи можно сделать вывод о том, что ее текст в соответствующих местах содержит гидроним *Переяславское*. На самом же деле здесь читается форма гидронима *Клецино*¹³⁰, но при его отражении в указателе ссылки на нужную страницу изданного текста нет.

Возникает также и вопрос о том, как в географических указателях следует отражать модификации и искажения гидронима *Клецино*, встречающиеся в летописных текстах. В указателях к нескольким летописным памятникам предложен способ решения данного вопроса. Согласно этому способу, в указатель вносится гидроним *Клецино*, а рядом в скобках помещается его модифицированный или искаженный (испорченный) вариант. Однако такой характер обозначения никак не отмечается и тем самым ему фактически придается значение самостоятельного наименования. Кроме того, модифицированное или искаженное название, приводимое в скобках, не всегда отражается указателями¹³¹. Стоит обратить внимание также на то, что в одном из указателей помещенное в скобках рядом с гидронимом *Клецино* обозначение (*Крецино*) вовсе не представлено в напечатанных текстах соответствующих памятников летописания и, судя по этому,

не отражено рукописью изданного памятника. Вместо этого обозначения здесь читается форма гидронима *Клещино*¹³². Представляется, что было бы разумнее приводить в указателях модифицированную или искаженную форму с пометой *диалектн.* или *испорч.* и делать отсылку к гидрониму *Клещино*, перечисляя рядом с ним в скобках и два позднейших обозначения соответствующего водоема.

Таким образом, способы отражения гидронима *Клещино* в географических указателях к летописным источникам характеризуются необдуманностью и, как следствие, разнобоем. В целях его преодоления в данном конкретном и в других подобных случаях можно предложить, с учетом высказанных выше соображений, такой подход.

Во-первых, если в тексте издаваемого источника представлен гидроним *Клещино*, то при отражении в указателях он должен сопровождаться перечислением обоих пришедших ему на смену позднейших обозначений (*Переяславское*, *Плещеево*), хотя бы и не представленных издаваемым текстом. Сходным образом следует поступать и в тех случаях, если текст отражает либо только гидроним *Переяславское* (*Переславское*), либо только гидроним *Плещеево*. От помещаемых в указателях, но не представленных в издаваемом тексте гидронимов должны быть сделаны отсылки к реально отраженному текстом гидрониму. Во-вторых, указания на страницы изданного текста или листы рукописи следует приводить только при отражении того обозначения, которое фактически представлено в тексте. В-третьих, если текст публикуемого источника отражает тот или иной из трех рассматриваемых гидронимов в модифицированном или испорченном виде, то такая форма должна соответствующим образом характеризоваться и сопровождаться в указателе отсылкой к неискаженному (исправному) обозначению. При этом два прочих названия также следу-

ет помещать в указателе, но с отсылками к передаваемой текстом искаженной форме.

Источники, литература и примечания

1. *Татищев В.Н.* История российская. Т. I. М.–Л., 1962. С. 183.
2. См., например: Финско-русский словарь. М., 1977. С. 205 (kasvu).
3. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. I. Вып. 1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926 (репринт: М., 1962; М., 1997). Стб. 11.
4. См., например: Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. II. СПб., 1908 (репринт: М., 1962; М., 1998). Стб. 8; Рогожский летописец // ПСРЛ. Изд. 2. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922 (репринт: М., 2000). Стб. 11; Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 13; Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. М., 1994. С. 5.
5. См., например: Софийская первая летопись // ПСРЛ. Изд. 2. Т. V. Вып. 1. Л., 1925. С. 5; Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002. С. 23; Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Т. XXVII. М.–Л., 1962. С. 175, 310; Патриаршая или Никоновская летопись (далее: Никоновская летопись) // ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862 (репринт: М., 1965; М., 2000). С. 4; Холмогорская летопись // ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 11.
6. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. Приложение 1. Начало летописи по эрмитажному списку. С. 339.
7. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М.–Л., 1959. С. 12.
8. Там же, вариант 2 (из текста Чертковского списка).

9. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью (далее: Тверской летописный сборник) // ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863 (репринт: М., 2000). Стб. 22.
10. Книга степенная царского родословия // ПСРЛ. Т. XXI. Ч. I. СПб., 1908. С. 63.
11. См., например: Новгородская Карамзинская летопись... С. 102; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. Пг., 1915. С. 153, вариант 18 (из текстов Академического, Голицинского и Новороссийского списков); Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. ... С. 319, вариант 18 (из текста Архивского списка); Никоновская летопись... Т. IX... С. 197; и др.
12. См. первую статью в данном сборнике. С. 22–44.
13. Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219), издан К.М. Оболенским. М., 1851. С. 2; Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей) // ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 4; Новгородская четвертая летопись... Ч. I. Вып. 1... С. 153.
14. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921 (репринт: М., 2000). С. 77.
15. Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 66 (под 1153 г.).
16. Там же, вариант 18 (из текста Чертковского списка).
17. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 75.
18. Никоновская летопись... Т. X. СПб., 1885 (репринт: М., 1965; М., 2000). С. 139, вариант под буквой а.
19. См.: *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. I... С. 183, прим. 67.
20. В выражении «от *Клещениа*», отраженном Типографской летописью, издатели ее текста не заподозрили искажение формы родительного падежа гидронима *Клещино*. Без достаточных оснований считая форму «*Клещениа*» отражением воображаемого названия *Клещенис*, они усматривали в нем обозначение места

(см.: Типографская летопись... Указатель имен личных и географических. С. 256).

21. *Щекатов А.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. Ч. III. К–М. М., 1804. Стб. 563; Ч. IV. Отделение 1. М–П. М., 1805. Стб. 1168.
22. *Свирелин А.* О названиях Переславского озера // ИВ. 1902. Июль. Заметки и поправки. С. 343–344.
23. *Свирелин А.* Ответ И.С. Беляеву // ИВ. 1902. Октябрь. Заметки и поправки. С. 400.
24. *Смирнов М.И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911. С. 9–10.
25. *Смирнов М.И.* Залесский город Клещин // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Вып. 4. 1919. С. 4.
26. *Воронин Н.Н.* «Переславль новый» // Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. М., 1974. С. 138.
27. *Иванов К.И.* Переславль Залесский в прошлом и настоящем. Ярославль, 1940. С. 6.
28. *Тихомиров М.Н.* 1) Древнерусские города // Ученые записки МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 99. М., 1946. С. 63; 2) То же. Изд. 2. М., 1956. С. 413.
29. *Третьяков П.Н.* 1) Древнерусский город Клещин // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 51, 53; 2) У истоков древнерусской народности // МИА. Вып. 179. Л., 1970. С. 129.
30. *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 139.
31. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.–Л., 1962. С. 116–117.
32. *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 138–139, прим. 8–9.
33. *Дубов И.В.* 1) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (Историко-археологические очерки). Л., 1982. С. 99, прим. 169; 2) Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 111, прим. 38.

34. См.: Толковый словарь живого великорусского языка. Составитель: Даль В.И. Т. II. М., 1989. С. 117 (Клести).
35. См.: Словарь польско-русский (по словарю польско-немецкому И.К. Троянского), составленный Домиником Бартошевичем. Т. I. А–О. Варшава, 1841. С. 282 (Kleszcz).
36. Полный словарь польского и русского языков, составленный П.П. Дубровским. Часть польско-русская. Варшава, 1895. С. 178 (Kleszcz) и 234 (Leszcz).
37. Цит. по: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К–Крагуяр). М., 1980. С. 169 (Клець).
38. См.: *Арциховский А.В.* и *Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. С. 54, 55.
39. См., например: Там же; *Жуковская Л.П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959. С. 73; *Черепнин Л.В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 235.
40. См.: *Куза А.В., Медынцева А.А.* 1) Л.В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник // Советская археология. 1972. № 1. С. 308–309; 2) Заметки о берестяных грамотах // Нумизматика и эпиграфика. XI. М., 1974. С. 222–223.
41. *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 120 (§ 34).
42. *Арциховский А.В.* и *Борковский В.И.* Указ. соч. С. 56.
43. *Жуковская Л.П.* Указ. соч. С. 73.
44. *Арциховский А.В.* и *Борковский В.И.* Указ. соч. С. 55.
45. *Жуковская Л.П.* Указ. соч. С. 120.
46. Жалованная разводная грамота московского великого князя Ивана Васильевича волоцкому князю Борису Васильевичу о разводе великокняжеской Новгородской земли с «вотчиной»

- Бориса Васильевича, землей Ржевской. 1483 г. Подлинник // ДДГ. № 77. С. 292.
47. Н.Н. Воронин обращал внимание на незначительность уловов леща в *Плещеевом* озере, приводя данные за 1927 г. (см.: *Воронин Н.Н.* Указ. соч. С. 139, прим. 8). Однако эти данные нельзя считать показательными для характеристики *Клещина* озера применительно к эпохе, удаленной от нашего времени более чем на 1000 лет.
  48. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М., 1961. С. 183, 185, 198–199; *Третьяков П.Н.* 1) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.–Л., 1966. С. 297, 299–300; 2) У истоков древнерусской народности... С. 123–131; *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 189.
  49. См. первую статью в этом сборнике С. 45–69.
  50. Тверской летописный сборник... Стб. 259.
  51. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. Ч. I. СПб., 1910 (репринт: М., 2005). С. 131.
  52. Никоновская летопись... Т. IX... С. 256.
  53. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (*Уваровская летопись*) // ПСРЛ. Т. XXVIII. М.–Л., 1963. С. 38, 195.
  54. Лаврентьевская летопись... Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927 (репринт: М., 1962; М., 1997). Стб. 379.
  55. Новгородская Карамзинская летопись... С. 105.
  56. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 86.
  57. Тверской летописный сборник... Стб. 315.
  58. Никоновская летопись... Т. X... С. 68.
  59. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 110 (под 1214 г.).
  60. Никоновская летопись... Т. X... С. 123.
  61. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 78, 294–295.

62. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 134 (под 1241 г.).
63. Никоновская летопись... Т. X... С. 139.
64. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 142.
65. Вологодско-Пермская летопись... С. 86 (под 1251 г.).
66. Книга степенная царского родословия... Ч. I... С. 248.
67. Там же. Ч. II. СПб., 1913. С. 348.
68. *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности... С. 131–132, 133.
69. Лаврентьевская летопись... Вып. 3. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Л., 1928. Стб. 494.
70. Там же. Вып. 2... Стб. 464.
71. Жалованная грамота московского великого князя Василия Васильевича в Троице-Сергиев монастырь об условиях рыбной ловли монастырскими рыбаками. [1432–1445 гг.]. Список середины XVI в. // АСВР. Т. I. М., 1952. № 92. С. 76.
72. Жалованная уставная грамота московского великого князя Василия Ивановича переяславским рыбакам. 1506 г. По публикации с подлинника // Там же. Т. III. М., 1964. № 25. С. 44.
73. Сотная выпись из писцовых книг на Переяславскую рыболовную волость. 1562 г. Подлинник // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией. Т. I. 1294–1598 гг. СПб., 1836. № 261. С. 288.
74. Там же. С. 288–289.
75. Опись домово́й казны патриарха Иоасафа (выдержки). 1634 г. // АФЭХ. Ч. III. М., 1961. Дополнения, № 9. С. 373.
76. Опись домово́й казны патриарха Никона (выдержки). 1658 г. // Там же. Дополнения, № 10. С. 375.
77. Грамота царя и великого князя Федора Алексеевича переяславскому воеводе В.А. Кроткому. 1676 г. Подлинник // Акты, собранные в библиотеках и архивах... Т. IV. 1645–1700. СПб., 1836. № 210. С. 283.
78. Двинской летописец // ПСРЛ. Т. XXXIII. Л., 1977. С. 199.

79. *Арциховский А.В. и Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.)... С. 34.
80. Московский летописный свод конца XV в. ... С. 114.
81. Там же. С. 141–142.
82. Там же. С. 182.
83. Там же. С. 280.
84. Жалованная грамота московского великого князя Василия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Зиновию на право покупки тяглого двора в г. Переяславле Залесском. [1432–1445 гг.]. Список середины XVI в. // АСВР. Т. I... № 105. С. 84.
85. Грамота с прочетом московского великого князя Ивана Васильевича в Переяславль Залесский к таможенникам о невзимании пошлин с людей Троице-Сергиева монастыря. [1462–1466 гг.]. Подлинник // Там же. № 311. С. 222.
86. Жалованная грамота московского великого князя Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону по вопросам, касающимся судебных порядков. 1473 г. Подлинник (отрывок) // Там же. № 417. С. 306.
87. Грамота московского великого князя Ивана Васильевича в Переяславль Залесский и окрестные села с запрещением сечь для строительных нужд лес, принадлежащий Троице-Сергиеву монастырю. 1479 г. Список 1641 г. // Там же. № 469. С. 356.
88. Грамота с прочетом московского великого князя Ивана Васильевича мытникам о беспошлинном пропуске людей и саней с митрополичьим товаром. 1499 г. // АФЗХ. Ч. I. М., 1951. № 293. С. 249.
89. Жалованная несудимая грамота дмитровского князя Юрия Ивановича игумену Переяславского Никольского монастыря Мисаилу на приписной Покровский монастырь и на ряд населенных пунктов в Дмитровском уезде. 1509 г. Список XIX в. // АСВР. Т. III... № 95. С. 131.

90. Жалованная тарханная и с другими привилегиями грамота царя Ивана Васильевича митрополиту Афанасию на Борисоглебскую слободку в Переяславском уезде. 1564 г. // АФЭХ. Ч. I... № 223. С. 197–198.
91. Там же. С. 198.
92. Указная с прочетом грамота царя и великого князя Бориса Федоровича переяславскому губному старосте Мордвину Большому с подтверждением прав Симонова монастыря на владение перевозом на р. Нерли. 1599 г. Подлинник // АФЭХ. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613). Л., 1983. № 216. С. 263.
93. Отписка воеводы Ю.А. Долгорукова в приказ Казанского Дворца о политической обстановке, складывающейся в Арзамасском и Нижегородском уездах. 1670 г. Подлинник // Н. Новгород в XVII веке. Сборник документов. Горький, 1961. № 123. С. 173.
94. *Щекатов А.* Указ. соч. Ч. III... Стб. 563; Ч. IV... Стб. 1168.
95. Лаврентьевская летопись... Вып. 1... Стб. 10; Ипатьевская летопись... Стб. 8.
96. См.: *Белякова М.М.* Житие блаженного Петра, царевича Ордynского: история текста // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2009. С. 71.
97. Подробнее об этом см. первую статью в данном сборнике. С. 72–74.
98. *Дубов И.В.* Города, величеством сияющие... С. 113.
99. Атлас Российской империи. СПб., 1792. Карта Владимирского наместничества (с. 30).
100. *Щекатов А.* Указ. соч. Ч. IV... Стб. 1168.
101. См., например: *Семенов П.* Словарь Российской империи. Т. IV. Вып. 1. ПА–ПОЛ. СПб., 1868. С. 128; *Березин И.Н.* Русский энциклопедический словарь. Отд. III. Т. IV. СПб., 1876. С. 148; Энциклопедический словарь (Ф.А. Брокгауза и

- И.А. Ефрона). 46. СПб., 1898. С. 879; Большая советская энциклопедия. Изд. 2. Т. XXXIII. 1955. С. 255; и др.
102. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. V–VI. М., 1989. С. 313; Кн. VII. То же. Т. XIII–XIV. М., 1991. С. 435, 436, 457.
  103. См., например: *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. II. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 28, 29, 30, 130, 141, 143, 145, 147, 333, 358 и др.; *Смирнов М.И.* Переяславль-Залесский. Его прошлое и настоящее... С. 6, 10, 133, 134, 139, 141, 144, 207, 208, 220 и др.; *Иванов К.И.* Указ. соч. С. 3, 4, 11, 26, 43, 44, 50, 52, 54. 130 и др.
  104. *Свирелин А.* О названиях Переславского озера... С. 343–344.
  105. *Беляев И.В.* Заметки и поправки // ИВ. 1902, август. С. 1048.
  106. *Щекатов А.* Указ. соч. Ч. IV... Стб. 1168.
  107. *Смирнов М.И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее... С. V.
  108. Там же. С. 142.
  109. АСВР. Т. II... С. 569 (прим. 475а).
  110. Разъезжая грамота московского великого князя Ивана Васильевича князю Юрию Ивановичу на города Дмитров, Рузу, Звенигород с московскими станами и волостями. 1504 г. Список XVI в. // ДДГ. № 95. С. 392.
  111. Духовная грамота царя Ивана Васильевича. 1572 г. Копия начала XIX в. // Там же. № 104. С. 441.
  112. Там же.
  113. Там же. С. 442.
  114. Жалованная кормленая грамота московского великого князя Ивана Васильевича Ивану Григорьевичу Осоке (Травину) на управление Хлебнем, Дорогочевым, половиной Нагорья. [Ок. 1495–1505] гг. Копия XVIII в. (?) // АСВР. Т. III... № 182. С. 197.
  115. Там же, прим. 2.

116. Употребленная здесь глагольная форма «**прѣминѣж**», часто встречающаяся (как правило, в несколько иной орфографии: **прѣминоуѣ**, **прѣминѣуѣ**, **прѣминѣѣ**, что, конечно, сути дела не меняет) в параллельных чтениях дошедших до нас списков «Киево-Печерского Патерика», обычно ставила исследователей в тупик. Это породило ряд весьма экзотических переводов начальной части первой фразы посвященного иноку Кукше рассказа: «*Как добровольно можно умолчать об этом блаженном черноризце...*» (см.: Памятники литературы Древней Руси. XII в. М., 1980. С. 495), «*Не имею права обойти вниманием этого блаженного и святого мученика...*» (см.: Древнерусские патерики. М., 1999. С. 129). Впрочем, чего-либо другого в данном случае трудно было бы и ожидать, поскольку форма **прѣминѣуѣ** принималась за вполне исправную. На самом же деле эта форма, в какой бы орфографии она ни была использована, отражает порчу текста. Дело в том, что позднейшие редакторы или переписчики далеко не всегда адекватно воспринимавшие созданный в гораздо более раннее время текст «Патерика» и нередко воспроизводившие его механически, непроизвольно заменяли формой **прѣминѣуѣ** совершенно исправную форму **примѣнѣю**, которая, несомненно, читалась во многих не дошедших до нас более древних списках памятника, восходя к тексту Симонова послания. Не случайно именно форма **примѣнѣю** и находится в интересующем месте Арсениевской редакции «Киево-Печерского Патерика», древнейшей из сохранившихся (соответствующий текстовый фрагмент приведен далее в основном тексте статьи). Очевидно, что глагольная форма **примѣнѣю** (в инфинитиве, следовательно, **примѣнѣити**) является производной формой от глагола **мѣнѣити** с приставкой **при-** и означает «вспомню», «припомню», «упомяну». Поэтому и правильный перевод начальной фразы в рассказе о монахе Кукше должен быть таким: «*Вспомню и этого блаженного и святого мученика...*» или «*Упомяну и об этом блаженном и святом мученике...*».

117. Нижегородский историко-архитектурный музей-заповедник. Инв. № Гом 13216 (Киево-Печерский патерик, список второй четверти XVI в.). Л. 167об.–168.
118. См., например: ПКПМ. СПб., 1911. С. 81; Древнерусские патерики... С. 27.
119. Вместо ошибочно внесенной формы «*Никоне*» здесь нужно читать *Пимине*. Подробнее об этом см.: *Русинов В.Н.* Послание епископа Симона к иноку Поликарпу и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы. Сборник научных трудов. Н. Новгород, 2002. С. 187–189.
120. См.: ПКПМ. С. 182.
121. По поводу отраженного текстом Арсениевской редакции искажения (Купша вместо Кукша) может возникнуть вопрос о том, почему в имени Кукша только вторая буква к была принята за букву п, а первая не обнаружила тенденции к подобной путанице. Но следует учитывать, что смешение букв к и п при прочтении полууставных или скорописных текстов не могло происходить с какой-то абсолютной неотвратимостью. К тому же при смешении обеих букв к с п в антропониме Кукша получилось бы явно нелепое имя Пупша. Вероятно, это и благоприятствовало сохранению начального к в данном случае.
122. См.: *Найденов Н.А.* Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1884. С. 28.
123. Грамота царя и великого князя Федора Алексеевича переяславскому воеводе В.А. Кроткому... С. 282.
124. Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. СПб., 1907. Отдел II. Указатель географический. С. 147.
125. Новгородская Карамзинская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 211.
126. Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. Указатель географический. С. 11; Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872 или 1897. Указатель географический. С. 34; Летописный

- сборник, именуемый летописью Авраамки ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889 (репринт: М., 2000). Указатель географический. С. 42; Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910. Указатель географический. С. 232; Львовская летопись... Ч. II. СПб., 1914. Географический указатель. С. 670; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. Указатель географический. С. 306; Книга степенная царского родословия... Ч. II... Указатель имен географических. С. 699; Типографская летопись... Указатель имен личных и географических. С. 256; Лаврентьевская летопись... Вып. 3. Л., 1928. Указатели. II. Географический. С. 560; Троицкая летопись // *М.Д. Приселков*. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.–Л., 1950. Указатель географических названий. С. 503.
127. Ипатьевская летопись... М., 1998. Географический указатель. С. XL; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Указатель географических и этнических названий. С. 570.
128. Никоновская летопись... Т. XIV. Вторая половина. Указатели к Никоновской летописи. Пг. 1918 (репринт: М., 2000). Указатель географический. С. 206; Московский летописный свод конца XV в. ... Указатель географических наименований. С. 436; Вологодско-Пермская летопись... Указатель. С. 395; Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. ... Указатель географических наименований. С. 400; Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)... Указатель географических наименований. С. 391; Владимирский летописец... Указатель географических и этнических наименований. С. 222; Холмогорская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 234.
129. Радзивилловская летопись... Указатель географических и этнических названий. С. 174, 175; Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр... Указатель географический. С. 409, 411; Летописец Переяславля Суздальского (Ле-

- тописец русских царей)... Географический указатель. С. 159, 161.
130. Радзивилловская летопись... С. 13; Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр... С. 5.
131. Новгородская четвертая летопись... Т. IV. Ч. I. Указатель географический. С. 670; Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. ... Указатель географических наименований. С. 400; Пискаревский летописец... Указатель географических названий. С. 295, 296.
132. Сокращенный летописный свод 1493 г. Сокращенный летописный свод 1495 г. ... С. 175, 310.

КОНВОЛЮТ ИЗ СОБРАНИЯ РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ КНИГ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

И.Ю. Абрамова

В составе собрания рукописей и редких книг фундаментальной библиотеки Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского хранится объемистая рукописная книга¹, по составу представляющая собой конволют.

Для первоначального знакомства с книгой целесообразно дать ее краткое описание.

Книжный блок рукописи не держится в переплете. Корешок переплета частично утрачен. Переплет представляет собой доски, обтянутые темно-коричневой кожей, на досках имеются скосы. Размер крышек переплета: 31,5×20 см. Признаков тиснения на коже нет. Отсутствуют и признаки крепления на обеих крышках каких-либо деталей, защищавших переплет от изнашивания. Всего в книге пронумеровано 559 листов. Нумерация выполнена в конце XX в. простым карандашом. Признаки изначальной нумерации на листах книги отсутствуют. На всех листах текст написан чернилами темно-коричневого цвета.

Основная часть рукописи охватывает лл. 17–528 об., на которых читается рукописный текст Пролога за март–август, написанный полууставом. На л. 17 помещена нарисованная чернилами изящная заставка, отражающая главным образом черты неовизантийского стиля. Проложные чтения на каждый из шести указанных месяцев открываются большим богато украшенным инициалом, а подразделы в тексте снабжены рядовыми буквица-ми. Все инициалы выполнены красной краской. На значительной

части листов прочтение текста затруднено ввиду того, что чернила в строках расплылись. Некоторые листы не держатся в книжном блоке.

На лл. 17–26 по нижнему полю читается запись, сделанная скорописью XVII в. Она может быть передана в таком виде (с неизбежными отступлениями от скорописной графики):

«Лѣта зрѣдѣ гдѣ марта въ кѣс^а кѣпнѣ снѣ кнѣгѣ глаголю прологъ с марта на полъ года староста цркннѣ патон софроно юрьевѣ на никольскіе денѣги на казенныѣ а денѣ далъ староста на твои кнѣгѣ прологъ три рубля московскі ходячнѣ а пописалъ снѣ кнѣгѣ цркннѣ днѣчѣ иванко антоно сынъ чюпоровѣ».

Смысл этой записи (с необходимыми пояснениями) заключается в следующем:

«Лета 7144 го году (т.е. 1636 г. от Р.Х.) марта в 26 день купил сию книгу, глаголемую пролог, с марта на полгода (т.е. в прологе охвачены месяцы с марта по август) староста церковный Пятый Софроню Юрьевых (т.е. старосту звали Пятый, его отца звали Софрон, и оба происходили из семейства Юрьевых) на казенные денѣги (очевидно, с. Никольского). А денѣг за ту книгу пролог староста заплатил три рубля московских ходячих. А запись на листах этой книги (о ее покупке, т.е. данную запись) сделал церковный дьячек Иванко Антонов сын Чупоровых».

На нижнем поле л. 27 имеется еще одна запись скорописью XVII в., сделанная в две строки:

«А то иван антоно поплѣ дьячества въ попомъ на красномъ бору у спаса а провищю котланнѣ».

Ее смысл таков:

«А тот Иван Антонов после завершения своей деятельности в качестве дьячка был попом на Красном Бору в Спас».

ской церкви. А прозвище у него (т.е. у Ивана Антонова) было *Костяной*».

Согласно приведенной выше первой записи, рукописный Пролог, на листах которого оставлена эта запись, был куплен церковным старостой Пятым Юрьевым в 1636 г. Из этого следует, что рукопись Пролога была изготовлена или тогда же, или несколько раньше, например в первой половине 30-х гг. XVII в. Данные филигранологического анализа не противоречат такому предположению.

К основной части рукописи, представляющей собой, как было показано, Пролог на март–август, в начале текста приплетено несколько листов (лл. 1–16об.), а в конце текста прибавлен еще значительный рукописный фрагмент (лл. 529–559об.). Оба присоединенные фрагмента написаны одним полууставным почерком на бумаге с одним и тем же водяным знаком. Следовательно, эти фрагменты являются отрывками текста какой-то другой рукописной книги, а вся описываемая рукопись, объединяющая под одним переплетом части самостоятельного происхождения, представляет собой конволют.

Содержание присоединенных к рукописному Прологу XVII в. в составе данного конволюта отрывков другой рукописи не оставляет сомнения в том, что они когда-то принадлежали тексту, являвшемуся также рукописным Прологом. Несомненно, соединению всех этих частей под одним переплетом способствовала их жанровая однотипность. Однако последовательность проложных чтений в присоединенных фрагментах нарушена, так как листы в них перепутаны, а некоторые утрачены. Первоначальная нумерация листов здесь также отсутствует, что является, скорее всего, следствием их обрезки при подравнивании книжного блока для его очередного переплетания. Текст на листах присоединенных фрагментов снабжен инициалами красного цвета.

Других деталей орнамента они не содержат. У части листов из-за попадания воды повреждены верхние правые углы, но текст здесь остался вполне сохранным.

Выявлена следующая картина расположения чтений по дням августовского Пролога в присоединенных частях, согласно современной нумерации листов рукописи:

4, 5, 6, 7, 8, 9 августа: лл. 545–558об.

10 августа: лл. 559–559об., лл. 1–2об.

11, 12, 13, 14, 15, 16 августа: лл. 2об.–16об., лл. 529–531

17, 18, 19, 20, 21, 22 августа: лл. 531–544об.

Следует иметь в виду, что текст проложных чтений за отдельные из указанных дней августа сохранился не полностью, поскольку листы в приплетенных частях конволюта были не только перепутаны, но частично также утрачены.

Как уже отмечалось, на листах приплетенных частей рукописи имеется один и тот же водяной знак. Это кувшинчик, позволяющий отнести приплетенные фрагменты, скорее всего, ко второй половине или концу XVI в. Таким образом, по времени происхождения они старше основной части описываемого конволюта. Не подлежит сомнению великорусское происхождение всех частей рукописи.

Именно присоединенные фрагменты стали объектом наблюдений в палеографическом, орфографическом, фонетическом и стилистическом аспектах. Основное внимание уделялось вопросам отражения в их тексте признаков так называемого «второго южнославянского влияния». Как известно, графические и орфографические признаки «второго южнославянского влияния», выделяемые разными авторами², отражаются в основном в сакральной литературе, особенно в литературе богослужебной, церковной, которая, по мнению многих исследователей, и служила для русского книжника источником «скрытой кодификации»

языка, «эталон-моделью», на который они опирались при создании норм собственного литературного языка.

1. Графические (палеографические) явления

1. Полууставный почерк, которым написан текст, имеет небольшой наклон вправо.

2. Буква В встречается в трех вариантах начертания: 1) обычном для русского полуустава (в), 2) четырехугольном (П), округлом (Ѡ). Чаще встречаются варианты в и П; вариант Ѡ характерен для инициалов, в ряде случаев начинающих проложные статьи.

3. Буква Е встречается в трех вариантах начертания: 1) обычном для русского полуустава (ѣ), 2) округлом (Ѥ), 3) несколько повернутом вниз и вправо (Ѧ). Вариант ѣ встречается гораздо чаще прочих; у варианта Ѥ нижняя половина обычно опущена ниже строки, а сам он характерен при обозначении сочетания звуков *je* в конце, а иногда и в начале слова, но применяется нерегулярно; вариант Ѧ изредка встречается при обозначении сочетания звуков *je* в начале или в конце слова, но употребляется тоже нерегулярно.

4. Буква З встречается в двух вариантах начертания: 1) обычном для русского полуустава (z), 2) округлом (3). По употребительности преобладает вариант 3; у этого варианта либо нижняя половина опущена ниже строки, либо (несколько реже) верхняя возвышается над строкой.

5. Буква Т встречается в двух вариантах начертания: 1) с опущенными до нижней границы строки отвесами «коромысла»

(тт), 2) с отсутствующей правой частью горизонтали (¬). Господствующее положение занимает вариант тт; вариант ¬ изредка применяется преимущественно в конечных частях строк, чтобы их окончания располагались более или менее на одной линии, и в этом случае выдается над строкой.

6. Буква ω («омега») встречается исключительно в варианте начертания с высокой средней частью (ω).

7. Буква ѣ («ять») встречается в двух вариантах начертания: 1) с обычной для русского полуустава высокой «мачтой» (ѣ), 2) с невысокой «мачтой» и опущенным до нижней границы строки левым отвесом «коромысла» (ѣ). По употребительности преобладает вариант ѣ.

8. В качестве выносных без титла используются буквы д (ḍ), ж (ḗ), з (ḗ), и (ḗ), л (ḗ), т (ḗ), х (ḗ), а с титлом только с (ḗ), иногда г (ḗ), к (ḗ).

Свойственный изучаемому тексту наклон почерка, наличие таких отмеченных выше вариантов начертания букв, как п и в (для буквы В), э и е (для буквы Е), з (для буквы З), тт и ¬ (для буквы Т), ω (для буквы «омега»), ѣ (для буквы «ять»), а также выносных букв без титл, является очевидным следствием «второго южнославянского влияния»³.

Имеет смысл указать еще на ряд графических явлений, представленных в привлеченном для наблюдений тексте и отчасти характеризующих индивидуальную манеру переписчика.

1. Буква О часто изображается, почти как а. Это можно объяснить более удобным и быстрым начертанием а, нежели о.

2. Буква У, кроме обычных вариантов начертания (диграф оу, лигатура ѣ), часто пишется как оу. Применение этого варианта тоже способствовало убыстрению темпа письма. Варианты оу

и ѝ отличаются приблизительно одинаковой и при этом высокой употребительностью. По сравнению с любым из них употребительность варианта оу примерно в 2,5–3 раза ниже. Вариант у в исследуемом тексте не зафиксирован.

3. Лигатуры (если не считать лигатуру ѝ) используются лишь в единичных случаях.

II. Орфографические явления

1. Употребление в редких случаях буквы ж («юс большой») для передачи звука у. Всего таких случаев зафиксировано 4: «слово ѿ патерика еже не осжжати» (л. 11об.) (ср.: «осжжати»), «сѣ бо ѿвергъ клантиса стѣки и единосоуцнїи троици. ѿцѣ и снѣ // и стѣмоу дѣж и коумиромъ сѣ кланаше» (л. 537–537об.) (ср.: «дѣж»), «моужъ бо рече не искоусенъ и не ключимъ къ вѣж» (л. 544) (ср.: «вѣж»), «и тѣ вѣж дрѣги члѣки сотвораетъ» (л. 548об.) (ср.: «вѣж»).

2. Обычное написание букв ѣ или ѥ после плавных слогообразующих р, л (употребление сочетаний рѣ, рѥ, лѣ, лѥ): «межи жерла и пламени страшнаго оумръшиїи моужъ столше привязанъ» (л. 7) (ср. «оумръшиїи»), «и гровѣ ѿверстѣ бѣвшѣ» (л. 12об.) (ср.: «ѿверстѣ»), «жрътвѣ со многими творѣ слезами» (л. 14) (ср.: «жрътвѣ»), «и заповѣдавъ сице всакомоу и входашемѣ прѣвѣ бжѣтвенѣи конѣ поклонитиса» (л. 16) (ср.: «прѣвѣ»), «ѿ нѣ же вземъ единъ ремень и врьже на лице антипатрѣ» (л. 531об.) (ср.: «врьже»), «и ножѣ его горѣ трѣчаци» (л. 537 об.) (ср.: «трѣчаци»), «сѣтоуѣ и долоу поникъ безъ дръзновенїа» (546об.) (ср.: «дръзновенїа»), «идѣ же книги

дѣлъ на // шй ѿтворъзѣтсѧ» (л. 546об.–547) (ср.: «ѿтворъзѣтсѧ»), «оубоитсѧ вѣд. то не аки оумирающаго зѣври ли плъзющаго гада» (л. 548) (ср.: «плъзющаго»), «не дръзнѣтъ прикоснѣтисѧ дѣши» (л. 548) (ср.: «дръзнѣтъ»), «и ѿврьзше и обрѣктоша двѣ цници ѿкованѣ» (л. 552) (ср.: «ѿврьзше») и др. Несколько реже в подобных случаях встречаются восточнославянские по происхождению сочетания типа ер: «и всакоу зловоу ѿверземъ ѿ себе» (л. 11об.) (ср.: «ѿверземъ»), «и в горашюю пещь вверженъ вгысть» (л. 531об.) (ср.: «вверженъ»), «такъ хотѧ изгыти къ держащимъ црѣвь» (л. 537об.) (ср.: «держащимъ»), «и живши же съ оулириемъ жерцемъ идольскимъ» (л. 542) (ср.: «жерцемъ»), «первіе же слоуженію и льсти идольстїи прилежаше» (л. 542об.) (ср.: «первіе»), «также нами съдѣлана идѣ же рѣка ѿгнена и червь неоусыпающъ» (л. 546 об.) (ср.: «червь»), «и отъ земля на нѣбо съ дерзновеніемъ приводить» (л. 548об.) (ср.: «дерзновеніемъ»), «и не имѧхѣтъ емѣ вѣрты каменосердечное племя жидовское» (л. 549 об.) (ср.: «каменосердечное»), «самъ гѣ своимъ перьстѣмъ написавъ» (л. 550) (ср.: «перьстѣмъ») и др.

3. Употребление в некоторых случаях буквы з («зело») для передачи звука з: «и вѣ волѣзнь его люта зѣло» (л. 1об.) (ср.: «зѣло»), «баше же в коньстантинѣ градѣ члѣкъ славенъ зѣло и богатъ» (л. 6об.) (ср.: «зѣло»), «тѣмъ по мнозѣхъ вопросѣхъ и ѿвѣ // техъ. и вїенъ вгысть по плещема и по ребромъ» (л. 10об.–11) (ср.: «мнозѣхъ»), «слышавше во авгарь едескїи князь» (л. 15об.) (ср.: «князь»), «миронъ хѣтъ мчнѣкъ вѣ при декїи цари. и // при антипатрѣ кнѣси аханстѣ» (л. 531–531об.) (ср.: «кнѣси»), «дръзнѣвъ по хѣ и строганъ вгысть зѣло и по семъ

перьстьни горлаши пріятъ на перьстехъ» (л. 538об.) (ср.: «сѣло»), «шбогати чѣка сѣло ница вѣвша» (л. 539об.) (ср.: «сѣло»), «люте во сѣло вѣѣ оувѣзшемъ хрѣіанинъ сѣ нарицати» (л. 543) (ср.: «сѣло»). «страсть стѣго мѣнка агафоника и дрѣжингы его. зотника. синона и вѣолѣпа» (л. 544об.) (ср.: «синона»), «и не покорьса и повѣшенъ вѣѣ за носѣ» (л. 554об.) (ср.: «носѣ») и др. Следует заметить, что слово сѣло в исследуемом тексте употребляется исключительно с буквой ѕ в начале. Однако в иных словах оказывается возможным использование не только буквы ѕ, но и з: «и приведенъ же вѣвѣ ко князю и не покоривса пожрети» (л. 2об.) (ср.: «князю»), «и пріиде во едестъ къ авгарю мѣстномуу князю» (л. 539) (ср.: «князю»), «и антоупатъ написавъ ко князю кизическѣ атію» (л. 542) (ср.: «князю»), «и поимъ же ихъ царь и пріиде на село рѣчное и оуби стѣго зинона и вѣолѣпа» (л. 544об.) (ср.: «зинона»), «оубоитеса братіе вѣга и кнѣзѣ. и развѣе тою иного не оустрашаитеса» (л. 548) (ср.: «кнѣзѣ»), «шни во вопрошають чѣкъ. гдѣ естъ князь и когда пріидѣ» (л. 553) (ср.: «князь»).

4. Употребление сочетания букв кс, а не буквы ѣ («кси») для передачи сочетания согласных кс в именах греческого происхождения: «максимъ стѣни вѣѣ во црѣво коньстантина брадатаго» (л. 8об.) (ср.: «максимъ»), «тѣѣ вѣѣ при максиміанѣ цари саномъ воинъ» (л. 10об.) (ср.: «максиміанѣ»), «и шклевета и къ максиміанѣ царю» (л. 10об.) (ср.: «максиміанѣ»), «тако же ми сказа фиксѣ епископъ» (л. 532об.) (ср.: «фиксѣ»), «повѣдахъ намъ ш стѣемъ аполинарѣ папѣ александръстѣмъ» (л. 539об.) (ср.: «александръстѣмъ»), «тако вѣѣ нѣкто въ александриі оуноша» (л. 539об.) (ср.: «александриі»), «та вѣѣста при

максиміанѣ цари» (л. 542) (ср.: «максиміанѣ»), «в тои же днѣ
страсть ст҃го мч҃ника. александра» (л. 542об.) (ср.: «александра»),
«и разѣмѣвъ царь максиміи҃нъ тако крѣтилъсѧ елферіи» (л. 545)
(ср.: «максиміи҃нъ»), «ѡ ст҃ѣмъ же ксаньферіи слоуги вземше
тѣло ст҃го погребоша» (л. 554 об.) (ср.: «ксаньферіи»), «ксоустѣ
ѡ афинъ прише в римъ» (л. 559) (ср.: «ксоустѣ») и др.

5. Преобладание употребления буквы ѡ («омега») над упот-
реблением буквы о при передаче звука о в начале слова: «и а҃ко
же ѡбитавъ оу некоего дѣлателя х̄олобива» (л. 3) (ср.: «ѡби-
тавъ»), «не во инако хоцеть соудити х̄с въ днѣ ѡнъ» (л. 4об.)
(ср.: «ѡнъ»), «и пріиде къ ст҃омоу кротѣе ѡвчати» (л. 6) (ср.:
«ѡвчати»), «и вземъ водѣ маркелъ и ѡбти ю и покропи ѡкрѣтъ
храма» (л. 9) (ср.: «ѡбти», «ѡкрѣтъ»), «тако оунъ съ не стерпѣ
пророческаго ѡбличеніа» (л. 10об.) (ср.: «ѡбличеніа»), «да ни-
кто же васъ ѡбленитсѧ приити на похвалоу пресѣтѣа влѣща
нашеа вѣа» (л. 11об.) (ср.: «ѡбленитсѧ»), «и ѡкопавъ вжѣтвенѣ
иконѣ ѡврѣте невреженѣ» (л. 16об.) (ср.: «ѡкопавъ», «ѡвр-
ѣте»), «и по селмъ строганъ вгыеть по ѡдраней плоти» (л.
531об.) (ср.: «ѡдраней»), «и на одрѣ желѣзни распостерта
вгыета» (л. 532об.) (ср.: «одрѣ»), «ѡ оуности пріимъ мни-
шескіи ѡбразъ» (л. 545) (ср.: «ѡобразъ»), «в нетленноюю ѡдежѣ
ѡвлѣкоу вгы» (л. 550) (ср.: «ѡдежѣ», «ѡвлѣкоу»), «они же
шеше каменіемъ посѣша и со двѣма оучнѣкома его» (л. 551) (ср.:
«они»), «и ѡврѣтоша преже на оустѣи пещерѣы ковчегъ ѡлован-
нъ» (л. 552) (ср.: «ѡврѣтоша», «ѡлованнъ»), «миронъ ст҃ѣи
ейкпъ вгыеть ѡ критьскаго ѡстрова» (л. 553об.) (ср.:
«ѡстрова»), «и ѡбличати дшю свою» (л. 553 об.) (ср.:

«ωбличати»), «и забуи двѣри гвоздїемъ и сотвори ωконце мало» (л. 555об.) (ср.: «ωконце»), «да во время ωбѣда прѣстаноуть прѣ гадѣшими» (л. 557об.) (ср.: «ωбѣда»), «оуже много бѣга сътворихъ има ωдѣнїемъ и пищею» (л. 558об.) (ср.: «ωдѣнїемъ»), «онъ же разгнѣвався и верже и в темницу» (л. 559) (ср.: «онъ»). Многочисленные факты употребления буквы ω для передачи звука о в начале слова могут свидетельствовать об отражении в изучаемом тексте влияния орфографии греческой письменности. Вместе с тем следует указать и на случаи вариативного написания одних и тех же слов: то с о, то с ω в начале: «хощѣ творити во свой сїаще око твое лоукавно» (л. 2 об.) (ср.: «око»), «ибо ωчима томъ жены оувидиши моужа» (л. 4 об.) (ср.: «ωчима»), «и тако ωгнемъ прогоними блхѣ» (л. 529) (ср.: «ωгнемъ»), «и огневи погнѣщенѣ исподи по нею» (л. 559 об.) (ср.: «огневи») и др.

6. Факты этимологически верного употребления буквы ѳ («фита») для передачи звука ф в некоторых заимствованных именах собственных при наличии фактов этимологически неверного употребления буквы ф в тех же самых именах: «маркелъ сцѣнноличнкъ вѣ при ѳеодосїи црїи» (л. 9) (ср.: «ѳеодосїи»), «и восташа стїи при ѳеодосїи црїи спавше .тї. и .бѣ. лѣта» (л. 551 об.) (ср.: «ѳеодосїи»), «и инѣ много царевъ измѣнися до ѳеодосїа црѣ» (л. 561 об.) (ср.: «ѳеодосїа»), «послаша же вѣсть црю ѳеодосїю. ѳеодосїи же с радостїю прїиде вѣ ефесъ» (л. 552) (ср.: «ѳеодосїю», «ѳеодосїи»). В обоих имеющихся в тексте случаях упоминания имени ѳеодоръ первый согласный изображен как ф, то есть этимологически неверно: «прїиде нѣкїи мнїи к великомуѣ ѳеодорѣ ферьскомѣ» (л. 11об.) (ср.: «ѳеодо-

рѣ»), «сѣгаго личѣка Феодора града того ѿпѣка» (л. 542об.) (ср.: «Феодора»). В иных именах или производных от них словесных формах буквы ѣ и ф оказываются взаимозаменяемыми: «слово ѿ житїа нифонтова ѿ сребролюбци» (л. 1) (ср.: «нифонтова»), «и глѣ аггелъ многа имать ѿ нифонте но сребролюбецъ» (л. 1) (ср.: «нифонте»), «и глѣ нифонтъ ки[мѣ] смысломи ставлѣется стѣвѣсть его» (л. 1) (ср.: «нифонтъ»), «и глѣ к немѣ аггелъ послѣшай мене нифонте скажю ти» (л. 1) (ср. «нифонте»), «страсть стѣи личѣкъ флора и лавра» (л. 533об.) (ср.: «флора»), «флоръ и лавръ вѣста ѿ едином оутробы рожьса» (л. 533об.) (ср.: «флоръ»). Подобные явления встречаются и в географических названиях: «дектїи царь вниде в ефесъ ѿ картагенскаго града» (л. 551) (ср.: «ефесъ»), «тогда же быша си стѣи .ѣ. ѿтрокъ во ефесѣ старѣшинъ градкѣи снѣве» (л. 551) (ср.: «ефесѣ»), «и глѣша еда не се есть ефесъ» (л. 552) (ср.: «ефесъ»). Иногда в названии города ефесъ и производных от него на месте буквы ѣ выступает буква д: «принесенїе нерѣкотворенаго ѿвразѣ гѣ нашего їс хѣ. ѿ едеса въ црѣ градъ» (л. 15) (ср.: «едеса»), «прїидоша перси хотѣще взѣти едесъ» (л. 16об.) (ср.: «едесъ»), «и дрѣжащаго тогѣ едескїи градѣ амира» (л. 529) (ср.: «едескїи»), «та вѣста при максимїанѣ цари. въ едесѣтѣмигъ градѣ еладѣстѣмигъ» (л. 542) (ср.: «едесѣтѣмигъ»), «и слышавъ дектїа ѿпѣть пришеша въ градѣ едесъ» (л. 551об.) (ср.: «едесъ»). Причиной такого смешения служило, несомненно, низкое расположение горизонтальной части у буквы ѣ в каком-то более раннем списке Пролога, прямо или опосредованно послужившем в качестве протографа для исследуемого текста. Эта графическая особенность придавала букве ѣ сходство с буквой д,

что благоприятствовало восприятию ϕ как д. Определенную роль при этом сыграло также отсутствие у переписчика необходимых познаний по части греческой ономастики. Можно отметить и другие факты, отражающие разнобой в употреблении букв ϕ и ϕ : «исходитъ дѣтъ стѣни ѿ вѣа на приносимѣю стѣю просфирѣ» (л. 13об.) (ср.: «просфирѣ»), «в неи же за оуспошаа просфирты приность» (л. 532об.) (ср.: «просфирты»), «двѣ же оубо просфирѣ съ собою вземѣ» (л. 533) (ср.: «просфирѣ»), «и послужившему мѣжѣ просфирты даше» (л. 533) (ср.: «просфирты»).

7. Неожиданный разнобой при передаче гласного после согласного т в формах слова литургіа: «и кочнавшоу емѣ таннѣ стѣа литургіа» (л. 14) (ср.: «литургіа»), «по всѣ днѣ слоужаше бѣѣ стѣоу твора литургію» (л. 14) (ср.: «литургію»), «да советеса въ црѣвь на вечернюю и на оутрению и на литергію» (л. 547) (ср.: «литергію»), «и ѿ сего же есть размѣти. коль стѣа литургіа на помощь есть оумершимѣ» (л. 533–533об.) (ср.: «литургіа»).

8. Использование как сочетаний типа аа, іа, оа, ыа и тому подобных, создающих эффект «зияния», то есть утраты интервокального звука j перед звуком a , так и сочетаний типа аа, іа, оа, ыа и др., не создающих такого эффекта: «тогда издааше съкровища своа» (л. 1об.) (ср.: «издааше», «своа»), «да не дажѣ имѣніа своего никоמוу же» (л. 1об.) (ср.: «имѣніа»), «что оубо есть зависти шкааннѣши» (л. 2) (ср.: «шкааннѣши»), «мирьскаго житіа поученіе пріатѣ» (л. 9) (ср.: «житіа», «пріатѣ»), «да никто же васѣ шбленичса пріити на похвалоу пресѣа влѣца нашеа вѣа» (л. 11об.) (ср.: «пресѣа», «нашеа»), «и подаахѣтъ

ен вѣю финика еже есть почестъ» (л. 12) (ср.: «подаахъсть»),
 «страннѣя и нищѣа в домѣ своа пріѣмлюще» (л. 13) (ср.:
 «страннѣя», «нищѣа», «своа»), «и остасѣ нечестивѣи
 начинаніа» (л. 16) (ср.: «начинаніа»), «ѡветъ ѡ гѣа пріаѣтъ»
 (л. 14) (ср.: «пріаѣтъ»), «на различнѣ мѣстѣ авлаа вжѣтвенсю
 иконѣ» (л. 16об.) (ср.: «авлаа»), «и шеловѣзавѣ ихъ про-
 славлѣа члѣколюбца вѣа» (л. 552) (ср.: «прославлѣа»), «ѡваче
 хрѣтіанъ ради милѣвы всеѣ трѣжахъса» (л. 530) (ср.: «хрѣтіанъ»),
 «а есть мѣсто вѣщаа тебе и мене» (л. 530об.) (ср.: «вѣ-
 щаа»), «и ѡ идолослоуженіа ѡстѣпити велѣхъ» (л. 532) (ср.:
 «идолослоуженіа»), «и спѣсѣнѣя твора жертвѣы» (л. 533) (ср.:
 «спѣсѣнѣя»), «и да ѡиметсѣ ѡ мене діаволе хотѣніе» (л. 537)
 (ср.: «діаволе»), «не пребывайте аки и скоти безъ воздрѣжаніа
 ѡдѣще и піюще» (л. 542об.) (ср.: «воздрѣжаніа»), «и постав-
 ленъ вѣи прѣ оуліаномѣ на испытаніе» (л. 547) (ср.: «оулі-
 аномѣ»), «и поимъ прѣнаа своа оучѣки» (л. 548об.) (ср.:
 «прѣнаа», «своа»), «и в хѣдѣя мѣсто ризою же подасте ни-
 щемоу» (л. 550) (ср.: «хѣдѣя»), «потщимсѣ на покааніе» (л.
 550об.) (ср.: «покааніе»), «и вшѣше вѣ пещерѣ и шерѣтоша
 стѣя сѣдѣща» (л. 552) (ср.: «стѣя»), «аще // есть покааніе
 грѣшникомѣ» (л. 555–555об.) (ср.: «покааніе»), «и исповѣ-
 давъ себе хрѣтіана сѣща» (л. 557) (ср.: «хрѣтіана»), «ѡ вѣѣк во
 злѣи вса злаа гавлаютсѣа» (л. 558) (ср.: «злаа»), «ѡнъ же по-
 имъ колесница. хромѣя и слѣпѣяа всадивъ на на» (л. 559)
 (ср.: «хромѣя», «слѣпѣяа») и др. На основании даже этих
 примеров можно сделать вывод о том, что написания, отражаю-
 щие эффект «зияния», употребляются в исследуемом тексте при-

тъ: «ИСТАЖАЮЩЕ И АКО К ПЕРВОИ ЕГО ЛЮБОВЪ» (л. 5) (ср.: «ЛЮБОВЪ»), «МИРЪ И ЛЮБОВЪ МЕЖИ СОБОЮ ИМѢЩЕ» (л. 13) (ср.: «ЛЮБОВЪ»), «АЩЕ ЛЮБОВЪ ИМАТЕ МЕЖЪ СОБОЮ» (л. 535) (ср.: «ЛЮБОВЪ»), «ВО ВСѢХЪ ЛЮБОВЪ СТАЖИТЕ ЕЖЕ ЕСТЬ СОУЗЪ СЪ СВЕРШЕНІЮ» (л. 535об.) (ср.: «ЛЮБОВЪ»), «ДА ИМАТЬ КО ВСѢМЪ ЛЮБОВЪ» (л. 535об.) (ср.: «ЛЮБОВЪ»), «И ДАТИ ЕМЪ МАЛШЮ ЛЮБОВЪ НА ПИЩЪ» (л. 540) (ср.: «ЛЮБОВЪ») и др.

10. Изображение окончаний в формах глаголов настоящего и будущего простого времени второго лица единственного числа как посредством -ши, так и посредством -шь: «и по // томъ во болезнѣ впадѣши» (л. 1–1об.) (ср.: «впадѣши»), «и начнешь казѣтисѣ и глѣти» (л. 1об.) (ср.: «начнешь»), «и казѣсѣ не оуспѣешь ничтѣ» (л. 1об.) (ср.: «оуспѣешь»), «рци ми ꙗко и братѣ колико лѣтъ ты имаши в монастыри» (л. 3об.) (ср.: «имаши»), «плоть нескверненую поставиши прѣ вѣгомъ» (л. 3об.) (ср.: «поставиши»), «что ради такъ имѣѣсѣ жену трыпиши» (л. 5об.) (ср.: «трыпиши»), «что всоуе члѣе стонѣши» (л. 7) (ср.: «стонѣши»), «и подасть ти прошеніе твоего срѣца елико трыбѣши» (л. 535) (ср.: «трыбѣши»), «таже речеши ми не повѣмъ ни оуѣкътъ ѿ мене никто же» (л. 540) (ср.: «речеши»), «и рече емъ папа велю ти да возмѣши оу него три златници» (л. 540об.) (ср.: «возмѣши»), «да не прѣимѣши послѣшества ложна» (л. 543об.) (ср.: «прѣимѣши»), «рци намъ с кимъ бесѣдѣши ѿчѣ» (л. 545об.) (ср.: «бесѣдѣши»), «возлюбиши ꙗко бѣга своего ѿ всеѣхъ дѣл твоѣхъ» (л. 558) (ср.: «возлюбиши»), «и вѣдѣши долготенѣя на земли» (л. 558) (ср.: «вѣдѣши») и др. Следует, однако, иметь в виду, что глагольные формы настоящего и будущего простого времени, оканчивающиеся на -ши, по употребительности явно

преобладают над соответствующими формами, кончающимися на -шь, как это видно из приведенных примеров.

11. Употребление форм инфинитива, оканчивающихся как на -ти, так и на -тъ: «не велимиъ женѣ николю же поущати» (л. 4об.) (ср.: «поущати»), «полезниѣе есть тако пребывати не жели вторюю поимать мачехѣ» (л. 6) (ср.: «пребывати», «поимать»), «и не печется претити члѣкы аки шклевѣтанъ есть» (л. 8) (ср.: «претити»), «и повелѣ ити верхѣ гроба братна и прочесті ю» (л. 10) (ср.: «ити», «прочесті»), «егда возможесть мнихѣ оубѣжа // ти сеті дѣвола» (л. 11об.–12) (ср.: «оубѣжати»), «и разѣмѣ тако тоа ради винты не дасться емоу внити» (л. 530) (ср.: «внити»), «дѣкѣи царь вниде въ ефесѣ... моучитъ хрѣтианъ» (л. 551) (ср.: «моучитъ»), «и тѣ хожаше во граѣ коупитъ илѣ брашна» (л. 551об.) (ср.: «коупитъ»). Не вызывает сомнений, что формы инфинитива на -ти гораздо употребительнее форм на -тъ.

Такие отмеченные в этом разделе орфографические явления, как употребление буквы ѣ («юс большой») для передачи звука у, написание букв ѣ или ѣ после плавных слогообразующих р, л, использование сочетаний типа аа, іа, оа, ѣа и тому подобных, создающих эффект «зияния», и некоторые другие принадлежат к числу характерных следствий «второго южнославянского влияния»⁴.

III. Фонетические явления

1. Явное господство южнославянских неполногласных сочетаний (ра, ла, рѣ, лѣ) (в словах с приставкой прѣ- буква ѣ регу-

ляроно меняется на букву *ε*: прѣ->пре-) на месте восточнославянских полногласных (*оро, оло, ере, ело*): «ако толикоу враждѣ влечеши на свою главоу» (л. 4об.) (ср.: «враждѣ», «влечеши», «главоу»), «и хрѣ же вѣ во градѣ нечистаго дивса» (л. 9) (ср.: «хрѣ», «градѣ»), «преложи во *ε* снѣ и бѣ на мѣсто иде же самѣ вѣсть единѣ» (л. 12об.) (ср.: «преложи»), «празѣникѣ еѣ с похвалою и радостію чѣно твораше» (л. 13) (ср.: «празѣникѣ»), «и нѣкто идолослужитель пріимѣ власть града» (л. 16) (ср.: «власть», «града»), «и ѿтолѣ празѣняетъ цркви свѣтло бжтвеному вбразѣ вѣономужнаго зрака хѣѣ» (л. 529) (ср.: «празѣняетъ», «зрака»), «и хрѣианьскою вѣрѣ на свою леств пре-вратити хотѣще» (л. 529об.) (ср.: «превратити»), «но преже его вшешииѣ безѣ вреда того конѣ не вхожаше по правѣ» (л. 530) (ср.: «преже», «вредѣ»), «и стѣхранени вѣша безѣ вреда» (л. 532) (ср.: «стѣхранени», «вредѣ»), «и разѣмѣвѣ ликииѣ верже и вѣ кладѣзѣ глѣбокѣ» (л. 533об.) (ср.: «кладѣзѣ»), «а иже с нимѣ на четверограничѣ дровѣхѣ пригвожѣни вѣша по рѣки ихѣ» (л. 536) (ср.: «дровѣхѣ»), «и всю мракоту грѣховниѣ ѿгонитѣ» (л. 537) (ср.: «мракоту»), «хотѣщѣ емоу изыти из домоу своего и авѣ истече чрево его» (л. 537об.) (ср. «чрево»), «на дровѣ растѣженѣ вѣивѣ» (л. 538об.) (ср.: «дровѣ»), «и поѣсомѣ ражженомѣ препѣсанѣ вѣивѣ и претренѣ» (л. 538об.) (ср.: «препѣсанѣ», «претренѣ»), «како есть житіе его и нравѣ» (л. 544) (ср.: «нравѣ»), «сѣдѣть на трапезѣ и молѣса непрестанно» (л. 546) (ср.: «непрестанно»), «всѣмѣ намѣ вратие подѣлетѣ гавитисѣ прѣ сѣдищеиѣ хѣѣ» (л. 546 об.) (ср.: «прѣ»), «аки воинѣ воѣрѣженѣ стрѣжетѣ домоу» (л. 548) (ср.: «стре-

жетъ»), «и во мнишеское вѣдѣніе вблечеса» (л. 550 об.) (ср.: «вблечеса»), «и тѣѣ хожаше во градѣ коупити нитѣ брашна» (л. 551об.) (ср.: «градѣ», «брашна»), «идѣши же еиѣ къ градѣ. и видѣ вбратѣ чѣнаго крѣта оутверженѣ на вратѣ» (л. 551об.) (ср.: «градѣ», «вратѣ»), «и попленахѣ по // соухѣ» (л. 552об.–553) (ср.: «попленахѣ»), «и во пропасти земли прѣвѣваше постомѣ и млѣвою» (л. 554) (ср.: «прѣвѣваше»), «и на древе исѣченѣ бѣ по тѣлѣ мечи» (л. 554об.) (ср.: «древе»), «изгвѣше его воинѣ изгѣ вратѣ» (л. 554об.) (ср.: «вратѣ»), «око насмѣхающеса ѿцѣю и оукарущего старость мѣрнѣю да искиаютъ вранове» (л. 558об.) (ср.: «вранове»), «разѣи ницимѣ съсѣдѣи црѣвныа. ѿ глада гиблюшимѣ» (л. 559) (ср.: «глада»), «и простренѣ бѣ на сковрадѣ» (л. 559об.) (ср.: «сковрадѣ») и др. Восточнославянское полногласие зафиксировано лишь в двух случаях: «имѣаше же нѣкогда нивоу ривифѣа рекше гороухѣ» (л. 554) (ср.: «гороухѣ»), «трѣніе в гороухѣ мѣсто вземше ѿишоша» (л. 554) (ср.: «гороухѣ»). По всей вероятности, переписчик, из-под пера которого вышел исследуемый текст, или кто-то из его предшественников по копированию текста Пролога не имели представления о том, что слово *gorox* звучало по-церковнославянски как *грахѣ*. Этим и было обусловлено использование восточнославянской полногласной формы *гороухѣ*.

2. Представленность как южнославянского рефлекса *ж'д'*, так и восточнославянского рефлекса *ж'* на месте этимологического *dj: «и вѣдѣши тако развоинникѣ всоужаемѣ» (л. 4) (ср.: «всоужаемѣ»), «но творѣши таковаа съ прѣлювѣици в моукѣ всоужаютеса» (л. 4об.) (ср.: «всоужаютеса»), «его же пламень до вблакѣ восхожаше» (л. 7) (ср. «восхожаше»), «мирѣ

межю собою да имаиъ» (л. 11об.) (ср.: «межю»), «днѣ свобожа-
етса прабавнаа клѣтва сѣща на естествоѣ члѣчствѣмиъ» (л. 13)
(ср.: «свобожаетса»), «тѣ еѣ ѿ антиохїа роуѣса» (л. 547)
(ср.: «роуѣса»), «и видахѣ моѣси законодавца преже почивша»
(л. 549 об.) (ср.: «преже»), «в нетленноюю одежѣ свлекоу бѣи»
(л. 550) (ср.: «адежѣ»), «и хожахѣ при стѣнахъ съ причетники
мнихи» (л. 553) (ср.: «хожахѣ»), «и многожѣ имѣ ноуженѣ бѣи
ѿвращиса поклонїа стѣи иконѣ» (л. 553 об.) (ср.:
«ноуженѣ»). Иногда оба рефлекса находят отражение в рамках
ограниченного контекста: «и еже не блазнитиса надежею житїа
сего но подвигнѣтиса и долѣти надежа бо сїа жизни слабѣ
творитѣ помыслѣ» (л. 8 об.) (ср.: «надежею», «надежа»).

3. Наличие в тексте как написаний, отражающих оглушение
звонких согласных перед глухими, так и не отражающих этого
явления: «и по семѣ ис темници изведенѣ бѣи» (л. 3) (ср.: «ис
темници»), «аще ли достигнетѣ ны во злобѣ бес поканїа»
(л. 550об.) (ср.: «бес поканїа»), «тѣм же недостойно сдѣлѣти
слышати клеветѣ безѣ соудѣ и безѣ расмотренїа» (л. 543об.)
(ср.: «безѣ соудѣ»), «како гадѣщи брашно хранѣти аггели бес
похленїа и безѣ срамнѣ глѣ» (л. 557об.) (ср.: «бес похленїа»,
«безѣ срамнѣ»).

4. Немногочисленные факты написания и вместо е или ѣ
(«ять»): «но пребоудемѣ в любви истиннїи ѿ хѣ ісѣ» (л. 2об.)
(ср.: «истиннїи» вместо истиннѣи), «и пристѣпи къ стѣи и ко
страшнїи бжїи трапезѣ» (л. 13об.) (ср.: «страшнїи» вместо
страшнѣи), «и не достигнеши мене в семѣ мѣсти» (л. 533) (ср.:
«мѣсти» вместо мѣстѣи), «и самѣ андрѣи на водѣ желѣзни
распростертѣ бѣвѣ» (л. 536) (ср.: «желѣзни» вместо желѣз-

нѣ), «воуди всакъ члкъ скоръ на послушаніе. и медлинъ на гланіе» (л. 539об.) (ср.: «медлинъ» вместо медленъ), «первіе же слоуженію льсти идольстїи прилежаше» (л. 542об.) (ср.: «идольстїи» вместо идольстѣи), «и си оубо вѣша в нѣнѣшнелъ вѣци» (л. 548об.) (ср.: «вѣци» вместо вѣцѣ), «и молитвою же стѣла вѣдъ воскипи море и потопа корабля ѿ» (л. 553) (ср.: «воскипи» вместо воскипѣ) и др. В основе отмеченного явления лежит, скорее всего, какая-то нерегулярно проявлявшаяся диалектная особенность, свойственная речи переписчика.

IV. Явления в сфере стилистики

По утверждению многих исследователей, яркой особенностью текстов, отражающих «второе южнославянское влияние», была особая манера изложения, «плетение словес», или «извитие словес». Эта манера, организующая текст в целом, обладает рядом языковых признаков. Назовем самые существенные, с нашей точки зрения: 1) ритмизация текста, порождающая торжественность речи; 2) абстрагирование, которое, по мнению В.В. Колесова, становится, в частности у Епифания Премудрого, стилистическим приемом и «имеет конечной целью во всем "временном" и "тленном" увидеть знак "вечного", за случайностью прозреть сущность»⁶; 3) употребление сложных слов; 4) синонимика (явление синонимии в текстах «плетения словес» дополняется явлением полиномии; если синоним называет разные признаки одного понятия, то при полиномии предмет называется по разным его функциям); 5) применение оценочных эпитетов, которые служат для создания определенного настроения и подчеркивают «по преимуществу идеальный признак предмета, признак, со-

ставляющий его "вечный" и духовный смысл...»⁷; 6) различные стилистические приемы: повтор, перифраза, метафора, риторические вопросы; 7) большее тяготение к осложненным простым высказываниям (спектр явлений, осложняющих структуру простого предложения, кроме однородности, очень широк — это и распространенные обстоятельства, и приложения, и обращения, и т. д.)⁸; 8) активное использование конструкций с однородными членами, соединенными в ряды и расположенными иерархично⁹; 9) большая протяженность предложений, обуславливающая неясность грамматических связей внутри них; это подчинено цели создания текстов «плетения словес» — уже сама форма изложения должна вызывать благоговение, чувство трепета перед непознаваемостью сущности прославляемого святого¹⁰.

Если считать «плетение словес» ключевым стилем эпохи «второго южнославянского влияния», то любой текст, лежащий в рамках книжно-славянского типа русского литературного языка, должен подчиняться, и с точки зрения структуры, и с точки зрения употребления языковых средств, его правилам. Иначе либо исследуемый текст не лежит в рамках «идеологии» «второго южнославянского влияния», либо стиль «плетения словес» не является всеобъемлющим.

Исследование показало, что такие яркие и основополагающие черты, формирующие стиль «плетения словес» в качестве особой манеры письма и созвучные «второму южнославянскому влиянию», как ритмизация, стремление к абстрагированию, насыщенность тропами, усложнение синтаксической структуры, в исследуемых фрагментах августовского Пролога не представлены. Но все же некоторые элементы «извития словес» встречаются в его тексте. К таким элементам можно отнести:

1. Употребление сложных слов, построенных, так же, как и в текстах «плетения словес», с использованием произвольных ком-

ПОЗИТОВ: «МНОЖЕСТВО МАЛОМОЩИИ ПРОСАЩЕ ОУ НЕГО МЛТЪНИИ» (л. 1) (ср.: «маломощии»), «ВИДѢ СЕВѢТНОСНА. АГГЕЛА ПРИСТОУПЬША И К НЕМЪ ГЛЮЩА» (л. 7) (ср.: «СЕВѢТНОСНА»), «ТАКО ПО[И]СТИНѢ СМИРЕНОМОУДРЪИ. ШВИДИМЪ НЕ СМОУЩАЕТСА НИ ВОЗВѢЩАЕТЪ Ш ТОМЪ» (л. 8) (ср.: «СМИРЕНОМОУДРЪИ»), «И ВИДѢВЪ ЖЕ ЕДИНОВОЛНОЮЮ ЕРЕСЬ РАСТЪЩЪ» (л. 8 об.) (ср.: «ЕДИНОВОЛНОЮЮ»), «АМІАНЪ ЖЕ НѢКТО КОУМИРОЛЮВЕЦЪ И ПАКИ СВАЗА СЪГО» (л. 11) (ср.: «КОУМИРОЛЮВЕЦЪ»), «И ЖЕЛАШЕ СВОИМЪ ЛИЦЕМЪ БѢ ВИДѢТИ ТАКОВЪ ЖЕ ЧЮДЕСЪ САМОДѢТЕЛА» (л. 15 об.) (ср.: «САМОДѢЛАТЕЛА»), «И ПРЕЗРАЩЕ МАЛОГОНОЮЮ ЖИЗНЬ ЗНАЕМИ СОУТЬ БѢОВИ» (л. 543) (ср.: «МАЛОГОНОЮЮ»), «И АЩЕ БЛГОВѢСТЕНЪ И БЛГОВѢРЕНЪ ШВРАЩЕТСА. НО И ТАКО НЕ ИМѢТЕ ЕМОУ ВѢРЪ» (л. 543об.) (ср.: «БЛГОВѢСТЕНЪ», «БЛГОВѢРЕНЪ»), «И НЕ ИМАХЪТЬ ЕМЪ ВѢРЪ КАМЕНОСЕРДЕЧНОЕ ПЛЕМА ЖИДОВЪСКОЕ (л. 549 об.) (ср.: «КАМЕНОСЕРДЕЧНОЕ»), «СИ ЖЕ СЛЪШАЩЕ БРАТІЕ НЕ ШТАГЪЧИТЕ СРЦЪ ВАШЪ К МАЛОМОЩНЫМЪ» (л. 550) (ср.: «МАЛОМОЩНЫМЪ»), «ОУЖЕ ВО НЕ ВОУДЕТЬ ЛЪБ КААТИСА НИ МАЛОМОЩЕМЪ ПОМОЩИ НИ ЗАПОВѢДЕИ СЪБЛЮСТИ» (л. 550об.) (ср.: «МАЛОМОЩЕМЪ»), «ЗА МНОГЪЮ ДОБРОДѢТЕЛЬ ЕГО ВЕЛИКИМИ ЧЮДОТВОРНЪИМИ ДАРМИ ПРО // СЛАВИ И БГЪ ТАКО МЪРО МНОГОЦѢННО И КАДИЛО ПРІАТНО КЪ БГЪ ПРИНЕСЕНЪ ВЪ И С МИРОМЪ ПОЧИ» (л. 554–554 об.) (ср.: «ЧЮДОТВОРНЪИМИ», «МНОГОЦѢННО»). По этому признаку текст исследуемых фрагментов достаточно близок к текстам «плетения словес». Новым в них, как и в текстах «плетения словес», является то, что компонентами таких сложных слов становятся неустойчивые словосочетания. Однако как в «плетении словес», так и в изучаемых фрагментах Пролога, неологизмы создаются автором по подобию греческих, что является ярким признаком книжно-славянских текстов, а,

следовательно, лежит в рамках греческой книжной традиции в целом.

2. Немногочисленные случаи употребления тавтологических сочетаний: «авѣ оудавленіемъ себе оудавлю» (л. 4) (ср.: «оудавленіемъ... оудавлю»), «она же възрадовася радостію великою» (л. 12) (ср.: «възрадовася радостію»), «такъ всако слово пражно иже рекоуть члци ѿдадѣтъ ѡ немъ слово въ днѣ сднгии ѡсѣдишиса» (л. 539 об.) (ср.: «въ днѣ сднгии ѡсѣдишиса»), «та во ноужа принѣжаеть вѣа подавати жизнь» (л. 543) (ср.: «ноужа принѣжаеть»), «единою ѿ вѣа наоученъ и помысли чудно. помышленіе» (л. 540) (ср.: «помысли... помышленіе»), «такъ же в темнѣ пещерѣ свѣща просвѣщаетъ» (л. 563) (ср.: «свѣща просвѣщаетъ») и др.

3. Достаточно яркие примеры построения некоторых фрагментов на основе рядов однородных членов, встречающиеся в отрывках исследуемого Пролога, посвященных осуждению распостраненных людских пороков:

«Поучение св. Василия о зависти» (10 августа): «...зависть бо есть скорвь срѣю и тла дшї сѣшило тѣлоу и разореніе любви ко всемъ вража ѿлѣченіе родѣ спона добродѣтели. залогъ моученію лишеніе вжїа жизни. гѣвонѣ наслѣдіе...» (л. 2 об.);

«Поучение св. Иоанна Златоуста об умилении души» (12 августа): «...а соудїи гордъ на прѣлѣ сѣдѣа и книги разверзаемы. и дѣломъ тайнаа обличаема влѣженїа. любовдѣнїа. татѣты грабленїа лихонманїа. хѣлгы клеветы зависти развои чародѣкство. и вѣско вѣсчинїе...» (л. 7 об.);

«Поучение в канун преставления св. Богородицы» (14 августа): «...и всакоу злобоу ѿверземъ ѿ себе. горость и гнѣвъ кле-

ветѣ и блонѣ татѣ. пѣанство. несѣтство. та вса оставльше
страннѣа прѣимемѣ мирѣ же и любовѣ межи собою да имамѣ.
то во естѣ скончаніе закону и тѣмѣ сѣве бѣ наречемса...»
(л. 11об.);

«Поучение в день преставления св. Богородицы» (15 авгу-
ста): «...та во гависа швидимѣмѣ помощница. печалнѣмѣ за-
стѣпница. и скорбѣщѣ оутѣшеніе. и болѣшимѣ цѣлительница
правовѣрнѣмѣ оутверженіе. апломѣ похвала мчнѣкомѣ крѣпость
и стѣлемѣ нетленнѣи вѣнецъ...» (л. 13);

«Слово об узком пути, ведущем в жизнь, и о широком пути,
ведущем в муку вечную» (15 августа): «...а се широкѣи поутѣ
ведѣи в погивель. невѣрство и гордѣни величаніе и тщеславіе.
лѣность и пѣанство. швѣденіе блонѣ. и завистѣ клевета. и нена-
вистѣ. роптаніе и хѣла. и дѣгоубнаа грѣсть. и гнѣвѣ иже
шоужати ближнаго и симѣ прилагати грѣхѣ кѣ грѣхоу без-
аконіе кѣ безаконію всего же естѣ злѣе еже инѣхѣ шѣжати...»
(л. 14об.–15);

«Поучение о том, как полезно прибегать к церкви и просить
полезных у Бога» (18 августа): «...велитѣ во члѣкомѣ кѣ
црѣвамѣ аки кѣ пристаницоу ѿ вѣра притеци... ѿвреци же
всакѣ шоужѣ неправды // гнѣвѣ завистѣ. грѣсть. клеветоу. не-
навистѣ помненіе зла...» (л. 534об.–535);

«Поучение о труде и о царстве небесном» (21 августа):
«...вѣстѣ во сами павла глѣюща. тако неправеднѣи не видоутѣ вѣ
црѣвіе бжїе. ни блѣдници ни прелюбоудѣи ни всакѣ творѣи блонѣ.
ни с моужѣ лежѣщѣи. ни татѣи ни клеветници. ни мѣзонимѣци ни
пѣдници во црѣво бжїе не видѣтъ...» (л. 543).

«Страсть св. апостола Матфея» (9 августа): «...швогда
влачиниѣ вѣ и вѣнѣ. и строужѣ и жгомѣ и шклевѣтаемѣ и
оүничикаѣ...» (л. 556 об.) и др.

Эта особенность сближает текст исследуемого Пролога с текстами Епифания Премудрого. Однако следует отметить, что в принадлежащих перу Епифания произведениях агиографии («Житии Сергия Радонежского» и «Повести о Стефане, епископе Пермском») иерархически организованные ряды однородных членов служат необходимым структурным элементом, организующим текст его произведений в целом. Отмеченный нами изоморфизм выражения основного концепта (идеи святости)¹¹, опирающийся на однородность, для Епифания является основополагающим принципом построения жития как жанра. Мысль о цикличности, повторяемости событий выражена посредством повторяемости элементов трех уровней: на уровне лексики — это синонимия и связанная с ней полиномия, на уровне синтаксиса — это однородность членов предложения и изоколия, на уровне построения текстов — это постоянный возврат к одной и той же теме, центральной идее жития. Однако, на наш взгляд, отмеченные в исследуемых проложных чтениях примеры не отражают подобного построения текста. Скорее, употребление в нем подобного рода усложненных конструкций — дань традиции. Эта мысль подтверждается еще и тем, что примеры подобных рядов однородных членов предложения нам встретились в таких устойчивых по структуре и языку в силу своей каноничности фрагментах изучаемого текста, как произведения (в особенности Поучения, Слова) известных христианских авторов. Житийные же фрагменты отражают иное представление о построении текста, что, без сомнения, связано с самим назначением проложных житий — дать краткую информацию о жизни святого в день его

памяти. В связи с этим следует отметить, что сам принцип построения образа прославляемого святого, способ его изображения в исследуемых отрывках, как и в целом в жанре Пролога, совершенно иной, чем в текстах «плетения словес», что связано с разными установками авторов. Автор проложного жития ставит задачу создать текст, максимально удобный для применения его в церковной службе, текст, который носит чисто информативный характер. Основной установкой при этом становится показать, за какие стороны жизненного подвига герой проложного жития был причислен к лику святых. На наш взгляд, в данном случае несколько нивелируется основная идея создания жития: посредством изображения земной жизни святого указать читателю на проявление в профанном мире сакрального смысла. Основной же задачей автора пространного агиографического сочинения, выдержанного в духе «плетения словес», становится не изображение святого как личности, но изображение его как избранника Бога, как носителя идеи святости. Главной установкой при этом становится назидание: в святости залог грядущего спасения каждого — и читателя, и самого составителя жития.

Отсюда, по нашему мнению, и различные приемы изображения святого. В изучаемых фрагментах августовского Пролога переписчик, следуя традиции, доносит мысль о святости, перечисляя конкретные действия героя, его страдания за Христа на пути к святости, то есть логическим путем. Такой способ изображения святого мы встречаем, например, в чтении, посвященном Феодосию Печерскому: «Феодосіи прѣвѣнныи ѿць нашъ ѿ млѧ ноготъ хѧ возлюбивъ. и по заповѣдемъ поживъ и крѣтъ на ramoу вземъ и по нѣ иде и прочаш лѣта свои в пещерѧ и в горѧ и во пропасть земныѧ пребываше постомъ и млтвою. и прочими оустроеніи добрыми. за многю добродѣтель его великими чудо-

творными дарми про // слави и вѣтъ тако мѣро многоцѣнно и ка-
дило прѣлтно къ вѣѣ принесенъ вѣи и с миромиъ почи и причтенъ
вѣи к ликѣ правенъ вѣ вѣки раѣтасъ» (л. 554–554об.)

Подобные примеры мы находим и в составленном Елифанием Премудрым «Житии Сергия Радонежского»: «Старець чуд-
ный, добродетelmi всякими украшен, тихый кроткий нрав имея,
смиреныи, добронравыйи, приветливыйи и благоуветливыйи, утешител-
ныйи, сладкогласныйи и благоподатливыйи, милостивыйи и добро-
сръдыйи, смиреномудрыйи и целомудреныйи, благоговеинныйи и ни-
щелюбивыйи, страннолюбныйи и миролюбныйи, и боголюбныйи»¹⁷.
Общая идея цитированного фрагмента — показать, что святой
Сергий был полон добродетелей, но сообщается об этом через
их конкретное перечисление. Тем самым на первый план выдвигается не конкретный подвиг святого, а идея святости как тако-
вая. Немаловажную роль в переосмыслении приемов изображе-
ния святого сыграли «второе южнославянское влияние» и свя-
занная с ним философия исихастов. «Плетение словес» можно
назвать способом экспликации эстетики ближневосточной лите-
ратуры и идей исихастов. Именно поэтому казалось бы традици-
онные византийские и раннехристианские изобразительные прие-
мы приобретают в «плетении словес» новый смысл.

Таким образом, исследование показывает, что в целом язык
и стиль фрагментов августовского Пролога отражает следование
традиции, сложившейся в создании произведений подобного
жанра. Черты «второго южнославянского влияния» отражаются
в нем непоследовательно и, скорее всего, не являются результа-
том так называемой «книжной справы», а призваны сохранить
язык Пролога в рамках традиционного книжного языка. На
уровне синтаксиса, стилистики и структуры текста не допускает-
ся практически никаких новшеств. Это может быть связано с

неоригинальностью произведения: его структурные компоненты не сочинялись автором, а были уже готовыми статьями, которые требовалось только переписать. Такая стабильность поддерживается книжной традицией, которой следует автор.

Источники и литература

1. Фундаментальная библиотека Нижегородского госуниверситета. Отдел иностранной и редкой книги, инв. № 933757.
2. См., например: *Соболевский А.И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894; *Лихачев Д.С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // *Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике.* М., 1960. С. 95–151; *Жуковская Л.П.* К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1282–1632 гг.) // *История русского языка: Исследования и тексты.* М., 1982. С. 277–287; и др.
3. *Щепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. М., 1920. С. 118–120; *Чаев Н.С., Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1946. С. 75–79, 140–144.
4. *Щепкин В.Н.* Указ. соч. С. 119; *Чаев Н.С., Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 140–144.
6. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 190.
7. *Лихачев Д.С.* Указ соч. С. 126.
8. *Абрамова И.Ю.* Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля «плетение словес» (на материале житий XIV–XV вв.). Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004. С. 127.
9. Там же.

10. Там же.
11. Там же. С. 133.
17. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – сер. XV века. М., 1981. С. 408–410.

Список сокращений

- АО — Археологические открытия
- АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
- АФЭХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV– XVI веков
- БРАН ОР — Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописей (г. Санкт-Петербург)
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV– XVI вв.
- ИВ — Исторический вестник
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ПКПМ — Патерик Киевского Печерского монастыря
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РНБ ОР — Российская национальная библиотека Отдел рукописей (г. Санкт-Петербург)

Содержание

<i>Русинов В.Н.</i> Древнерусский город «Клецин»: историческая реальность или историографическая фикция?	3
<i>Русинов В.Н.</i> О происхождении славянских названий Плещеева озера	98
<i>Абрамова И.Ю.</i> Конвюлот из собрания рукописей и редких книг фундаментальной библиотеки Нижегородского госуниверситета	155

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И БЫТОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ

Сборник научных трудов

Под редакцией В.Н. Русинова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского.
603950. Н. Новгород, пр. Гагарина, 23.

Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Academy
Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд.л. 9,1. Заказ 1025. Тираж 40 экз.

Типография Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.